

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Кейт КУИНИ

ИМПЕРАТРИЦА СЕМИ ХОЛМОВ

Всемирная история в романах

Кейт Куинн

Императрица семи холмов

«ВЕЧЕ»

2012

Куинн К.

Императрица семи холмов / К. Куинн — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4444-7916-2

Рим, II век нашей эры. В годы правления Траяна империя достигла небывалой мощи и величия, распространив свое владычество даже на самые отдаленные уголки Европы и Азии. Но могло ли это продолжаться вечно? Сын гладиатора Векс, авантюристка Сабина, интриганка Плотина и амбициозный патриций Адриан становятся главными пешинками в водовороте интриг, которыми, как и во все времена, движут три кита страстей человеческих: любовь, ненависть и жажда власти. Судьбы этих людей тесно переплетаются с судьбой Римской империи, теряющей лучшего из владык Вечного города на семи холмах.

ISBN 978-5-4444-7916-2

© Куинн К., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Об авторе	6
Избранная библиография Кейт Куинн	7
Часть I. Рим	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	60
Глава 7	72
Часть II. Дакия	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Кейт Куинн

Императрица семи холмов

Посвящается Стивену, который во многом – веснушки, неугомонность, вспыльчивость, храп по ночам, «леворукость», нелюбовь к лошадям, ловкое обращение с мечом, нетерпеливость при общении с начальством, – очень похож на Векса

© Kate Quinn, 2012

© Бушуев А. В., Бушуева Т. С., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Об авторе

Интерес к далекому прошлому пробудился у будущей американской писательницы Кейт Куинн (р. 1981 г.) еще в раннем возрасте, когда ее мать, ученый-историк, вместо сказок рассказывала дочери на ночь о приключениях Юлия Цезаря и Александра Македонского. Кейт получила образование в Бостонском университете, где обучалась классическому вокалу. Свой первый роман, «Хозяйка Рима», она начала писать еще будучи студенткой. Его публикация состоялась в 2010 году.

За дебютной книгой, в которой описывается судьба рабыни Теи и гладиатора Ария, бритта по происхождению, в эпоху правления императора Домициана, последовали еще три романа о Вечном городе в годы, наполненные бурными событиями римской истории.

В «Дочерях Рима» действие разворачивается в 69 году нашей эры, в так называемый год четырех императоров, когда на троне быстро сменили друг друга Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан.

Роман «Императрица семи холмов» повествует об эпохе правления Траяна. В феврале 2015 года вышла небольшая повесть – «Три судьбы», предвещающая «римскую» эпопею, а в марте того же года поклонники творчества писательницы получили четвертый роман саги – «Матрона Вечного города». В нем рассказывается об эпохе правления Адриана. На его страницах читатель снова встретит Сабину и Викса.

В промежутке между книгами из истории Римской империи Кейт Куинн написала два романа об Италии эпохи Борджиа («Змей и жемчужина», «Лев и роза»), объединенные общей героиней, Джулией Фарнезе, любовницей папы Александра VI.

Вместе с пятью другими авторами Куинн приняла участие в создании романа о гибели Помпей, «День пламени» (писательнице принадлежит 4-я часть – «Сенатор»).

Книги Кейт Куинн переведены на несколько иностранных языков, их отличает увлекательный, изобретательный сюжет, достоверность исторических событий, точность деталей и реалий описываемой эпохи, убедительно выписанные характеры персонажей. Талантливому и многообещающему автору неизменно удается создавать произведения, интересные как для женской, так и для мужской читательской аудитории, которых она привлекает романтическими отношениями героев, закрученной интригой, головокружительными приключениями и добротно проработанным историческим фоном.

Александр Бушцев

Избранная библиография Кейт Куинн

- «Хозяйка Рима» (Mistress of Rome, 2010)
- «Дочери Рима» (Daughters of Rome, 2011)
- «Императрица семи холмов» (Empress of the Seven Hills, 2012)
- «Змей и жемчужина» (The Serpent and the Pearl, 2013)
- «Левироза» (The Lion and the Rose, 2014)
- «Матрона Вечного города» (Lady of the Eternal City, 2015)

Часть I. Рим

Глава 1

Викс

Когда мне было тринадцать, астролог предсказал, что когда-нибудь я буду командовать легионом и мои солдаты будут называть меня Верцингеториксом Красным. Астрологи, как известно, великие мошенники, но этот маленький тщедушный человечек оказался прав во всем. Я получил и прозвище, и легион, хотя на это ушло гораздо больше времени, чем следовало.

Но почему он ничего не рассказал мне о самом главном? Отчего не сказал, что императоров можно любить, а вот императриц – только бояться? Почему умолчал, что мне будет приказано убить своего лучшего друга и приказ этот прозвучит из уст того, кто был мне ненавистен? И почему, о, боги, даже словом астролог не заикнулся про девчонку в голубой вуали, которую я встретил в тот самый день, когда услышал эти предсказания?

Про эту сучку. Впрочем, как я мог это знать? Тогда мы оба были детьми: я – тощий мальчишка-раб, она – красивая юная патрицианка в голубой вуали и в синяках (почему, это уже другая история). Она первая, кого я поцеловал, и у нее были нежные, сочные губы. Позднее, когда я, будучи взрослым, снова встретил ее, воспоминание о них было столь сильно, что я, признаюсь, утратил бдительность. Если этот астролог был настолько хорош, почему он не предупредил, что я должен остерегаться ее?

«Опасайся девчонки в голубом!» Ну что стоило ему сказать эти слова? Мне же, скажу я вам, спустя годы пришлось заплатить за это ох какую высокую цену!

Но я забегаю вперед. Мое имя – Верцингеторикс. Викс для друзей, Красный для моих солдат и «вонючий плебей» для моих врагов. Я служил четырем императорам – одного лишил жизни, второго любил, с третьим подружился и, наверно, зря не убил четвертого. Я – Верцингеторикс, и мне есть, что вам рассказать.

Весна 102 года н. э.

Не стану утомлять вас долгим предисловием. Начало моей жизни вряд ли можно назвать блистательным. Моя мать была рабыней, отец – гладиатором, и ниже этого пасть невозможно. Если вы любитель гладиаторских боев в Колизее, то вы точно слышали о моем отце, но раскрывать его имя я не стану. Пусть все думают, что он мертв, его самого это устраивает. В конце концов он поселился на вершине горы на самом севере Британии, где истязает клочок земли, который называет садом, и совершенно счастлив. Моя мать тоже счастлива. Она поет за работой и производит на свет детей, чтобы заполнить дом, подаренный императрицей в знак благодарности за кое-какую услугу (какую именно, я не скажу). Прожив на родине отца почти пять лет, – тем более что мне стукнуло восемнадцать, – я, скажу честно, порядком заскучал.

Нет, в Британии было куда лучше, чем в Риме. Но я привык к приключениям, а в доме на горе, полном детишек, какие могут быть приключения? Кроме того, по соседству с нами жила девушка, которая положила на меня глаз, и пару раз мы с ней неплохо позабавились за сараем, но я не собирался жениться на ней. Мне же было страшно подумать, что меня ждет, если я буду вынужден подчиниться воле отца, если тот решит, что я должен на ней жениться. В

свои восемнадцать я был рослым парнем, однако отец был крупнее, сильнее и выше. И хотя я неплохо владел оружием, выстоять в поединке с ним шансов у меня не было. Поэтому я решил покинуть отчий дом и направить свои стопы в Рим, центр мироздания. Отец отнесся к этому решению скептически, однако дал мне амулет, призванный оберегать мою жизнь, а заодно и кошелек с деньгами, предназначенными для моего пропитания. Мать плакала, но, скорее всего, потому, что вновь была беременна.

Нет смысла описывать мое путешествие. Оно было долгим и не слишком приятным. Содержимое кошелька я проиграл подлому армяшке-матросу, который жульнически обставил меня в кости. И не раз во время сильной качки я был вынужден распрощаться с ужином. Ненавижу корабли. До сих пор ненавижу. И все же я добрался до Рима.

Моим родителям ненавистно само слово Рим. Что неудивительно, если знать, что выпало на их долю в этом городе. Но стоило мне сойти на берег с борта нашей вонючей посуды и глубоко вдохнуть здешний воздух, как я понял, что оказался дома.

Кто только не описывал этот город! И все терпели неудачу. Ибо Рим невозможно сравнить ни с чем. Забросив котомку на плечо, я описал круг и огляделся по сторонам. Я вырос в Брундизии, и в дни моего детства мать еще была рабыней. В Рим я попал позже и не по своей воле. Тогда у меня не было времени хорошенько изучить город, и я плохо знал его улицы. Теперь же ничто не мешало мне упиваться этим людским муравейником – его вонью, шумом, сутолокой. Кто только не искал здесь удачи! Проститутки в темных платьях. Моряки с медной серьгой в ухе. Торговцы, сующие свои нехитрые товары вам прямо под нос. Уличные мальчишки, что пытаются забраться грязными пальцами вам в кошелек.

Это была жизнь, грубая и шумная, подобная свежей крови, струящейся из раны. Сходни пружинисто покачивались под моими ногами. Слегка пошатываясь, я направился к причалу, на всякий случай положив руку на заткнутый за пояс нож. В Риме найдется немало любителей воткнуть вам в спину кинжал и лишь потом выяснить, имеется ли у вас при себе что-то ценное.

– Мой город, – произнес я вслух и удостоился любопытного взгляда какой-то матроны с корзинкой в руках. Я послал ей воздушный поцелуй, и она испуганно поспешила дальше. Я проводил ее взглядом, не в силах оторвать глаз от ее обтянутых красным платьем бедер, крутых, как бока бочонка. Я целый месяц провел на этом вшивом корабле, понятное дело, без женщины, и был готов лечь на любую.

Я изголодался по женщине даже больше, чем по еде. Увы, в моем кошельке не было денег даже на самую дешевую портовую шлюху. Так что хочешь не хочешь, а придется отложить это дело на потом.

– Где тут у вас Капитолийский холм? – спросил я на скверной латыни у проходящего мимо моряка и тут же получил совет ступать дальше. А вот торговец кухонной утварью оказался куда любезнее. Я снова закинул котомку на плечо и, насвистывая, отправился в указанном направлении. Как оказалось, город я помнил очень даже неплохо. Странно. Я покинул Рим в тринадцать лет, но впечатление было такое, будто я расстался с ним только вчера. Стоило мне миновать Форум, где густо пахло мясом и свежим хлебом, как толчея на улицах значительно поредела. Я ослабил пальцы, сжимавшие рукоятку ножа, и позволил ногам самим искать себе путь.

Вскоре я остановился, глядя на роскошный мраморный дворец, занимавший половину Палатинского холма. Пять лет назад в его стенах обитал безумец, чьи глаза были так же черны, как и его душа. Погруженный в воспоминания, я бы стоял и дальше, но сердитый преторианец в красном плаще приказал мне убираться восвояси.

– Эй, у вас что, все дворцовые стражники теперь такие же красавчики, как и ты? – парировал я. – Или меня просто долго не было в Риме?

– Живо проваливай отсюда! – рявкнул страж и подтолкнул меня в спину тупым концом копья. Ох уж эти преторианцы – никакого чувства юмора. Затем я какое-то время стоял, тара-

щась на громадину Колизея. Нет конечно, его огромную чашу я видел не в первый раз, но за эти годы успел позабыть его жутковатое каменное величие. Ни одно другое здание не давит на вас так, как Колизей, с его арками, пьедесталами, статуями, что смотрят на вас из ниш своими незрячими мраморными глазами. А желтый песок арены внутри, казалось, навечно впитал в себя все кошмары моего отца, да и часть моих тоже. Я никогда ему об этом не говорил, но он и так знал. Это знает любой, кто когда-либо выходил на арену Колизея.

С тех пор прошло много лет, и я сам уже не тот мальчишка, что потрясал здесь когда-то мечом. С тех пор я участвовал в стольких поединках, что потерял им счет, но ни один из них не возвращается ко мне в снах в отличие от тех, что состоялись на арене Колизея. Здесь, на этом песке, еще будучи ребенком, я пролил первую кровь. Я убил огромного мускулистого галла, который явно не спешил убивать меня. Наверно, именно этим объяснялась его странная медлительность, и потому победа досталась мне. Да, не лучший способ показать, что ты мужчина.

Машинально трогая висевший на шее амулет, подарок отца, я еще какое-то время тарасился на каменную громаду, и мне не давал покоя вопрос, кому первому пришла в голову мысль строить эти огромные дворцы массовых убийств. Поразмыслив немного, я пожал плечами и побрел в направлении Капитолийского холма. Здесь было не таклюдно, мостовая чистая и гладкая, женщины в основном одеты в шелк, а не в шерсть. На рабах, что сновали туда-сюда, выполняя поручения хозяев, значки с именами самых именитых семейств.

Я прошел мимо знаменитой Капитолийской библиотеки – в этот момент из нее, серьезно насупив брови, выходили с полдюжины сенаторов в тогах, и я замедлил шаг. Мать сказала, что нужный мне дом находится где-то рядом.

– Ты что-то ищешь? – обратился ко мне раб в опрятной тунике, подозрительно оглядывая меня с головы до ног. – Может, я могу тебе помочь?

– Мне нужен дом сенатора Норбана.

– Здесь не подают милостыню.

– А кто сказал, что я ее прошу? Я лишь хочу знать, чей это дом, сенатора Норбана или нет.

– Да, но...

– Отлично. Потому что у меня к нему дело.

Раб был рослый, но не выше меня. Оттолкнув его плечом, я шагнул в узкий коридор, украшенный дюжиной мраморных бюстов, которые взирали на меня со своих постаментов с явным неодобрением.

– Хватит кудахтать, – бросил я рабу, который увязался за мною вслед. – Сенатор знает, кто я такой.

Мы с ним попрепирались еще минут десять, после чего я был впущен в небольшой атрий, где мне было велено ждать.

– Даже не думай, что сразу попадешь к нему, – презрительно бросил мне раб. – Сенатор занят.

С этими словами он напоследок еще разок окинул меня подозрительным взглядом, как будто сомневался в том, оставлять ли меня одного наедине с ценной обстановкой дома, и лишь затем вышел. Я же закинул голову назад и принялся рассматривать дом. Сквозь открытую крышу атрия внутренний двор заливал солнечный свет, на полу мозаика с изображением виноградных лоз, а в самом центре фонтан, чаша которого выложена голубым мрамором. Из угла на меня через плечо кокетливо посматривала каменная нимфа. Я же давно не был с женщиной, так что даже вид ее мраморных грудей показался мне соблазнительным.

Положив котомку на мраморную скамью, я опустил на одно колено и ополоснул в фонтане лицо. А когда поднял глаза, обнаружил перед собой маленькую девочку с деревянной лошадкой в руках. Положив в рот большой палец, малышка задумчиво смотрела на меня.

– Привет, мелюзга, – поздоровался я. На вид ей было года четыре, от силы пять, – столько же, сколько и моей младшей сестренке. – Ты кто такая?

Не вынимая пальца изо рта, девочка пристально посмотрела на меня из-под светлой челки.

– Ты тоже из дома Норбанов?

Девчушка вынула изо рта палец и несколько мгновений рассматривала меня, после чего палец вернулся в рот.

– Я хотел бы поговорить с твоим отцом.

Ответом мне стало причмокивание.

– Где тут у вас уборная? Мне бы справить нужду.

– Это дальше по коридору, – раздался у меня за спиной голос. Я обернулся. Позади меня стояла девушка в голубом платье: худенькая, с каштановыми волосами, примерно того же возраста, что и я.

– Я к сенатору Норбану, – пояснил я.

– Ничего, успеешь.

С этими словами, девушка подхватила на руки малышку, заставила ее вынуть изо рта палец, и даже не обернувшись на меня, как будто знала, что я последую за ней, зашагала вдоль по коридору. Я увязался вслед за ней в уборную.

– Если тебе нужно будет помыться, здесь есть вода, – сказала она. Римляне, скажу я вам, страшные чистюли и моются чаще, чем кто-либо у нас в Британии. Я налил себе тазик и смыл с лица и шеи накопившуюся во время путешествия грязь.

– Ну как, лучше? – спросила меня девушка-патрицианка, когда я вышел из уборной.

– Гораздо лучше, госпожа, – ответил я, отвешивая неуклюжий поклон. Что поделать, я порядком отвык от церемоний. С одной стороны, в Британии не так уж много бань, с другой стороны – не слишком много поводов кому-то кланяться. – Спасибо.

Она пристально посмотрела на меня, и внезапно лицо ее озарилось улыбкой. Зубы у нее были мелкие и слегка неровные, но это не испортило ее лица.

– А-а-а, – протянула она.

– Что, а-а-а?

В следующий миг из дома к нам, шурша шелковым платьем, вышла коренастая светловолосая женщина с годовалым ребенком на руках.

– Сабина, ты не видела?.. – обратилась она к девушке. – Ах, вот она.

С этими словами она усадила светловолосую малышку себе на другое бедро.

– Фаустина, тебе полагается быть с няней! А это еще кто? – удивилась она, заметив мое присутствие, и взяла детей поудобней.

– Это Верцингеторикс, – спокойно ответила девушка в голубом платье. – Он ждет, когда отец его примет.

Верцингеторикс? Я встрепнулся, как ужаленный.

– Только не докучай ему слишком долго, – сказала светловолосая женщина. – Мой муж много работает. Фаустина, Лин, пора принимать ванну.

Напоминая желтое шелковое облако, она удалилась, унося детей, которые с любопытством продолжали тарашиться на меня.

– Откуда тебе известно мое имя? – спросил я у девушки в голубом платье, когда та вернулась в атрий. Она бросила быстрый взгляд через плечо.

– Так ты меня не помнишь?

– Хм...

– Ладно, не переживай. Лучше скажи мне, зачем тебе понадобился мой отец.

– Я только что вернулся в Рим из Британии. Перед отъездом мать сказала мне, что твой отец может мне помочь. Так все-таки, откуда тебе известно...

– Ты правильно сделал, что пришел к нему. Отец всегда готов помочь людям.

С этими словами она подозвала управляющего и вполголоса переговорила с ним.

– Я сделала тебя первым в очереди.

И правда, вскоре я уже входил в кабинет к сенатору.

Сенатор Норбан из тех людей, с кем невольно начинаешь соблюдать свои самые лучшие манеры. То же самое умел делать с людьми и мой отец, хотя и по иной причине: все знали, что грубить ему себе дороже, любая неучтивость может для грубияна плохо кончиться. Нет, конечно, сенатор Норбан не мог похвастать пудовыми кулаками: лет под семьдесят, седой, слегка скособоченный, пальцы в чернилах, он не производил впечатления физической силы. И все же с самой первой минуты я сидел перед ним ровно, словно статуя, и тщательно подбирал слова.

– Верцингеторикс, – задумчиво произнес он. – Мне частенько не давал покоя вопрос, как там поживаете ты и твоя семья.

– Хорошо поживаем, сенатор.

– Рад слышать. Ты в Рим надолго?

– Надолго. Это ведь центр всего на свете.

– Что ж, так оно и есть, – сенатор задумчиво покатал между пальцами стило. В его кабинете царил веселый беспорядок – куда ни помотришь, повсюду валяются таблички, перья, свитки, пергаменты. Такого количество свитков, как в его кабинете, я не видал за всю свою жизнь.

– И чем ты намерен заняться здесь, в Риме?

– Думал податься в легионы.

Когда-то моей заветной мечтой было стать гладиатором, но стоило мне вкусить гладиаторской жизни, как мечта пропала сама собой. Но если не гладиатором, то кем еще мог стать молодой человек, ловко владеющий мечом? Только податься в легионы. К тому же даже бывший раб мог дослужиться в римской армии до командира.

– А известно ли тебе, какие обязательства берут на себя те, кто идут служить в легионы? – спросил сенатор, откладывая стило в сторону. – Сколько тебе лет?

– Двадцать.

Сенатор недоверчиво посмотрел на меня.

– Девятнадцать, – уточнил я.

И вновь он смерил меня пристальным взглядом.

– Будет девятнадцать через пару месяцев.

– Значит, пока восемнадцать. Как я понимаю, ты рассчитываешь сделать себе там карьеру?

– Не ходить же мне всю жизнь в рядовых! – фыркнул я.

– В любом случае двенадцать лет отходить придется. Потому что центурионом раньше тридцати не становятся.

– До тридцати?

– Но даже возраст еще не гарантия. Не имея покровителя, центурионом не стать. Я же не знаю, проживу ли я еще двенадцать лет, – сенатор пригладил седые волосы.

– Ну. – Я поерзал на стуле, усаживаясь поудобнее. – Может, я и не останусь в армии до тридцати. Есть и другая работа.

Сенатор посмотрел на меня, как на малого ребенка.

– Срок службы легионера – двадцать пять лет, Верцингеторикс. Если пойдешь служить в восемнадцать, освободишься лишь в сорок три. А до этого даже не мечтай ни о какой другой работе.

– Двадцать пять лет?

– А что, разве ты перед тем как решил пойти служить в легионы, не выяснил таких вещей, как срок службы?

Вместо ответа я лишь пожал плечами.

– Ох уж эта молодежь, – вздохнул сенатор Норбан. – А свое армейское жалование ты тоже не знаешь? Триста денариев в год – на тот случай, если это тебе не известно. За вычетом стоимости оружия, доспехов и пайка, разумеется.

– Клянусь Хароном, – пробормотал я, – да вы тут, в Риме, жмоты.

– Кроме того, смею предположить, что тебе не известны законы, касающиеся вступления в брак. Легионерам запрещено жениться. Исключение делается лишь для центурионов. Но и они не могут брать с собой жен в поход. Кроме того, ты можешь провести весь срок службы вдали от Рима, в каком-нибудь дальнем гарнизоне.

– Обойдемся и без жены, – ответил я, слегка хорохорясь. Но если сказать по правде, после его слов мой пыл постепенно пошел на убыль.

– Подумай, как следует, – произнес сенатор Норбан. – Пойми, дело не в том, что я хочу разочаровать тебя, отбить у тебя желание служить в армии. Просто ты должен знать, во что ввязываешься. Ведь есть и другие возможности.

О которых, кстати, я уже начал подумывать.

– Это какие же?

– Как ты отнесешься к тому, чтобы стать стражником? Хороший стражник всегда на вес золота. И если мне память не изменяет, ты еще в детстве умел ловко обращаться с оружием.

– Не знаю, надо подумать.

Но славы, работая стражником, себе точно не сыщешь.

– Тебе есть, где жить, Верцингеторикс?

– Я только сошел с корабля.

– У одного моего клиента в Субуре есть небольшая гостиница. Думаю, он тебя пустит пожить неделю-другую, пока ты не подыщешь себе работу. Я напишу ему письмо.

Взяв в руки стило, сенатор Норбан принялся сочинять записку. Я же с тоской представил себе свое будущее. Двадцать пять лет. Неужели есть желающие впрягаться в это ярмо?

– Ну вот. – Сенатор запечатал письмо. – Прежде чем уйти, загляни в кухню. Пусть тебя там накормят. А как только что-нибудь надумаешь, приходи снова. Я перед твоими родителями в долгу, и любая помощь тебе с моей стороны бессильна возместить этот долг сполна.

– Спасибо, сенатор.

– Кстати, о твоих родителях. – Его взгляд неожиданно сделался непроницаемым. – Надеюсь, тебе хватило ума не упоминать в разговорах их имен? Равно как и императора Домициана? Все они мертвы, по крайней мере официально, и будет лучше, если так будет и дальше.

– Да, господин.

Проклятье! Скажу честно, я рассчитывал немного воспользоваться именем моего отца. Ведь наверняка еще есть любители гладиаторских боев, которые помнят Ария Варвара. Кто знает, вдруг они помогли бы мне подыскать работенку. Но сенатор буравил меня суровым взглядом, и я был вынужден сделать невинное лицо.

– В таком случае желаю тебе удачи. – Сенатор Норбан протянул мне свиток. Я с поклоном взял его и вышел вон, не зная, что делать дальше. Если не в легионы, куда мне теперь податься? Единственный мой талант – это держать в руке меч. Других у меня просто нет.

Сабина

– Ну как, получил то, что хотел? – спросила Сабина, оторвав глаза от свитка, когда высокий юноша вернулся в атрий. Было видно, что он чем-то расстроен.

– Не похоже, – ответил он, приглаживая непокорную шевелюру, после чего подошел к бассейну и задумчиво поводил ногой по мраморному краю. – Я рассчитывал, что твой отец поможет мне получить место в армии, но теперь я не уверен, что мне самому этого хочется.

– Почему?

– Не вижу причин, почему я должен продавать ради этого душу.

– О, Рим твою душу просто так не оставит в любом случае. Или ты этого не знал? – Сабина ногтем пометила место в свитке, где кончила читать. – Впрочем, многие наверняка сочли бы это взаимовыгодной сделкой.

– Только не я.

– В таком случае попробуй податься в гладиаторы, – предложила Сабина.

Юноша нервно дернулся и пристально посмотрел на нее.

– Так ты меня действительно не помнишь?

А вот она узнала его с первого взгляда, даже спустя пять лет. Он почти не изменился: те же самые рыжеватые волосы, загорелые руки, большие ступни, широкие плечи, движения разболтанные, как будто все члены его скреплены наспех. В общем, точно такой, каким она его помнила, лишь слегка возмужал.

Он, в свою очередь, с опаской смотрел на нее.

– А я должен тебя помнить?

– Может, и нет, – ответила она, хотя в целом день был запоминающийся.

– Кто ты? – спросил он ее.

Она поднялась, отложила в сторону свиток и, шагнув к нему, встала рядом. Затем, обхватила его одной рукой за шею и, встав на цыпочки, заглянула в глаза.

– Теперь помнишь? – с улыбкой спросила она, откинув назад голову.

В его глазах мелькнул огонек узнавания.

– Сабина, – неуверенно произнес он. – Верно я говорю?

– Верно.

– Не узнал тебя без синяков, а в остальном ты почти не изменилась. – Он окинул ее глазами с головы до ног. – Ты первая, кого я поцеловал.

– Ты, Юный Варвар? Я польщена.

Почувствовав, как его руки потянулись к ее талии, она сделала шаг назад.

– Все римские девушки были без ума от Юного Варвара. В тот год ты совершал свои подвиги на арене Колизея. Твое взятое в сердечко имя украшало собой двери всех римских школ. Когда я говорила своим подругам, что знакома с тобой, они мне не верили.

– А ты сказала им, что я тебя целовал? – Он с хитрой улыбкой сделал шаг ей навстречу.

– Вообще-то это я поцеловала тебя. – Сабина вновь взяла в руки свиток и опустила на мраморную скамью. – И что теперь? Если не легионы, тогда что?

– В любом случае не арена. Туда я ни ногой. – С этими словами юноша прислонился к колонне и, гордо вскинув подбородок, с вызовом сложил на груди руки. – А ты наверняка уже замужем? – спросил он.

– Только не это.

В прошлом году ей исполнилось семнадцать. На день рождения отец подарил ей жемчужное ожерелье и пообещал, что она вольна в выборе супруга. Это обещание было для нее куда более дорогим подарком, нежели жемчуг.

– Я подумал, что это твой малыш.

– Нет, только не Лин. Он и Фаустина – дети Кальпурнии. Это моя мачеха.

Сабина вновь взяла в руки свиток. Ей не терпелось насладиться последними строчками, в которых Улисс разделался с женихами, досаждавшими его верной жене. Она с упоением читала строки Гомера, одновременно досадуя на слепого грека за то, что он почти ничего не написал о том, как провела Пенелопа без мужа все эти годы.

Увы, большие, обутые в сандалии ноги даже не сдвинулись с места, продолжая стоять перед ней каменными колоннами. Сабина вновь подняла глаза на рослого, рыжеволосого юношу и подумала, что в тихом, увитом виноградными лозами атриум он смотрится не совсем к месту. Между тем уголки его рта растянулись веселой улыбкой, и Сабина рассмеялась в ответ.

- Да сопутствует тебе Фортуна, Верцингеторикс, – сказала она.
- Да я уж как-нибудь сам о себе позабочусь, – гордо бросил он.
- Вот как? Что ж, значит, тебе можно только позавидовать.

Держа свиток в руках, она отошла прочь, нашла место, на котором остановилась, и на ходу вновь погрузилась в чтение. Виск проводил ее взглядом. Сабина почувствовала это, даже не поворачивая головы.

Виск

Гостиница, в которую меня направил сенатор Норбан, оказалась неплоха. Конечно, ее владелец был далеко не в восторге от того, что должен бесплатно поселить меня на целую неделю. Однако, увидев на записке сенаторскую печать, был вынужден уступить.

– Может, ты взамен хотя бы чем-то поможешь? – буркнул он. – Для такого сильного парня, как ты, работенка всегда найдется. Например, ты мог бы в поздний час сопровождать моих клиентов домой. Они были бы только рады, зная, что их провожает кто-то сильный и с кинжалом.

– А платят за это прилично?

– Еще как! А еще лучше, если они отказываются от телохранителя, и тогда их можно ограбить в темном переулке.

– Половина меня устроит, – произнес я, выразительно выгнув бровь.

– Десятая часть.

– Десятая часть в первую неделю. Третью, как только я начну оплачивать комнату.

– Договорились.

Комната кишела блохами, Но по крайней мере в ней стояла кровать, которая не ходила ходуном туда-сюда, как подвесной мост. Я с размаху плюхнулся на нее, а в следующий момент заметил, как по скрипучей внешней лестнице спускается горничная. Прыщавая, зато грудь – как две дыни. Проходя мимо с корзиной белья, она с интересом покосилась в мою сторону.

Может, день, в конце концов все-таки удался?

Сабину я успел выбросить из головы. Да и какой мне толк о ней думать? Самовлюбленная патрицианка, которую я вряд ли увижу снова после того, как она демонстративно ушла в дом с книгой в руках. Такие девушки, как она, – не для меня. В любом случае грудь у нее крошечная. Даже не яблоки, а фиги. Я же предпочитал яблоки, а еще лучше дыни. Я окинул взглядом сырой коридор, в котором скрылась служанка.

Эх, знай я в тот день, какие неприятности мне светят из-за этой цацы-патрицианки с ее малюсенькой грудью, клянусь, я бы придушил ее своими собственными руками прямо тогда, в атриум. Она же, как ни в чем не бывало, ушла в дом.

Глава 2

Плотина

– Виналии, – с отвращением в голосе произнесла Плотина. – Омерзительный праздник.

– Но ведь от него никакого вреда, – возразил ее венценосный супруг, стаскивая через голову тунику. – Подумаешь, люди празднуют окончание сбора винограда.

– Весь Рим напивается в стельку! Приличные женщины не осмеливаются в этот день даже нос высунуть из дома!

Плотина гневно посмотрела в полированное стальное зеркало, вспомнив, как двадцать лет назад, когда она была еще незамужней девушкой, ее во время виналий ущипнул за бедро какой-то лавочник. Подумать только! Ущипнул, и кого? Ее, Помпею Плотину, которая вполне могла стать весталкой, пади на нее выбор жриц. Правда, она уже тогда твердо знала, что создана для куда более великих свершений.

– Ты хотя бы посетишь конные бега после церемонии? – попытался уговорить ее муж. – Народу не терпится тебя увидеть.

– Хорошо, я высижу первый забег, – согласилось Плотина. – Но о большем даже не проси. Мне зеленое платье, – бросила она рабыне, которая тотчас подбежала к ней, неся в руках темно-зеленый шелк.

Шелк. Как это, однако, вульгарно в своей роскоши. С другой стороны, в чем еще должна предстать перед плебсом императрица? Плотина подняла руки – нет, не голые, а целомудренно прикрытые длинными рукавами туники. Вообще-то римлянки имели грубую привычку ходить с голыми руками, как какие-то куртизанки, даже те из них, что были из приличных семей. Но только не Плотина.

– Проклятье, ну сколько можно суетиться вокруг меня! – набросился на рабов Траян, которые наряжали его царственное тело в тогу с широкой пурпурной каймой. – Все складки на месте, где им полагается.

– Не будь ребенком, – укоризненно бросила мужу Плотина, даже не повернув головы. Император Рима, можно сказать, живое божество, стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, как какой-нибудь пятнадцатилетний мальчишка. Впрочем, в чем-то он им до сих пор остается, вздохнула Плотина, наклоняя голову, чтобы рабыня могла смочить у нее за ушами лавандовой водой. Потому что духами пользуются только шлюхи.

Интересно, эта девушка пользуется духами, задалась мысленным вопросом Плотина. Если да, нужно еще хорошенько подумать.

– Ты готова? – вывел ее из задумчивости голос мужа. – Если моя супруга кончила прихорашиваться, пора отправляться к жрецам.

– Можешь не тратить на меня свои шутки, – холодно произнесла Плотина, придирчиво глядя на себя в зеркало. Темные волосы зачесаны вверх и собраны в узел, и, разумеется, как и пристало замужней женщине, целомудренно прикрыты вуалью. Бледное овальное лицо – никаких румян, никаких подведенных глаз, серьезное выражение лица. Глубоко посаженные глаза, прямой нос, четкая линия рта. Что это? Уж не первая ли нить благородной седины на виске. Плотина всмотрелась в зеркало и осталась довольна. Нет, конечно, она далеко уже не юная девушка. Но она никогда не любила юность, а юность не любила ее. Девушка – это ничто. Взрослая замужняя женщина – это власть. Девушка наивна, взрослая женщина – умудрена опытом. В юности Плотина была длинноногой и нескладной, и вот теперь, когда ей исполнилось тридцать пять, ее стали сравнивать с богиней.

– Я готова, – ответила Плотина и, поднявшись, взяла мужа за руку. Траян был высок ростом, но и она была ему под стать. По крайней мере ей не нужно было запрокидывать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Как, впрочем, и всем другим рослым мужчинам Рима, и это ей нравилось. Ведь известно, что небесные богини все как одна высокого роста. Плотина же привыкла брать пример лишь с самых высоких и самых достойных образцов.

Нет конечно, она ни за что не станет подражать любой богине. Только Юноне, небесной царице, ибо только она безукоризненна во всем. Ведь не секрет, что другим небожительницам по части целомудрия до нее далеко.

Вскоре императорская чета уже вступала под своды храма. Плотина неодобрительно покосилась на статую Венеры – кудрявое, легкомысленное создание. Какова богиня, такова и статуя! На месте Юноны я никогда бы не подпустила сюда эту шлюху даже близко. В конце концов даже боги должны содержать свою небесную обитель в чистоте и благопристойности. Ведь содержит в чистоте и благопристойности свой дом она, Плотина.

Жрец тем временем воздел руку с кувшином, наполненным молодым вином, и принялся нараспев читать молитву, прося богиню ниспослать богатый урожай и благодаря за урожай предыдущих лет. Судя по тому, как покраснелось его лицо, он успел приложиться к кувшину с молодым вином, причем не один раз. «Надо будет заменить его на другого жреца», – сделала мысленную пометку Плотина.

Впрочем, его молитвы никто не слушал. Мужчины стояли, переминаясь с ноги на ногу, в ожидании момента, когда смогут воздать должное молодому вину, девушки хихикали и перешептывались с императорской стражей.

– Покажи им всем пример, – шепнула Плотина мужу, склоняя в благоговейном поклоне голову, тем более что жрец читал завершающую молитву, обращенную к Венере и Юпитеру. Присутствующие тотчас поспешили последовать ее примеру. Включая каштановую девичью головку, которую Плотина приметила еще при входе в храм.

Та самая девушка.

О боги, как же мучителен выбор! Неужели это та, что достойна ее воспитанника? Нет конечно, кровь у нее слегка подпорченная. Ни для кого не секрет, что ее мать не блистала добродетелью. Но будем надеяться, что отец, сенатор Норбан, передал ей свою добропорядочность. Лицо чистое и скромное, с правильными чертами. Блистательная красота ни к чему – она скорее помеха и источник соблазнов. Ведь не секрет, что рука об руку с красотой идут такие пороки, как тщеславие и склонность к неверности. А ведь та, на кого падет выбор Плотины, должна быть исполнена чувства собственного достоинства. Именно по причине отсутствия этого самого достоинства две предыдущие кандидатуры пришлось отклонить.

Жрец продолжал монотонно читать молитву. Плотина же незаметно наблюдала за девушкой. Та стояла тихо, не переминалась с ноги на ногу, не вертела головой по сторонам, как обычно поступают ее сверстницы, придирчиво разглядывая платье своих подруг. Молчалива. Это хорошо. Потупив взор, уважительно стоит позади отца. Прекрасно.

Плотина не сомневалась, что вылепит ее по своему образу и подобию, направит, обучит, выпестует. Вот только платье – шелковое платье винного цвета. Нет, молодой девушке не пристало ходить в шелках. Впрочем, не секрет, что отец ее балует. С другой стороны, платье вполне пристойное – с длинными рукавами.

Девушка посмотрела на свою светловолосую младшую сестренку, которой никак не стояло на месте с ней рядом, и поднесла палец к губам – мол, тс, не шуми. Ага, имеет подход к детям. Тоже хорошо. Потому что та, кого выберет Плотина, родит много детей. Нет, воспитывать их будет она, императрица Рима. Это она возьмет на себя их образование и, что самое главное, привьет им приличия. Что касается воспитания самой девушки – здесь, похоже, есть проблема. Говорят, что сенатор Норбан не только избаловал старшую дочь, но воспитал ее довольно странным образом. И о чем он только думает? Какая практическая польза девушке от

Гомера и Эсхила? И какое счастье, что третья жена сенатора взяла на себя обязанность привить падчерице любовь к домашним делам. Ну, будем надеяться, что отцовские уроки не пошли ей во вред. Тем более что как только пойдут дети, ей будет не до книг. Второй вопрос – приданое. Надо сказать, что здесь Плотина была не столь требовательна, нежели некоторые. Для нее куда важнее другие вещи. К тому же приданое за девушкой дают вполне приличное, а уж применение ему всегда отыщется. Связи – вот что во сто крат ценнее любого приданого. И пусть сенатор Норбан заметно сдал в последние годы, его голос в сенате по-прежнему имеет вес.

Его поддержка может оказаться решающей.

Тем временем жрец закончил молитву Венере и поднял над головой чашу. На пол храма рубиновой струей пролилось вино. Девушка не спускала с церемонии глаз, все так же стоя, как статуя, и лишь слегка наклонив голову, увенчанную по случаю праздника венком из маков.

Во рту у Плотины все пересохло, сердце предательски колотилось к груди. Неужели это она? Та, единственно достойная?

Нет, достойной не может быть никто. Это попросту исключено.

А вот та, что будет всю жизнь к этому стремиться, что ж, такое вполне возможно. Как, например, вот эта. Вибия Сабина. Старшая дочь сенатора Марка Норбана.

Да, пожалуй, она подойдет. Вполне подходящая кандидатура.

– Ну, наконец-то это все, – вывел ее из задумчивости голос мужа, и, взявшись под руку, императорская чета вышла из храма Венеры. Завидев императора, толпа тотчас взорвалась ликующими возгласами. Волна человеческих тел подалась вперед. Люди тянули руки, в надежде прикоснуться к императорской тоге. Этот натиск пытались сдержать преторианцы в красно-золотистой форме, с трудом прокладывая узкую тропу к поджидавшим царственную чету золотым носилкам. Император сначала помог супруге сесть, а сам на мгновение остановился и поднял в приветственном жесте руку. Ликующие крики зазвучали с удвоенной силой: мужчины, женщины, дети – все радостно вопили, срывая голоса.

– А теперь на бега, – произнес Марк Ульпий Траян, великий понтифик и тринадцатый император Римской империи. Носилки взмыли вверх и поплыли прочь, качаясь на плечах шести рослых греков, в направлении Большого Цирка. – О боги, как же я ненавижу этих жрецов с их молитвами!

– Верно, дорогой, – рассеянно согласилась Помпея Плотина, Императрица семи холмов. Мужа она не слушала. Бега ее вообще не интересовали, равно как и вульгарный праздник в честь нового урожая винограда, во время которого мужчины и их подружки-потаскушки напились до бесчувствия прямо на улицах Рима. Сейчас ей не было дела ни до чего. Ее мысли занимало одно – вернее, одна. Та девушка. Та единственно достойная девушка, на которую пал ее выбор. Плотина негромко усмехнулась. Только сейчас до нее дошло, что в последнее время она не думала ни о чем другом. И вот теперь, можно сказать, бремя решения свалилось с плеч. «Ладно, скажу ему завтра, – подумала Плотина, довольная собой. – Что я наконец нашла ту, которую искала».

Викс

Я не слишком жалею патрициев, и скажу честно, что они не слишком любят меня. Выскочка-головорез, обычно бормочут они, увидев меня рядом с собой, причем бормочут довольно громко, чтобы я мог их услышать. Но я не обращаю на них внимания. Потому что пользы от них никакой. Хотя есть и исключения. Причем эти исключения легко проглядеть.

Например, сенатор Марк Норбан. Очень хорошее исключение, я бы даже сказал, замечательное. Что касается плохих исключений, то мне следовало с самого начала внимательнее к нему присмотреться.

Ублюдок.

День начался, но его начало не предвещало ничего хорошего. Я уже ходил с разбитой губой, хотя, казалось бы, добыча мне попалась легкая: богатенький юный патриций, сбежавший от отца и наставников поохотиться на шлюх в Субуре, хотя, скажу вам честно, это не то место, где на них следует охотиться. Нет, шлюху он все-таки поймал, и в придачу к шлюхе подцепил дурную болезнь, которая даст о себе знать этак через пару недель, после чего, по дороге домой, зашел в нашу гостиницу и накачался дешевым вином. Наконец на нетвердых ногах наш любитель приключений вышел на улицу. Хозяин заведения незаметно мне кивнул, и я тоже выскользнул за дверь. Когда я в узком переулке вытащил кинжал и потребовал у него кошелек, юнец все еще был в стельку пьян. Наверно, это и придало ему храбрости. Вместо того чтобы послушно вручить мне кошелек, он разбил мне губу. Не думайте, мой кошелек от меня никуда не ушел, а вот юный патриций поковылял домой с разбитым носом.

– Считаю это боевым крещением. Теперь ты настоящий мужчина! – крикнул я ему вслед. – В любом случае, это лучше, чем та зараза, которой наградила тебя та шлюха.

Кошелек оказался туго набит золотыми монетами, и я взял себе несколько, что лежали сверху, еще до того, как вручил его хозяину гостиницы, чтобы тот отсчитал мне положенный мне процент.

– Вытри губу и смотри в оба, – приказал он мне. – В праздники легкая добыча сама идет в руки.

– Тогда сам ее и лови, – бросил я ему. – А я пойду праздновать, как и все люди. Да здравствует Венера, да здравствует новый урожай винограда.

– Послушай, парень...

Я сделал неприличный жест и вышел вон. Мне под ноги тотчас бросился какой-то грязный уличный мальчишка. Я поддал ему в бок, чтобы он не путался у меня под ногами, и его мамаша, увидев это, принялась орать на меня. Ей я тоже показал неприличный жест и в дурном настроении растворился в толпе. Скажу честно – не о такой жизни я мечтал, когда вернулся в Рим. Нет, с одной стороны, я устроился очень даже неплохо: дармовая койка в гостинице, жратва, в которой не ползало никаких насекомых, денюжки на баню или на театр – было бы желание. Отнимать кошельки у патрициев и богатых торговцев – это для меня как раз свистнуть. Вскоре я даже завел небольшое собственное дело – стал подворовывать у уличных торговцев в Субуре и за небольшой навар перепродавать украденное торговцам на Эсквилине. Так что, с одной стороны, жаловаться на жизнь не приходилось. И все же, и все же.

По случаю праздника всех желающих в Колизей пускали бесплатно, поглазеть на гладиаторские бои. Я не сомневался, что сегодня тысяча львов найдут на арене свой конец, пронзенные острыми копьями, а пять тысяч экзотических птиц – не менее острыми стрелами. Несколько сот преступников будут казнены стражей, а половину несчастных, приговоренных к участию в гладиаторских схватках, сегодня уволочут с арены железными крючьями через Врата Смерти.

Нет, туда я не ходок. Я обошел Колизей и направился в сторону Большого Цирка. Не то чтобы на скачках дело обходится без крови, там всякое бывает, если вдруг перевернется колесница. Но все равно это лучше, чем смотреть гладиаторские бои. Кроме того, в отличие от Колизея на скачках женщины не сидели отдельно, в специальных женских ложах, так что, если постараться, домой можно уйти с какой-нибудь хорошенькой римлянкой.

Смешно вспомнить, как я тогда старался уйти со скачек с какой-нибудь хорошенькой римлянкой. Но мне было всего восемнадцать.

Когда я пришел туда, трибуны уже были набиты битком под самые небеса. Народ размахивал цветными флажками, подбадривая свои любимые команды – Красных, Синих, Зеленых, Белых. И хотя лично я не болел ни за одну из них, но, будучи облачен в красную тунику, я машинально направил стопы в ту часть трибун, где сидели болельщики Красных.

– Это кто тебя так разукрасил, уж не болельщик ли Синих? – поинтересовался у меня какой-то тип с выбитыми зубами, тыча пальцем в мою разбитую губу.

– Кто же еще, – согласился я. Мой вам совет: никогда не спорьте с фанатиками.

– погоди, Синие сегодня утрут вам нос! – выкрикнула с верхней трибуны какая-то женщина с раскрашенным синей краской лицом.

– Это еще кто кому утрит! – крикнул в ответ беззубый тип, после чего последовала короткая, но энергичная потасовка. Я под шумок встал с места, чтобы поискать себе другое, более тихое и удобное в той части трибун, где под навесом расположились ложи патрициев и всадников. Вдруг повезет прошмыгнуть...

– Верцингеторикс! – окликнул меня кто-то.

Я обернулся – на меня смотрела девушка в красном платье с венком из алых маков на каштановых волосах.

– Сабина! – удивился я, однако вовремя отвесил поклон. – Как тебя сюда занесло? Патриции сидят вон там!

– Знаю. У моей тети Дианы есть ложа. Но я сбежала от жениха.

– У меня есть место, – предложил я.

– Как здорово! – обрадовалась Сабина, беря меня под руку. Она была невысока ростом, едва доставала мне до плеча, однако люди расступались перед ней. Еще бы, ведь перед ними была патрицианка!

– Так ты болеешь за Красных? – спросил я у нее, заметив в ее руках небольшой красный флажок.

– В нашей семье все болеют за Красных. К тому же тетя Диана порвала бы с нами всякие отношения, вздумай мы болеть за кого-то еще.

Сабина села на мое место и посмотрела на меня.

– А ты где будешь сидеть?

– Не волнуйся. Эй, свалил бы ты, приятель, – сказал я мужчине, сидевшему по другую сторону от нее, и для пущей выразительности свирепо посмотрел на него. И он свалил. Я же разжился местом, а вдобавок удостоился улыбки сенаторской дочери. Так, может, день и не так уж плох?

– А почему ты сбежала от жениха? – поинтересовался я.

– Он вбил себе в голову, будто он самый главный в своре, и пытается отвадить соперников.

– У тебя свора женихов?

– Представь себе, – спокойно ответила девушка. – Может, я и не такая красавица, как моя мать, зато у меня есть ее деньги.

– Ну, это кто тебе сказал, что ты не красавица, – возразил я, но она не купилась на мой комплимент.

– Смотри, император! – воскликнула она, указывая на центральную ложу, куда только что влился поток патрициев. Мне не надо было долго гадать, который из них император – короткая солдатская стрижка, пурпурный плащ, ослепительная улыбка. Все это говорила сама за себя. Император Марк Ульпий Траян поднял вверх кулак, и толпы на трибунах разразились восторженными криками и рукоплесканиями.

Патриции, томно полулежавшие в ложах, привыкшие держаться особняком всадники (они как будто стеснялись своего сословия), плебеи, битком набившие трибуны, – все они вскочили на ноги и принялись громко кричать и размахивать руками. Возницы и конюхи, что уже выбежали на арену, на мгновение застыли на месте. Казалось, что даже кони, которые ждали, когда их выпустят на беговую дорожку, и те приветственно затрясли головами.

Я только тогда понял, что кричу и хлопаю в ладоши вместе со всеми, когда у меня заныли ладони. В отличие от Сабины, которая осталась равнодушна к этому проявлению всеобщего обожания и продолжала сидеть на своем месте.

– Так всегда бывает, – пояснила она, когда я опустился на скамью с ней рядом. – Всякий раз, когда Траян выходит к народу. Он ходит по городу без охраны, потому что знает, что его никто не посмеет тронуть даже пальцем.

Я посмотрел на императора. Он тем временем опустился в свое золотое кресло, пробежал рукой по коротко стриженным волосам и расхохотался. Как это было непохоже на того, другого императора, которого я в последний раз видел сидящим в этой ложе!

– А этот ваш Траян мне даже нравится. Надеюсь, он не закатывает роскошных пиров и не требует, чтобы его величали Господином и Богом.

– Тс, сейчас начнется забег!

В следующий миг по трибунам прокатился рев: это на арену выкатилась первая колесница, запряженная четверкой вороных коней, украшенных зелеными плюмажами. За ней – еще две, тоже Зеленых, за ними – команда Синих. Их появление Сабина встретила негромким свистом, скорее похожим на шипение. Я рассмеялся.

– Эти Синие – мерзавцы еще те, – пояснила Сабина. – По крайней мере так мне вбивали в голову с самого детства.

Я вновь рассмеялся. Она же растерянно посмотрела на меня. Красные вышли на арену последними. Управлял ими высокий галл. Стоя на колеснице, он размахивал хлыстом, украшенным красными бусами, подгоняя своих резвых гнедых вперед. Сабина в ответ помахала красным флажком. Я заложил два пальца в рот и пронзительно свистнул. Зрители на соседних местах поморщились, как будто мой свист больно резанул им по ушам.

– Как здорово у тебя получается! – воскликнула Сабина. – Я тоже так хочу. Научишь?

Я показал Сабине, как складывать за зубами язык. Она наблюдала за мной с неподдельным интересом, после чего засунула в рот два пальца и свистнула. Нет, свист получился лишь с третьей попытки, но она все равно осталась довольна собой.

– Как здорово. Спасибо, Верцингеторикс.

– Но это всего лишь свист.

– А для меня это что-то новое. Я всегда стараюсь научиться у людей чем-то новому.

– Даже у плохих людей? – уточнил я.

– Даже негодяи знают что-то такое, что может тебе пригодиться. Вспомни мою мать.

– И чему ты у нее научилась? – поинтересовался я, отгоняя от себя образ ее матери: зеленый шелк и надушенные кудри. Я вспомнил, как она слащавым, а на самом деле змеиным шепотом говорит, что я маленький грязный ублюдок, которому на роду написано умереть на арене. Да, я отлично помнил мать Сабины. А вот что помнит о ней она сама?

– Моя мать красиво одевалась, – как будто угадав его мысли, произнесла Сабина. – В остальном она была испорченная, бездушная интриганка.

– Лучше не скажешь, – согласился я. – Кстати, если ты хочешь научиться чему-то новому, могу предложить свои услуги. Я умею массу других вещей кроме свиста.

Сабина улыбнулась, однако вновь повернулись к арене, а в следующий миг засунула пальцы в рот. Арену огласил пронзительный свист.

– Красные! – выкрикнула она. Тем временем в императорской ложе Траян уронил платок, и восемь колесниц устремились вперед.

Рядом с поворотным столбом как обычно возникла давка. Колесница Белых перевернулась и первой сошла с дистанции. Трибуны разразились криками. Мне было видно только облако пыли, посреди которого мелькали лошадиные ноги, но и оно в следующий миг уже полетело дальше, к другому концу арены. Впереди мчался синий плюмаж. За ним зеленый,

позади него – красный. Вскоре они исчезли за поворотом, и теперь криками разразились противоположные трибуны. Я же опустился на скамью.

– Значит, у тебя есть женихи, – произнес я как бы невзначай. – И кто же среди них главарь стаи?

– Не один, а двое. – Она оторвала взгляд от арены и повернулась ко мне. – Отец сказал, что разрешает мне выбрать себе мужа по своему усмотрению. Разумеется, в разумных рамках.

– И что это за рамки?

– Ну, во-первых, император должен дать согласие на этот брак, – ответила Сабина. – Ведь ни он, ни отец не позволят мне выйти замуж за вольноотпущенника из мясной лавки, равно как за кутилу и мота, который по уши в долгах. Кроме того, отец вряд ли будет рад, если мой выбор падет на любителя путешествий.

– А что не так в путешествиях?

Тем временем мимо нас вновь прогрохотали колесницы. Под крики, свист и рукоплескания трибун Красные упорно рвались вперед, пытаясь выиграть время у Синих на очередном повороте.

– Если я выйду замуж за губернатора или наместника какой-нибудь из провинций, мне придется уехать из дома. Отец же хочет, чтобы я оставалась с ним рядом. Боюсь, я буду вынуждена его разочаровать.

– Это почему же? Ты уже присмотрела себе генерала?

– Нет, – Сабина вновь перевела взгляд на арену. – Но я хочу повидать мир.

– Ну, ты даешь.

– Представь себе. Большой мир.

– Я видел Британию, – сообщил я. – Лондиний – это настоящая задница. А вот Бригантия – это на севере – очень даже ничего.

– А можно поподробнее?

– Там горы, – произнес я. – Горы и море. И еще там холодно, и вершины гор окутаны туманом, отчего кажется, будто идешь сквозь молоко.

Я рассказал ей про Бригантию. Сабина, хотя и следила за скачками, слушала с интересом, я бы даже сказал, впитывала каждое мое слово.

Лошади тем временем, гремя копытами, пробежали еще два круга.

– Я бы хотела увидеть Бригантию, – задумчиво произнесла она, когда я закончил свой рассказ. – Но не только ее. Я хотела бы увидеть весь остальной мир.

– И откуда бы ты начала?

– Может, с Иудеи, а может, с Галлии. Или с Египта – у египетских богов головы животных. Мне всегда хотелось узнать, прочему. А может, с Греции. Меня давно мучает вопрос, что лучше – Спарта или Афины. Хотелось бы взглянуть на них собственными глазами.

– У спартанцев лучше армия, – с видом знатока изрек я, вспомнив истории, которые рассказывала мне мать. – По крайней мере была лучше.

– То армия. А что еще у них есть? – задумчиво спросила Сабина. Тем временем, вздымая копытами облака пыли, лошади пронесли мимо нас в очередной раз. Трибуны вновь взорвались истошными криками. – Интересно было бы выяснить.

– А ты знаешь, как они заключали брак? – спросил я. В свое время мать рассказала мне одну любопытную историю. Спартанцы всех девушек на ночь отводили в горы, как бы давая им фору, после чего отправляли им вдогонку юношей. Все как один были голые, и кто кого поймал, те и становились мужем и женой.

– Какой жуткий обычай. Какое счастье, что у нас в Риме такого нет. Лично я не смогла бы убежать, потому что бегаю плохо.

– Зато я хорошо! При желании догнал бы тебя за одну секунду.

– А зачем тебе это? По-моему, тебе как легионеру куда больше подошла бы стойкая спартанская девушка.

– Но ведь я не легионер и не собираюсь им стать.

– Неужели?

– Оттрубить двадцать пять лет в походах и гарнизонах. Нет, это не для меня. Дураков нет.

– Как сказать, – ответила Сабина, вновь переключая внимание на арену. Лошади бежали пятый круг, и крики зрителей на трибунах слились в один оглушающий рев. И самое главное, Красные опережали Синих. – Они впереди! – радостно крикнула Сабина и помахала флажком.

– Эй! – я обернулся на детину, сидевшего позади Сабины. Этот нахал подался вперед, на чем свет стоит понося Синих, отчего его колени теперь упирались ей в спину. – Живо уברי от нее свои вонючие ноги.

– А, может, ей приятно, откуда ты знаешь? – бросил он в ответ, похотливо оглядывая Сабину с ног до головы.

– Убри ноги, кому сказано, – рявкнул я на него и дернул за край туники. Скажу честно, руки у меня чесались.

– Ты собираешься ввязаться в драку? – с нескрываемым интересом просила Сабина.

– Ну, не то чтобы в драку, – ответил я, впечатывая кулак наглещу в нос. – Но проучить стоит.

Сыпля проклятиями, мой противник с позором удалился. Я погрозил кулаком ему вслед.

– Только попробуй вернуться со своими друзьями!

– А что, пусть возвращается, – возразила Сабина. – Я еще ни разу не видела настоящей драки.

– Но ведь ты видела меня на арене. Мой второй бой. Тогда мне было всего тринадцать и мне в плечо впилося копьё. Кстати, могу показать шрам.

– Да, я помню, – ответила Сабина. – Ты дрался как настоящий герой, это так. Но ведь дрался не из-за меня. Из-за меня еще никто не дрался. Но теперь мне понятно, почему девушкам так нравится, когда кто-то дерется из-за них.

– Ты какая-то странная, скажу я тебе, – заметил я.

– Ты так считаешь? А, по-моему, я самая обыкновенная.

– В любом случае места стало больше, – ответил я, как бы невзначай кладя ей на плечо руку. Сабина лукаво посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Красные тем временем рвались к финишу. Копыта лошадей взбивали пыль, над их головами развевались красные плюмажи. Наша часть трибун взорвалась ликующим ревом. Впрочем, сегодня нас ждало еще три заезда. В одном из них победа также досталась Красным, в двух других – Зеленым. Под конец мне это стало слегка надоедать.

– Не хочешь перекусить? – предложил я. – Сколько можно смотреть, как лошади носятся по арене кругами.

– Верно. После второго заезда это уже все одно и то же, – согласилась Сабина. – И куда ты предлагаешь пойти?

Мне в голову тотчас пришла целая дюжина самых разных, но очень удобных мест, правда, все они не имели к еде никакого отношения. К тому же я был с сенаторской дочкой!

– Можно купить еды у уличных торговцев, – предложил я, плечом прокладывая нам дорогу. Сабина семенила за мной следом.

– Может, купим колбасок? – указала она на тележку.

– Лучше не стоит. Там скорее собачатина, а не свинина.

– Кстати, интересно, почему свинину есть можно, а собак нельзя? – размышляла вслух Сабина. – Ведь едим же мы гусей, свиней, а ведь они такие же домашние животные, как и собаки. Или взять, к примеру, угрей или миног. Какие же они противные на вид! И ничего, мы их едим и еще никого даже не стошнило. А вот собак – нельзя. Странно.

– Хочешь попробовать?

– Честно говоря, нет. Но все равно хотелось бы знать, откуда взялся этот запрет?

– Смотрю, ты любишь задавать вопросы.

– А ты?

– Лично меня в данный момент куда больше интересует, где бы поесть. И еще – чем я буду заниматься, скажем, через год.

– А я знаю, что будет со мной через год, – задумчиво ответила Сабина, беря меня под руку. – Наверно, поэтому я и могу задавать вопросы о чем-то другом.

– И что же будет с тобой через год? – спросил я у нее.

– Буду замужем. Что еще?

Я купил ей жареного хлеба и пару тонких полосок жареного мяса, которое, я был уверен, раньше не бегало с лаем по улице. Жуя наш нехитрый обед, мы посмотрели пятый забег, и когда победа досталась Синим, я обучил сенаторскую дочку нескольким смачным ругательствам.

– Умри медленно, ты, Синий недоносок! – с восторгом кричала с трибуны Сабина. когда возница Синих с гордым видом прокатил мимо нас под рукоплескания своих болельщиков, после чего присовокупила еще парочку забористых словечек. Как вдруг...

– Вибия Сабина, ты потерялась? – раздался за нашими спинами спокойный, хорошо поставленный голос, какой мог принадлежать только патрицию.

– Да нет, – ответила она и, не убирая руки с его локтя, обернулась к владельцу баритона. – Это ты, трибун?

Я с первого взгляда понял, что передо мной птица высокого полета. Только богатые имели привычку расхаживать в белоснежных тогах, не путаясь в складках и не наступая при этом на подол, как то обычно бывает с нашим братом-плебеем.

Трибун был высок, на вид лет двадцати шести. Нет, ростом он был пониже меня, зато шире в плечах. Правильные черты, темные, коротко стриженные кудрявые волосы, спокойный взгляд глубоко посаженных глаз. Руки сильные, ладони большие, пальцы унизаны кольцами. А еще он был бородат, что совсем не типично для римлян. Придерживая одной рукой на груди складки тоги, он посмотрел на Сабину с явным неодобрением.

– Тебе здесь не место.

– Это почему же?

– У твоего отца есть ложа. Там тебя никто не тронет.

– Меня и здесь никто не тронет с моим телохранителем.

Трибун покосился на меня. Всего один мимолетный взгляд, но я был готов поклясться, что через год он подробно опишет мою внешность – начиная с торчащих вихров и до обутых в потертые сандалии ног. Не забудет он и амулет у меня на груди, который – судя по тому, как скривились его губы, – он явно счел варварским суеверием.

– Верцингеторикс, – сказала Сабина, – познакомься. Публий Элий Адриан, народный трибун.

– А что это за должность? – удивился я, не удостоив его даже кивком головы. – Он кто, армейский офицер?

– Нет, армейские трибуны – это совсем другое. Адриан что-то вроде мирового судьи. Это первая ступенька, которую нужно занять прежде, чем стать претором.

– Есть и другие обязанности, – добавил Адриан, глядя на меня с холодным прищуром. – А это кто такой? – поинтересовался он у Сабины, имея в виду меня.

– Клиент моего отца, – не моргнув глазом, ответила она.

– Понятно. – В его голосе прозвучала легкая ирония. – У сенатора Норбана вечно какие-то странные клиенты.

– Верно, – согласилась Сабина. – И они мне нравятся. От них всегда узнаешь что-то новое.

– У тебя странные вкусы, Вибия Сабина. – В голосе Адриана мне послышалось осуждение.

– Неужели? – вставил слово я. – А, по-моему, это так мило с ее стороны.

Трибун на мгновение задержал взгляд на моей руке, на которой все еще лежали пальчики Сабины, затем равнодушно отвернулся.

– Если ты, Вибия Сабина, не позволишь мне сию же минуту проводить тебя в отцовскую ложу, я уйду. Я терпеть не могу бега. Мне больно видеть, как погибают несчастные лошади, слышать их предсмертное ржание.

Отвесив Сабине поклон, трибун удалился. В отличие от меня ему не пришлось прокладывать себе дорогу – толпа сама расступалась перед ним.

– Надутый патрицианский ублюдок, – бросил я ему в спину.

Вот так состоялось мое знакомство с Публием Элием Адрианом. Эх, зря я тогда не прихлопнул его. Честное слово, так было бы лучше и для Сабины, и для меня.

Сабина

«Как хорошо, – подумала Сабина, шагая сквозь толпу вслед за Виксом, – когда рядом есть кто-то большой и сильный, кто при случае защитит тебя». Викс шел впереди, прокладывая им путь сквозь давку напиравших со всех сторон болельщиков Красных. Сами Красные только что выиграли последний забег и таким образом стали победителями дня.

– Моя тетя Диана ни за что меня не простит, что я ее не поздравила, – крикнула Виксу Сабина, пытаясь перекричать ликующий гул голосов, которыми трибуны приветствовали своих любимцев. Колесница тем временем описала круг почета, и болельщики уже рвались на арену, чтобы воздать почести победителям.

– Клянусь Хароном! – воскликнул Викс, работая локтями. Еще миг – и его взору предстали беговые жеребцы Красных: все в пене, огромные и сильные, они были копытами и грызли удила. – Ни за что в жизни не сяду верхом на лошадь. Вот это чудовища. Честное слово, не понимаю, как кто-то может...

– Сабина! – раздался рядом чей-то голос. Откуда-то из-за их спин вынырнула тетя Диана и радостно обняла Сабину за талию. Руки у тетушки были коричневые, загорелые, что никак не вязалось с представлениями большинства римлянок о красоте. Впрочем, ее красное платье и светлые волосы тоже пропахли отнюдь не духами, а сеном. – Ты видела? Наши Красные выиграли пять забегов из девяти! Я пригласила возниц к себе на виллу, чтобы отпраздновать это событие. Надеюсь, ты составишь нам компанию...

– Нет, тетя, я иду домой, – ответила Сабина.

– О боги, где это видано! Я в твоём возрасте в два счета могла на спор перебить любого возницу. Впрочем, как хочешь, а я пойду, проведу моих любимцев.

С этими словами тетя Диана растворилась в ликующей толпе.

– Это твоя тетка? – спросил Викс, с восхищением глядя ей вслед.

– Не совсем. Скорее дальняя родственница со стороны отца, но я привыкла называть ее тетей. – С этими словами Сабина вытащила из волос поникший мак и принялась вертеть его в руках. – Не стесняйся, можешь глазеть на нее, сколько тебе вздумается. Ты не один такой.

– Похоже, в молодости она была очень даже ничего.

– Ты прав. Стоило ей войти в комнату, как головы всех мужчин словно по команде поворачивались в ее сторону. Что жутко раздражало мою мать: ей, видишь ли, хотелось, чтобы головы поворачивались исключительно в сторону ее персоны.

Сабина вновь взяла Викса под руку, и они, увлекаемые толпой, двинулись к выходу из Большого Цирка, наступая на остатки пищи, лужи пролитого вина, увядшие цветы и брошенные флажки. Болельщики Красных от гордости надували щеки, болельщики Синих – хмурились.

смотрели на них исподлобья; дети закатывали рев, парочки спешили уединиться где-нибудь в укромном уголке. Небо над головой уже темнело. Еще немного – и на Рим опустится ночь. Сабина запрокинула голову, глядя на гигантский овал Колизея. Взгляд Вика тоже был прикован к каменной громаде. И впервые за весь день лицо его, такое живое и подвижное, было похоже на каменную маску.

– Ты думаешь про Колизей? – спросила Сабина.

– Нет, – коротко ответил Вика, со злостью отталкивая от себя какого-то пьянчугу. Но тот лишь расплылся в улыбке и, выкрикнув: «Да здравствуют виналии!», шатаясь, растворился в сумерках. – Но иногда он мне снится во сне, – добавил Вика.

– А вот мне ничего не снится, – грустно отозвалась Сабина. – С тех пор как я излечилась от эпилепсии, я больше не вижу снов.

Припадки начались у нее в раннем детстве, но ее излечила – как то часто бывало в таких случаях – гладиаторская кровь. И гладиатором этим был тринадцатилетний Вика, раненный на арене во время своего первого боя. Сабина видела, как это произошло: меч противника впился ему в плечо, что само по себе не так уж страшно. Но Вика нарочно подался вперед, давая лезвию войти глубже, чтобы сам он смог дотянуться до противника, превосходившего его ростом и силой, чтобы нанести ему смертельный дар. «Наверно, поэтому я и поцеловала его, когда мы с ним встретились лицом к лицу. Эх, ну и вид у него был!»

– Ты скучаешь по своей эпилепсии? – удивился Вика. Небо тем временем из розового сделалось пурпурным.

– По припадкам – нет. А вот по снам – да. В снах с нами разговаривают боги. Неужели это значит, что они больше ни разу не заговорят со мной?

– Вот уже не знаю, хочу ли я, чтобы со мной заговорил бог.

– Это почему же? По-моему, было бы даже очень интересно.

– А вдруг он будет со звериной головой? Не испугаешься?

– Я не пугливая, – ответила Сабина.

– А вот в это я очень даже верю, – ответил Вика, помогая ей обойти пьяного толстяка, уснувшего посреди улицы.

Похоже, добрая половина жителей Рима так увлеклись молодым вином, что теперь, хлебнув лишнего, храпели прямо на улицах, у стен домов. Тем временем Сабина с Виксом миновали целый лабиринт узеньких улиц. Они шагали бок о бок, и сандалии Сабины негромко стучали по брусчатке мостовой. Сабина открыла было рот, чтобы поинтересоваться у него, куда он ее ведет – домой или куда-то еще, как из сгущающихся сумерек выпрыгнула чья-то тень и стукнула Вика по голове.

– Ну, как тебе? – рявкнул грубый мужской голос, и Сабина узнала в нем болельщика Синих, которому Вика разбил на трибуне нос. «Похоже, он нашел своих дружков», – подумала Сабина, а в следующий момент на нее кто-то налетел, и она, не устояв на ногах, растянулась на мостовой, больно ударившись бедром. Она тотчас же заставила себя приподняться на руках, и ее глазам предстала такая картина: Вика, как мог, отбивался от двоих нападавших. Увы, силы были неравны: хотя он и нанес одному из них удар, обидчикам удалось заломить ему за спину левую руку. Тот, чей нос испытал на себе кулак Вика, со стоном отпрянул, однако уже в следующий миг повернулся к Вика и нанес ему ответный удар. Вика вскрикнул, и этот крик больно резанул Сабину по ушам. Но что еще хуже, откуда-то из темных закоулков показались новые фигуры в синих туниках и схватили Вика за вторую руку. Вика весь напрягся, сыпля проклятиями. Его главный обидчик – Синяя Туника, как окрестила его Сабина – уже замахнулся для удара, когда ему на затылок опустился увесистый камень.

– А как тебе вот это? – воскликнула Сабина, увидев, что он рухнул как подкошенный, и наклонилась, чтобы снова взять в руки грязный камень, который ей удалось вырвать из мостовой.

– Стукни его еще раз! – крикнул ей Викс, а сам боднул головой одного из нападавших.

– Ты уж извини, – сказала Сабина, опустившись на колени рядом с поверженной Синею Туникой. Ей хотелось проверить, не убила ли она его часом, после чего огрела по голове камнем еще разок. Тем самым был положен конец его слабым попыткам подняться с земли.

Сабина приподнялась: вдруг Виксу требуется ее помощь. Но, похоже, инициатива перешла в его руки. Врезав одному из налетчиков локтем в горло, он вогнул ему колено в живот и, когда тот согнулся пополам, повернулся к остальным, чтобы разделаться с ними. Оскалив зубы, будто хищный волк, он налетел на них, раздавая удары, а в следующий миг они, спотыкаясь, устремились прочь.

– Да, не везет тебе с друзьями, – пошутила Сабина.

– Что поделать, – ответил Викс, сплевывая кровь с разбитой губы. Сабина посмотрела на него: высокий, сильный, еще не остывший от ярости. – Спасибо, что помогла.

– Пожалуйста. – Она поднялась на ноги и, довольная собой, отшвырнула прочь камень. – Моя первая драка, а я уже своими силами уложила одного. Какой замечательный день!

– Это точно! – поддакнул Викс, затем в два шага пересек бульжную мостовую и, прижав Сабину спиной к стене какого-то дешевого доходного дома, принялся осыпать поцелуями.

«Так меня еще не целовали», – подумала Сабина. Нет, опыт по части поцелуев у нее был. Например, с тем же Виксом, но тогда они с ним оба были детьми. Или кое с кем из женихов. Сабина нарочно провоцировала их, желая изведать, что чувствуешь, когда в тебя впиваются чужие губы. Впрочем, женихи не шли дальше легких прикосновений, испуганно косясь при этом на дверь – вдруг сюда войдет отец – и тогда прощай все надежды! Впрочем, нет, одно исключение имелось. Один жених, явно искушенный в этом деле, засунул ей в рот свой язык так глубоко, как будто пытался проверить, что она ела на обед.

– Ты слишком маленькая, – недовольно произнес Викс и для удобства оторвал ее от земли. Сабина усмехнулась, запрокинула голову, подставляя для поцелуя губы, и обвила его шею руками. Викс едва не раздавил ее в лепешку, прижав ее к стене. Но, о боги, какая теплая была эта грудь, такая теплая, как будто кровь, что текла в его жилах, была горячее, чем у остальных людей. Сабина чувствовала, как бьется его сердце, ощущала солоноватый привкус его разбитой губы. Она потрогала его шею и легонько начертила пальцем букву «О». Викс простонал, и его губы сместились ниже, к ее плечам и шее.

Его рука скользнула ей в волосы и сорвала увядший венчик.

– Эй, что вы делаете, развратники! – вернул их с небес на грешную землю чей-то недовольный голос. – Не могли найти себе другое место! Живо убирайтесь прочь от моих дверей!

Дверь приоткрылась, и изнутри на потемневшую улицу упал луч света. А в следующий миг Сабину кто-то больно ударил по голове. Викс выругался, и они оба посмотрели в лицо новому обидчику. Вернее, обидчице, ибо это оказалась широколицая тетка. Казалось, она вот-вот лопнет от злости и праведного гнева.

– Головорезы и потаскухи, житья от вас нет. Не даете приличным людям спать: то кулаки у вас чешутся, то причинное место!

– Мы еще даже не приступили к тому, что ты думаешь! – крикнул ей Викс, но Сабина схватила его за руку и, давась от смеха, потащила прочь. Грозная тетка продолжала сыпать им в спину проклятиями, понося, на чем свет стоит.

– Вот умора! – воскликнула Сабина и прикрыла ладонью рот. Но смех продолжал душить ее, он просачивался сквозь пальцы, сыпался звоном монеток на мостовую, улетал к небесам. Голова шла кругом. Казалось, она сама вот-вот воспарит над миром. – Еще кое-что новенькое!

– Целоваться у чужих дверей?

– Нет, узнать, что я потаскуха. Так меня еще не называли.

– Ну, нашла над чем смеяться! – Виск вновь привлек ее к себе. В темноте его глаза показались ей бездонными черными колодцами. Но Сабина остановила его, положив ему на грудь руку.

– Боюсь, что отец меня скоро хватится. Уже темно, и он наверняка забеспокоится, что меня еще нет дома. Не хотелось бы его волновать. Тем более что наш дом близко отсюда.

Виск насупился, однако руки разжал.

– Я же сказал, что научу тебя вещам поинтереснее свиста.

– Спасибо. Научил.

Путь до ее дома они проделали в напряженном молчании. А когда подошли к воротам, Сабину уже поджидали слуги. Заметив их, Виск насупился еще больше.

– Проклятье, – недовольно буркнул он.

Сабина рассмеялась.

– Рассчитывал на прощальный поцелуй?

– Или что-то другое, – буркнул в ответ Виск.

Между прочим, всю дорогу до дома Сабине не давал покоя тот же самый вопрос. А почему бы нет? Но слуги уже высыпали ей навстречу.

– Госпожа, ты должна была вернуться домой еще засветло! – укоризненно воскликнул кто-то.

Сабина посмотрела на них и, с достоинством натянув на голову паллу, прошествовала в дом. Ей оставалось лишь уповать на то, что Виск не оставил отметин на ее шее, которые ей будет трудно объяснить. Она услышала, как за ее спиной Виск повернулся и зашагал прочь.

Двигимая каким-то шестым чувством, она отослала слуг прочь, а сама окликнула его удаляющийся силуэт.

– Виск!

– Что такое?

Он резко обернулся, и в свете факелов она увидела, что он зол.

– Сейчас ты целуешься лучше, чем в тринадцать лет! – весело крикнула ему Сабина и исчезла в доме.

Глава 3

Плотина

Императрица Плотина гордилась тем, что почти не смеялась. Жизнь – серьезная вещь, а положение супруги цезаря требовало от нее чувства собственного достоинства. И все же, увидев лицо Адриана, она невольно рассмеялась.

– Дорогой Публий, не надо хмурить брови. Это же не смертный приговор, а всего лишь женитьба.

– Что тоже приговор, только иного рода. Это Вибия Сабина? – уточнил он, немного помолчав.

– Да, мой выбор пал на нее. Или ты не рад?

Адриан раздраженно пожал плечами и принялся мерить шагами комнату. Плотина подняла глаза от восковой таблички, любуясь своим воспитанником: высокий, широкоплечий, в белоснежной тоге, в темных волосах играют солнечные лучи. Именно таким должен быть тот, кому в будущем суждено...

И пусть боги не сочли нужным подарить ей своих детей, они подарили ей Публия Элия Адриана. Муж сделал его своим воспитанником, когда мальчику было десять лет, и стоило Плотине впервые увидеть его, как ее зоркий глаз тотчас же разглядел в нем большое будущее. Траяну было не до него, и воспитание мальчика легло на ее плечи. И пусть он ей не родной сын, он все равно ее. Ее Публий.

– Мы же договорились, что тебе пора жениться, – сказала она, глядя, как он меряет шагами ее кабинет. – Между прочим, здесь, в этой комнате.

Какое чудное солнечное утро. Адриан всегда приходил проведать ее в первой половине дня. Вот и сегодня тоже. Плотина тотчас же отослала рабов, чтобы с глазу на глаз сообщить ему, что она наконец подобрала ему достойную невесту.

– Тебе пора обзавестись семьей, – продолжала она. – Ты ведь просил меня подыскать тебе достойную пару.

– Только не Вибия Сабина. Мне она не нравится.

– Это почему же? – удивилась Плотина. – Она тихая, воспитанная, с хорошими манерами. К тому же за ней дают неплохое приданое, а у ее семьи хорошие связи.

– Ее мать была самой главной римской шлюхой после Мессалины!

– Зато ее отец – один из самых уважаемых мужей в сенате. К его голосу прислушиваются. И его поддержка была бы для тебя не лишней, – Плотина улыбнулась. – Признаюсь честно, Публий, в один прекрасный день я бы хотела увидеть тебя консулом. Причем еще до того, как тебе стукнет тридцать. И я сделаю для этого все, что только в моих силах.

– Только не с такой женой! Может, она на вид и тихоня, зато любит водить дружбу со всяким отребьем. Я видел ее на бегах. Она сидела на трибуне рядом с плебейским сбродом.

– Ничего, как только она станет твоей женой, ей придется водить дружбу с теми, кого выберешь ты, – возразила Плотина. – Не поверю, что ты не сможешь совладать с какой-то глупой девчонкой.

– Она еще слишком юна, – пожаловался Адриан. – Я же не любитель маленьких девочек.

– Сабина? Маленькая девочка? – удивилась Плотина. Ведь, сказать по правде, она предпочла бы для себя сноху помладше, этакую спелую ягодку лет четырнадцати. Такая, наверняка, знала бы свое место и делала все, что ей велено. – Отец должен был выдать ее замуж года три-четыре назад, вместо того чтобы она забивала себе голову стихами Гомера. Но в этом случае

сейчас она была бы замужем за кем-то другим. Если боги этого не допустили, значит, тому имеется причина.

Плотина давно убедилась в том, что боги всегда принимают во внимание ее намерения. А если они чего-то не делали, она делала это сама.

– И все же она мне не нравится, – продолжал упираться Адриан. – Послушать ее – вроде говорит правильные вещи, но ощущение такое, что внутри она смеется надо мной.

– Вздор! Ну кто бы посмел над тобой смеяться? – Плотина вновь посмотрела на восковую табличку. – Доверь ее мне, и я сделаю из нее образцовую супругу. Будь добр, подай мне стило.

– Императрица Рима вновь сама проверяет домашние счета? – с улыбкой спросил Адриан и покачал головой. – Тебе ведь достаточно поманить пальцем, и к тебе тотчас сбежится целая армия экономов и управляющих.

– Мой последний управляющий оказался не чист на руку. Мне ничего другого не оставалось, как в назидание остальным отрубить ему руки. – Плотина стилем разгладила воск и начертила новый заголовок. – Кроме того, я привыкла вести все домашние счета сама. И я не вижу причин отказываться от старых привычек лишь потому, что живу во дворце. Вспомни, Публий, когда я впервые переступила его порог.

– Как же, помню. Ты тогда сказала, что ты обыкновенная женщина и останешься ею, – улыбнулся в ответ Адриан. – Ты говорила это мне добрую сотню раз.

– Думаю, я сделала гораздо больше, чем просто вкладывать тебе это в уши.

– Разумеется, – согласился Адриан и нагнулся, чтобы поцеловать ее волосы. – Ты ничуть не изменилась.

– А вот ты изменился, – заметила Плотина. – Причем не во всем к лучшему. Лично мне не нравится твоя борода.

– А мне не нравится твой выбор невесты, – в пику ей сказал Адриан, опускаясь в кресло напротив Плотины. Его лицо вновь приняло недовольное выражение. – Ну почему именно Вибия Сабина?

– Тебе нужна достойная жена, соответствующего воспитания и связей. Такая, что способна, когда ты пойдешь вверх, с достоинством принимать в доме и твоих друзей, и твоих врагов.

– Раньше это делала ты, – заметил Адриан.

– И буду дальше делать, – сказала Плотина и взялась за колонку цифр. – Но жена подарит тебе сыновей. У мужчины должны быть сыновья.

– Но Траян...

– Сабина ему тоже нравится, – перебила его Плотина. – И если ты на ней женишься, то вырастешь в его глазах.

– Странно, почему я до сих пор не вырос? – буркнул себе под нос Адриан.

Плотина поморщилась. Это был большой вопрос.

«Ты должен оказывать дорогому Публию больше внимания, – не раз упрекнула она своего венценосного мужа. – Ведь он твой воспитанник. И должен быть для тебя почти сыном».

«Но он не сын, – таков был обычный ответ. – Свой долг по отношению к нему я уже выполнил. Вспомни, каким я его взял – капризный, неласковый мальчишка. Впрочем, таким он и остался. Так что с меня достаточно».

«Нет, – подумала Плотина, – недостаточно». Впрочем, ей хватило ума не продолжать этот разговор. С таким упрямым, как Траян, лучше не спорить.

– Женись на Сабине, – сказала она Адриану, – и у тебя улучшатся отношения с моим мужем. Она ведь приходится ему двоюродной внучатой племянницей со стороны отца. Неужели тебе не надоело ходить в воспитанниках? Женившись на ней, ты станешь членом семьи. Станешь чаще видеть императора. Он, со своей стороны, сможет оценить тебя по достоинству. Вот увидишь.

– Чтобы император меня полюбил, одной женитьбы будет явно недостаточно!

«Конечно, если бы ты держался подальше от той юной танцовщицы, на которую положил глаз Траян, вместо того чтобы ее лапать. Ведь какой был скандал!»

Впрочем, вслух Плотина этого не сказала.

Траян был взбешен, что кто-то посмел покуситься на его любимицу. В конце концов, дабы в семье вновь воцарился мир, Плотина была вынуждена сплавить эту маленькую круглощекую потаскушку в один из борделей Остии.

Нет, конечно, молодости свойственно безрассудство, но немножко осмотрительности не помещает! Эту мысль она тоже оставила при себе. Молодые люди по наивности считают, что есть вещи, о которых их матери не догадываются. Плотина не видела смысла бороться с этим заблуждением. Пусть юность и дальше пребывает в нем. Она же, со своей стороны, станет делать вид, будто ничего не замечет. Ведь найдется ли женщина более мудрая, нежели Помпея Плотина, которая не только мать ее дорогому Публию, но мать всему Риму.

– Этот брак направит тебя по верному пути, – сказала она вслух. – Траян симпатизирует Сабине. А когда ты на ней женишься, его симпатии распространятся и на тебя. Кстати, почему бы тебе сегодня не нанести визит в дом Норбанов?

– Да, я мог бы поговорить с ее отцом, – нехотя уступил Адриан. – Намекнуть ему о моих намерениях.

– Боюсь, мой дорогой, не лишне будет поговорить и с самой Сабиной. Потому что отец оставил право выбора ей, – пояснила Плотина и сокрушенно вздохнула: – И куда только катится этот мир. Норбан слишком ее балует!

– Обещаю, что буду строг с его внуками, – пошутил Адриан и, поднявшись с кресла, поцеловал ее руку. – Ты победила. Пусть это будет дочь сенатора Норбана.

– Может, тебе стоит сбрить бороду? – закинула удочку Плотина. – Вряд ли девушке понравятся заросли на твоём подбородке.

Сабина

– Она восхитительна, – произнесла Сабина, разглядывая мраморную статую. – Дядя Парис, ты просто волшебник!

Дядя Парис никак не отреагировал на ее комплимент. Более того, он даже не поднял глаз от новой глыбы мрамора, что теперь заняла место на его рабочем столе. Впрочем, Сабина не обиделась. Все знали, что дядя Парис – молчун, и она принялась бродить по мастерской: высокие окна, сквозь которые на пол падали длинные золотистые полосы света, куски мрамора, и повсюду пыль. А еще – полки. Бесконечные ряды полок, забитых мраморными головами и бюстами. Вот, например, бюст Траяна, а вот незаконченный набросок нимфы, вернее, тонкие, изящные руки и плечи, вырастающие из мраморной глыбы. А вот гранитный Геркулес в львиной шкуре и с дубиной в руках... И пусть дядя Парис уже стар и глаза его подернуты поволокой, но его руки не утратили сноровки и все так же твердо держат резец и зубило. Наверно, в молодости его считали позором семьи. Подумать только: юноша-патриций возится в грязи и пыли, как какой-то там ремесленник. О боги, какой позор! Но с годами к этому привыкли. Родственники оставили дядю Париса в покое, что ему было только на руку, и он продолжал творить свои шедевры.

– Как жаль, что я лишена талантов! – сокрушенно вздохнула Сабина, глядя в глаза бюсту императора Домициана. Тот, в свою очередь, буравил ее недоверчивым взглядом.

Эх, будь у нее хоть какой-нибудь дар! Даже такой, что повергает других членов семьи в краску: ваять, как дядя Парис, или иметь подход к лошадям, как тетя Диана. Что угодно, что бы наполнило ее жизнь смыслом. Ты знаешь, что предназначали тебе боги. Тебе лишь осталось убрать все преграды со своего пути и получить положенное.

Несколько недель назад, на скачках, она едва не вlepила Виксу пощечину. Даже слепой, и тот увидит, для чего он создан. Не пристало ему безрассудно тратить свои лучшие годы, бродя по темным переулкам, затевать драки и целовать не тех девушек.

– Вибия Сабина, – раздался у нее за спиной чей-то густой голос.

– Публий Элий Адриан, – передразнила она его церемонные нотки, оборачиваясь к нему. – погоди, не двигайся.

– Зачем? – нахмурился он, растерянно теребя складки тоги.

– Руку вперед. Теперь немного вверх. Вот так. Отлично. А теперь замри. Дядя Парис, иди сюда! – позвала она скульптора. – Сделай набросок для своей новой статуи. «Образец Римского Сенатора».

Адриан опустил руку.

– Смотрю, ты любишь шутки, Вибия Сабина.

– А разве ты – нет?

Адриан оставил без внимания ее вопрос и посмотрел на дядю Париса, который в этот момент был занят тем, что придирчиво рассматривал кусок мрамора.

– Это твой дядя?

– Вообще-то нет, скорее дальний родственник, – пояснила Сабина. – У отца пол-Рима родни, а у Кальпурнии – вся вторая половина. Так что у меня в городе одни родственники.

В том числе сам император. Именно по этой причине Публий Элий Адриан и стоял сейчас перед ней с серьезным лицом, не зная, с какой стороны завести разговор с взбалмошной девчонкой, которая просто обожала шутки. Сабина не знала даже, как это воспринимать – смеяться или плакать от досады. Таких напыщенных женихов в ее жизни еще никогда не было. И таких тугодумов.

– Ты получила подарок, который я прислал тебе вчера? – наконец спросил он, когда молчание стало затягиваться.

– Оленя, которого ты убил на охоте? Да, моя мачеха велела передать тебе ее благодарность. Оленины нам хватит на всю неделю.

– Я пришлю еще, – добавил Адриан. – Я каждую неделю езжу на охоту, но столько мяса мне не надо.

– В таком случае, зачем каждую неделю ездить на охоту? – Сабина посмотрела на его холеные руки, на его белоснежную, собранную безупречными складками тогу. – К тому же охота – грязное занятие.

– Ничуть! – с жаром возразил ее будущий муж.

После чего вновь воцарилось молчание.

– Как понимаю, ты заказала какую-то статую, – со скукой в голосе произнес Адриан и жестом обвел мастерскую. – Отцовский бюст?

– В некотором роде, да, – ответила Сабина, указывая на небольшую фигуру из розового мрамора: человек упал на одно колено, мускулистые руки и одно плечо напряжены, придавленные тяжелым шаром.

– Атлант, согнувшийся под тяжестью небесного свода, – сказал Адриан, разглядывая благородные черты мраморного лица: прямой нос, широкий лоб, рот, плотно сжатые губы. – Это лицо твоего отца?

– Угадал, – ответила Сабина. – Вообще-то скульптуру заказала Кальпурния. Как своего рода предостережение, чтобы он не работал слишком много.

– Она мудрая жена, – отозвался Адриан. – Жемчужина среди римских матрон.

– После того, чего отец натерпелся с моей матерью, он по праву заслужил эту жемчужину. Адриан растерянно заморгал. Сабина сделала вид, что ничего не заметила.

– Ты пришел заказать бюст? – спросила она.

– Да. Хочу сделать подарок императору. Его портрет в образе Энея.

– Лучше Александра. Траян наверняка мечтает покорить весь мир.

– Пусть будет Александр. И весь мир у его ног, – согласился Адриан и вновь повернулся к статуе Атланта. От Сабины не скрылся огонек в его глазах. – Должно быть, твой дядя знаком с философскими взглядами школы Поликлета. Действие и бездействие, слитые воедино. Кстати, ты когда-нибудь видела работы Поликлета, например, его «Дорифора»? Я видел наброски, – начал было Адриан, но внезапно умолк. – Извини меня, Вибия Сабина, тебе это наверняка неинтересно...

– Откуда тебе знать, что мне интересно, а что нет? – возразила Сабина. – Ты уже несколько недель осыпашь меня цветами, но ни разу по-настоящему не поговорил со мной.

– На ведь девушки не изучают теоретические принципы скульптуры! Или...

– Знаешь, с тобой гораздо интереснее, когда ты не берешься поучать меня, – заявила Сабина. – Советую тебе не возноситься и не изображать из себя небожителя. Лучше говори как простой человек. Так чем же интересен этот «Дорифор»?

Адриан пристально посмотрел на нее. На какой-то миг Сабина подумала, что он вновь начнет изрекать скучные истины. Но нет, он протянул руку и едва ли не с нежностью потрогал мраморного Атланта:

– Видишь, как он перенес тяжесть на одну ногу? Как будто он на полпути между движением и отдыхом. Греческий скульптор Поликлет считал, что это идеальный способ показать красивое, сильное мужское тело. Его «Дорифор» – самый знаменитый тому пример. Но у него есть и женские скульптуры. Например, статуя Геры в Аргосе и бронзовая амазонка в Эфесе.

– Признайся, может, ты тоже скульптор? – спросила Сабина, глядя на его большие кисти. Нет, руки Адриана холеные, мягкие, без единого шрамика, ногти аккуратные, не то, что у дяди Париса с его мозолистыми ладонями.

– Нет, просто любитель искусства, – ответил Адриан с напускной скромностью, показавшейся Сабине подозрительной. – Я лишь делаю наброски и архитектурные чертежи. Те же самые принципы можно увидеть и в греческой архитектуре. Взять, к примеру, кариатид, что поддерживают крышу Эрехтейона! Они ведь не просто служат колоннами. Если присмотреться, одна нога у них согнута в колене, как будто они вот-вот сойдут со своих пьедесталов.

Теперь Адриан говорил с жаром, размахивая руками.

– В один прекрасный день я построю собственную виллу, – заявил он Сабине. – Это будет идеальное сочетание греческой и римской архитектурных традиций! Изящество и красота Греции – коринфские колонны, разве нам есть что им противопоставить? Но венчать их будет внушительный римский купол. Предварительные чертежи уже готовы, но хотелось бы познакомиться с греческими образцами ближе. Я даже планирую съездить в Грецию, чтобы собственными глазами взглянуть на Акрополь, на храмы. Ведь греки построили самые лучшие храмы в мире!

– Слушая тебя, можно подумать, что греки были лучшими во всем, – пошутила Сабина, однако Адриан так увлекся, что не заметил шутливых ноток в ее голосе.

– Не во всем, – решительно возразил Адриан. – У нас, например, лучшее государственное устройство, лучшие инженеры, почти идеальная система организации общества. Но что касается культуры, искусства – то да. Пальма первенства здесь, бесспорно, принадлежит Греции. Архитектура, философия, театр. Что мы можем противопоставить тем же Софоклу или Эврипиду? Только не наши унылые пантомимы! Что же касается литературы...

– Цицерона, – возразила Сабина. – Вергилия, Марциала.

– Их заслуги преувеличены, – фыркнул Адриан.

– Только не Вергилия, – не желала сдаваться Сабина. – Предвижу войны, смерть и реки крови, бурлящий кровавой пеной Тибр.

– Ходульно и напыщенно, – с раздражением заявил Адриан. – Если хочешь узнать о подвигах Энея, советую тебе почитать «Анналы» Энния. Добротная римская проза.

– Нет, лучше я останусь поклонницей Вергилия. А что ты скажешь про Катона.
– Что ж, Катон неплох. Кстати, у него есть книжица об ораторском искусстве, в основу которой легли положения греческой риторики.

– Я ее читала.

– Ты? Удивительно? А «Начала»?

Конец их увлеченной дискуссии положил голос дяди Париса.

– Кыш отсюда, вы двое! – бросил им, даже не отрывая глаз от резца. – Хватит отвлекать меня от дела!

Только тогда до Сабина дошло, что они с Адрианом разговаривали громко, с жаром, в полный голос, причем проговорили уже целый час. Она торопливо завернула в ткань фигурку Атланта.

– Все, мы уходим, дядя Парис.

– Я хотел заказать бюст Траяна, – вспомнил Адриан. – В образе Александра.

– Фу, какая скукожища, – бросил дядя Парис и захлопнул за ними дверь.

– Не обращай на него внимания, – сказала Сабина, когда они вышли на улицу. Носильщики ее паланкина времени зря не теряли: в ее отсутствие они без стеснения заигрывали с хорошенькими молодыми рабынями, торопившимися на рынок. – Дядя Парис творит для души, а не ради денег. Придумай что-нибудь интересное, и тогда он выполнит твой заказ.

– Истинный скульптор, – произнес Адриан, приглаживая короткую бородку. – Как я зави-
дую таким людям. Талант – это тяжкая ноша, но если он достался тому, кто его достоин, он наполняет жизнь такого счастливец светом. Талант – это судьба.

– Я всегда так думала, – сказала Сабина. – Но ты это выразил лучше меня. А каков твой талант?

– Я пишу стихи, – признался Адриан. – Элегии в подражание греческой манере. А еще я неплохо рисую, а также играю на флейте и лире. Но в сонм великих мне никогда не попасть.

– В таком случае ты должен понять, в чем состоит твоя судьба, – с пылом произнесла Сабина. – Обычно люди это знают.

– Я уже знаю, в чем она, – спокойно ответил Адриан. Сабина с интересом посмотрела на него. Но нет, он лишь поднял руку, подзывая свои носилки. – Боюсь, Вибия Сабина, я вынужден тебя оставить. Я бы с удовольствием проводил тебя домой, но сегодня я обедаю с сестрой и ее мужем Сервианом.

– Луцием Юлием Урсом Сервианом? – уточнила Сабина. – Я его знаю.

– Говорят, это самый достойный муж во всем Риме, – ответил Адриан.

– Мне он тоже не нравится.

Адриан рассмеялся и поднес к губам ее руку.

– Какая ты, однако, забавная, – сказал он. Сабина же отметила про себя, что скука в его глазах исчезла, уступив место задорному огню.

Викс

Скажу честно, я порядком перетрусил, когда мне было велено прийти в дом сенатора Норбана.

– Проклятье, – воскликнул я, получив учтивое приглашение, которое мне протянул не столь учтивый раб. Но я все равно пошел. Когда какой-нибудь римский сенатор щелкает пальцами, безработные бывшие рабы вроде меня подскакивают как лягушки, устремляясь к нему.

– Смотрю, ты неплохо устроился, – сказал Марк Норбан, разглядывая серебряную цепь у меня на шее. Он принял меня, сидя за столом в своем кабинете. Кстати, здесь ничего не изменилось – все тот же заваленный свитками и табличками стол, все тот же веселый беспорядок, все те же длинные полки с книгами и документами. – Нашел себе работу?

– Так, по мелочам, – уклончиво ответил я.

– Знаю-знаю, что за мелочи можно найти в той части города, – заметил сенатор. – Явно не те, о которых мечтали бы твои родители.

От его слов у меня зачесалось между лопаток, и я с трудом удержался, чтобы не подергать плечами. Так делают лишь те, за кем есть вина.

– Сабина сказала мне, что несколько недель назад ты угодил в Большом Цирке в небольшую переделку.

Проклятье, мне следовало предвидеть, что эта девчонка обязательно проболтается.

– Так, мелочовка, – солгал я. – Ничего страшного.

– По ее словам ты дал отпор двоим пьяным громилам.

– Она преувеличивает.

– Неужели?

Он задумчиво посмотрел на меня, буравя глазами. У меня возникло чувство, будто он видит меня насквозь, читает у меня в голове все мои мысли. Нет, так умеет смотреть не он один, но награду я дал бы только ему. Он знал все – и про пьяных головорезов, и про то, что я целовал его дочь, знал даже то, что я был не прочь сделать с его дочерью, будь у меня побольше времени и подходящее для этого место. Разрази тебя Юпитер, Верцингеторикс, тупая твоя башка, мысленно одернул я себя, нашел, где думать о таких вещах! Я поспешил отвести взгляд, впившись глазами в мраморный бюст, что виднелся за спиной сенатора, не то какого-то императора, не то философа. Мне очень хотелось надеяться, что физиономия моя не залилась при этом стыдливым румянцем. Потому что опять-таки краснеют лишь те, за кем есть вина.

– Как ты смотришь на то, если я предложу тебе место стражника в моем доме.

Его предложение застало меня врасплох. Я растерянно заморгал.

– В доме у меня тихо, но иногда возникает необходимость выставить у ворот охрану. Тебе выделяют комнату в этом доме. Кормиться будешь здесь же, плюс три новые туники в год. Ну и, разумеется, жалованье.

Он назвал сумму – очень даже приличную.

У меня отлегло от души. Сомневаюсь, что он предложил бы мне эту работу, знай он, что я...

– Но почему я, сенатор? В городе наверняка найдется немало старых солдат, кто делал бы это лучше моего. Ведь у меня никакого опыта.

– Помнится, один двенадцатилетний мальчишка, защищая свою мать, заколол императора, – спокойно произнес сенатор Норбан. – Разве это не опыт?

– Так это ведь было давно.

– Шесть лет назад. Можно сказать, почти целая вечность, – согласился сенатор Норбан и побарабанил по столу пальцами в чернильных пятнах. – Вложи хотя бы часть того рвения и смелости в охрану моего дома, и я буду доволен. Скажу честно, у меня пара-тройка врагов, которые не прочь испортить мне жизнь. Нет, конечно, покуситься на мою жизнь они не посмеют, а вот сделать так, чтобы я в день какого-то важного голосования не дошел до сената – это запросто. Кроме того, у моей дочери есть привычка бродить по самым разным неподходящим местам. Сильная рука у нее за спиной не будет лишней.

– Это она тебя надоумила? – не удержался я от вопроса. – Чтобы ты предложил мне место стражника?

– Нет, Сабина вместе с мачехой и своей сводной сестрой и братьями сейчас на вилле в Байях.

Я ощутил укол разочарования. В тот вечер, когда я поцеловал ее, Сабина, как говорится, дала мне от ворот поворот, как и полагается приличной девушке, но, с другой стороны, разве не ее розовый пальчик чертил у меня на затылке круги? Стоило мне вспомнить эти прикосновения, как волоски на моих руках встали дыбом, и не только они. Живо прекрати, болван,

сказал я себе, если не хочешь выдать себя с головой перед ее отцом. И я поспешил укрыться за спинкой стоявшего рядом стула.

– Это была ее идея, вытащить Кальпурнию с детьми на море, – продолжал тем временем сенатор, не замечая моей неловкости. – Тем более что у моей супруги в скором времени будет еще один ребенок, – признался сенатор, и его строгие черты смягчила счастливая улыбка. Он встрепенулся, как будто стряхивая с себя приятные воспоминания, и вновь посмотрел на меня. – Так что идея взять тебя в наш дом принадлежит мне. Мне подумалось, что если ты и дальше будешь расквашивать в переулках чужие носы, то ни к чему хорошему это не приведет. Не думаю, что твои родители были бы в восторге. Я же перед ними в неотплатном долгу.

– Эй, – обиделся я. – Я не грабитель и не бандит.

– А вымогать у пьяных юношей деньги – это как называется?

– Способ заработать на жизнь.

– Правда, не слишком достойный.

– А быть стражником – разве намного лучше?

– Считай, что это первая ступенька. В этом доме ты встретишь немало интересных людей. Тех, кто когда-нибудь тебе в чем-то поможет. Добросовестного стражника может заметить какой-нибудь легат, который позднее захочет сделать его центурионом.

– Разумеется, взамен за некую услугу, – усмехнулся я. – Покорнейше благодарю.

На губах сенатора промелькнула улыбка.

– Согласен, такая опасность существует. Но выгода перевешивает риски. Император Траян имеет привычку присматриваться к молодым, подающим надежды воинам, и его офицеры начали брать с него пример.

Император Траян. В винных лавках поговаривали, будто он вскоре отправится на север, чтобы раз и навсегда покончить с дакийским царем Децебалом, который вечно мучил воду на наших границах. Про Децебала говорили, будто он ходит в львиной шкуре. Что касается Траяна, то я был не прочь увидеть его поближе, нежели в ложе Большого Цирка. Может, мне и впрямь стоит принять это предложение? Как-никак мне обещана жратва, крыша над головой, непыльная работенка, и все это за хорошие деньги. А потом, глядишь, из этого выгорит что-то еще. Мне вновь вспомнились шелковистые каштановые волосы, как они струятся сквозь мои пальцы, но я постарался выбросить соблазнительный образ из головы.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Согласен.

– Отлично, – произнес сенатор, наливая в кубок вина из стоявшего рядом с его локтем графина и протягивая его мне. – Добро пожаловать в дом Норбанов, Верцингеторикс!

– Спасибо, доминус, – ответил я, вовремя вспомнив, что теперь я должен именовать именно так, доминус, хозяин дома. Ведь отныне я тоже в некотором смысле член его большого семейства. Нет, если говорить начистоту, я не горел желанием называть кого-либо хозяином, даже если хозяин этот платил мне приличные деньги.

Весна тем временем сменилась жарким влажным летом, я же устроился на новом месте, как угорь на илистом дне. И не пожалел о принятом решении.

Работенка была легкой. Кроме меня в доме были еще два стражника, оба убеленные сединами ветераны. Обычно они, пока я сопровождал хозяина в сенат, проводили время в саду за игрой в кости. Кстати, старый сенатор оказался славным хозяином: пусть он зорко, словно орел, вчитывался в свои свитки, зато в остальном был рассеян, забывчив и не вникал в домашние дела. В отсутствие жены и детей он не имел ничего против того, чтобы еду ему подавали в его кабинет, где он ел прямо за письменным столом, роняя крошки на свои таблички и свитки. Иногда он, взяв у кухарки хлеба и сыра, отправлялся в Капитолийскую библиотеку, где проводил целый день в исследованиях. А самое главное, в его доме не били рабов. Никто не пытался убежать отсюда под покровом ночи, никто не получал розог за разбитую тарелку. Мне сразу же был выдан толстый плащ, неплохо хранивший мою спину сухой от летних ливней. Я регулярно

получал положенный мне выходной, который проводил на скачках, или на гладиаторских боях, или в сидя в таверне, в общем, где душа пожелает. Самая тяжелая работа, которую мне пришлось выполнять, это тащить для хозяина в сенат гору свитков.

Тогда почему у меня такое кислое настроение?

– Ты какой-то не улыбочивый, Викс, – сказала мне Гайя, юная веснушчатая гречанка-рабыня, которая выросла в доме Норбанов. Вскоре я считал веснушки не только на ее носу. Гайя была хохотушка, с ней было легко и весело. Ее было приятно прижимать к себе ночью в постели, однако стоило ей выскользнуть из моей комнаты, как я продолжал лежать, тупо уставившись в потолок. Иногда в свой выходной день я напивался так, что на следующий день голова раскалывалась от боли. Наверно, на лице моем были написаны такие страдания, что их замечал даже рассеянный сенатор. В такие дня я не слышал от него привычного «доброе утра», когда мы с ним шли в сенат.

Сабина с мачехой оставались в Байях, и это тоже не прибавляло мне хорошего настроения. Сенатор регулярно писал им письма, Может, в одном из них он упомянул, что в доме появился новый стражник? Может, прочитав такое известие, Сабина вернется домой чуть раньше? Но она не вернулась. Да и зачем ей было возвращаться? В конце концов подумаешь, что такого в том, что мы с ней после скачек целовались в переулке. Наверно, так поступила бы любая патрицианка, которую взялся проводить до дома молодой, симпатичный плебей. Для них это небольшое пикантное приключение, которое будет приятно вспомнить, когда они выйдут замуж. Потому что потом они станут толстыми и страшными, как и их матери.

Надо сказать, что по сенаторской дочке скучал не я один. Не проходило и дня, чтобы на пороге дома не появлялся очередной воздыхатель в тоге. Будь он стар или молод, стоило мне сказать, что Сабины дома нет и в ближайшее время ее не стоит ждать, как этот несчастный сокрушенно вздыхал и понуро плелся прочь.

– Что в ней такого, что все по ней будто с ума посходили? – поинтересовался я у юного патриция в новенькой тоге, который вырос на пороге дома с букетом лилий в руках. – Можно подумать, в Риме нет других сенаторских дочек. Причем и покрасивее, и побогаче ее.

– Зато у них нет ее связей, – бесхитростно ответил юный патриций. Он действительно был слишком юн и потому не привык задирать нос, разговаривая с плебеем. – Она внучатая племянница самого императора. Или кем там она ему приходится. Но самое главное, она единственная близкая его родственница, которая до сих пор не замужем. Мой дед говорит, что если я на ней женюсь, как моя карьера пойдет вверх семимильными шагами.

С этими словами он положил свой цветочный веник из лилий на ближайший стол. Я внимательно пригляделся к нему: тощий как жердь, а вот лицо приятное и совсем неглупое. Когда я открыл ему дверь, он представился, назвав какое-то длиннющее патрицианское имя, которое тотчас же вылетело у меня из головы. Но самое первое я запомнил: Тит.

– Ты еще слишком молод. Зачем тебе жена? – не удержался я от вопроса.

– Это не моя идея. Просто мой дед слишком стар и боится, что не доживет до моей женитьбы, – ответил Тит или как его там. – Он сказал, что у меня есть шанс. Дело в том, что мой дед и ее отец старые друзья, и он уже несколько раз намекал, что неплохо бы укрепить дружеские узы семейными.

– Бесполезно. Даже не надейся, – сказал я. – Мужа себе она выберет сама.

– В таком случае надеяться мне не на что. – Он кивком указал на свою тощую фигуру. – Кому я такой худой нужен?

– Я бы не стал зарекаться. Приходи, когда она вернется в Рим.

– Обязательно приду. Даже если у меня никаких шансов, попрактиковаться в искусстве ухаживания не помешает. Как сказал Публий Сир, «еще ни один трус не достигал вершин».

С этими словами он взял со стола принесенный им букет и сунул его мне.

– Отдай это своей девушке.

– В следующий раз приходи с фиалками, – ответил я. – Госпожа не любит лилий.

Скажу честно, мне он понравился, это Тит-как-его-там. Знай я тогда, сколько еще встреч с ним подарит мне судьбы, сколько раз мы будем спасать друг друга от беды, я бы удостоил его большего внимания. Все остальные ухажеры Сабины высокомерно смотрели на меня сверху вниз. Помню, как к ней пожаловал этот червяк, трибун Адриан, какое недовольное лицо он сделал, когда я сказал ему, что предмета его вздохов в доме нет и вернется этот предмет нескоро.

– И когда именно вернется госпожа Сабина? – снизошел он до вопроса.

– Понятия не имею, – ответил я, засунув за поясной ремень большие пальцы. – Лично мне она этого не сообщила.

– Понятно. – В глазах Адриана вспыхнул холодный блеск. Он явно узнал меня. – Ты тот самый тип, кто был с ней на скачках. Ты был груб со мной.

– Уж какой есть, – ответил я с вызывающей улыбкой.

Адриан высокомерно смерил меня глазами с головы до ног.

– Тебя не помешало бы выпороть, – сказал он. – Когда-нибудь я сделаю это сам.

– Это как же? – поинтересовался я.

– Не волнуйся, повод найдется, – ответил он и, колыхнув полами пурпурной тоги, зашагал прочь. Я показал ему в спину неприличный жест.

Через неделю меня ждала стычка иного рода. На следующее утро после моего дня рождения, – мне стукнуло девятнадцать лет, – я по своей глупости решил отпраздновать это событие тем, что отправился в Колизей посмотреть гладиаторские бои. Не скажу, что меня так уж тянуло туда – я точно знал, что ничего хорошего там не увижу. Но два других стражника посмеивались надо мной за то, что я пропустил игры в честь богини Весты, и я пошел. Я смотрел, как гладиаторы с копьями умирают от когтей леопардов, как леопарды умирают от гладиаторских копий, и к середине дня, когда на арену пролились уже целые реки крови, я успел напиться пьян.

– Да разве это игры? Не то что раньше, – громко отпрыгнув, заявил я, глядя, как на арену вывели закованных в цепи беглых рабов, которым должны были отрубить головы. – Никаких тебе строгих правил, главное, чтобы кровь лилась рекой.

– Откуда ты знаешь? – спросил у меня мой товарищ-стражник.

– Потому что я там бился сам, вот откуда, – ответил я, указывая кружкой на окровавленный песок. Там один из рабов пытался сопротивляться, отказываясь становиться на колени. – Я Юный Варвар! – похвастался я, проливая пиво.

– Кто?

– Юный Варвар, – повторил я, возмущенный его неведением. – Самый юный гладиатор Колизея. Я бы сказал, слишком юный для этой арены.

Нет, на ней умирали дети и помладше меня, вероотступники или беглые рабы, но у них отличие от меня не было в руках меча, чтобы себя защитить. Вот и сейчас на арене к родителям испуганно жались дети, с ужасом ожидая своей очереди. Я не выдержал и отвел глаза.

– Можно подумать, ты помнишь, кто такой Юный Варвар, – продолжали насмехаться надо мной мои спутники. – Да ты у нас мастер сочинять истории. Да ты сам посмотри, какой из тебя гладиатор!

Я врезал ему кружкой. Он врезал мне в ответ. Дело закончилось всеобщей потасовкой в нашей части трибун, что было мне только на руку, и я под шумок – вернее, шум и гам – незаметно ускользнул. И хотя по этой причине я пропустил главные бои, я не слишком жалел об этом. Я, шатаясь, побрел прочь – под глазом фонарь, одно ухо разбито всмятку. Меня вырвало прямо в канаву, раз, другой, а тем временем за моей спиной Колизей взревел тысячами глоток, и я знал, что это на арене в смертном поединке сошлись гладиаторы.

«Несчастные болваны», – подумал я. А в следующий миг ноги мои подкосились, и я сел прямо на мостовую, понуро свесив между колен голову.

– Эй, нечего здесь сидеть! – крикнула мне какая-то женщина, поправляя на руке корзину.

– Я Юный Варвар! – огрызнулся я. – Не подходи ко мне близко!

– Да и так вижу, что ты варвар, – презрительно бросила она и пошла прочь.

В углублении в мостовой, где отсутствовал камень, собралась вода, и я сидел, шлепая по этой лужице ногой. Вскоре со стороны Колизея снова донесся восторженный рев, и я подумал, а не податься ли мне опять в гладиаторы. По крайней мере мне не придется отдать арене четверть века. Жизнь большинства гладиаторов коротка: год-другой, и все. Зато какая простая она, эта жизнь. Никаких тебе трудностей. Главное, усвоить правило: сражайся или умри.

Но назовешь ли простой мою теперешнюю жизнь? Впереди меня ждали годы, и я понятия не имел, что мне делать в будущем. Я потрогал амулет, висевший у меня на шее на кожаном шнурке. Простенький бронзовый амулет с изображением римского бога Марса – такого барахла всего за одну медную монетку можно купить у уличного торговца целый десяток. Его на прощание подарил мне отец, в тот день, когда я вновь отправился в Рим.

– Пусть тебя хранит настоящий римский бог, – сказал он мне. – Коль ты вновь собрался в этот отстойник.

– А тебя он хранил? – спросил я. – Когда ты дрался на арене Колизея?

– Иногда хранил, – ответил отец, пожимая плечами, и повесил мне на шею амулет, с которого хмуро смотрел бог в солдатском шлеме. Нет, у Марса явно не все в порядке по части чувства юмора.

Я потрогал пальцем его насуспенное лицо и посмотрел на небо.

– Что скажешь? Куда мне податься? В гладиаторы? В солдаты? Или куда-то еще?

На шею мне упала капля дождя, а в следующий миг небеса разверзлись настоящим ливнем. Я же продолжал сидеть на мостовой и пытался понять, уж не знак ли это. А если знак, то какой.

– Опять подрался? – спросил у меня управляющий, когда я наконец вернулся домой. С меня ручьями стекала вода. – Стражник с фонарем под глазом не добавляет хозяину репутации. Впрочем, неважно. Иди, собирай свои вещи.

– Собирай свои вещи? – растерянно повторил я. Я был все еще зол, мокр и порядком пьян.

– Да, сенатор Норбан едет в Байи, проведать супругу. Отправляемся завтра утром. Ты будешь нужен во время путешествия.

– Какой чудный синяк! – заметил сенатор Норбан на следующее утро. – А теперь возьми эти свитки и погрузи их на носилки. Хм, Плиний. Пожалуй, я возьму его с собой. Так, кое-что из Марциала, кое-что из Катона. Ага, Катулл, его нужно взять обязательно, как же я буду без Катулла...

В общем, на следующий день я уже трясся в запряженном парой волов паланкине. Байи. Раньше я здесь никогда не был. Симпатичный городок. Белый мрамор. Лазурное море. Просторные виллы. Завернутые в полотенца женщины, спешащие в знаменитые серные бани. Такого количества патрициев я не видел за всю мою жизнь. Даже уличные проститутки в их рыжих париках, и те поглядывали на меня свысока.

– Марк! – радостно воскликнула Кальпурния, торопясь от ворот виллы навстречу мужу. Было видно, что она даже принарядилась по этому случаю: в желтом шелковом платье, в янтарном ожерелье в тон, в ушах золотые серьги. В эти минуты в ней нельзя была узнать веселую хозяйку, которая не видела ничего зазорного в том, чтобы печь хлеб вместе с рабынями и делиться с ними последними сплетнями. Кстати, от этих самых рабынь я узнал, что в свое время Кальпурния была одной из самых богатых невест Рима.

– Выйдя за господина замуж, она принесла ему половину Тосканы и Таррацины.

Сегодня я в первый раз мог в это поверить.

– Хороша, богата и любит тебя, – шепнул я сенатору Марку Норбану, когда он, прихрамывая, зашагал навстречу жене. – И как тебе только удалось заполучить такой бесценный подарок? Ведь любой взял бы ее в жены только ради ее хлеба.

В ответ он посмотрел на меня хорошо знакомым мне взглядом – не то с упреком, не то с улыбкой, однако вслух ничего не сказал, простив мне мою дерзость. Потому что если бы не я, сумел бы он шесть лет назад низложить императора. Нет, мы не строили никаких заговоров, все получилось само собой, но теперь это связывало нас прочнее любых уз. Сенатор прощал мне вольности, какие не простил бы никому. К тому же раздражения его как не бывало, стоило ему заключить Кальпурнию в объятия. Скажу больше, он чем-то напомнил мне моего отца. У того тоже имелась привычка брать в ладони лицо моей матери, прежде чем ее поцеловать.

Если вы думаете, что в этой жизни везет только красавицам, то вы ошибаетесь. Скорее таким, как Кальпурния или моя мать. Стоит такой вас полюбить, как вам уже не захочется смотреть на других женщин. Так что будьте осторожны.

– Марк, ты стал слишком часто шуриться, – укоризненно заметила Кальпурния. – Ты опять читаешь при тусклых лампах? Викс, отнеси эти свитки назад в носилки. Я не допущу, чтобы мой муж портил себе глаза здесь, на вилле. Здесь полагается отдыхать. Кстати, а что это с твоим глазом? Ну и фонарь!

– Знаю, – буркнул я.

– Спрячь свитки в моем кабинете, – заговорщицким шепотом произнес сенатор Норбан, как только жена отвернулась, и я послушно потащил кипу свитков в направлении дома. А в следующий момент из ворот с радостным визгом навстречу отцу выбежала малышка Фаустина.

Вилла оказалась просторной – с мраморными бассейнами, портиками, изящными колоннами, мозаичными полами, изображавшими выпрыгивающих из воды рыб и виноградные лозы. Когда я вошел в кабинет, оказалось, что тот уже занят.

– Здравствуй, Викс! – слегка растерянно воскликнула Сабина, отрывая глаза от книги. – Отец уже здесь? Не иначе как вы ехали хорошими дорогами. Надеюсь, все уже прокомментировали твой фонарь?

– Да, – буркнул я. – Все уже прокомментировали мой фонарь.

– Да, его нельзя не заметить, – сказала Сабина, поднимаясь с кушетки. Она была босиком, с голыми руками, каштановые волосы волной ниспадали ей на спину. – Но я не стану спрашивать, откуда он у тебя.

– А зря, – сказал я, с трудом сдерживая улыбку. – Потому что это потрясающая история. С грабителями, разбойниками, драконами.

– Драконами? Как интересно! – воскликнула Сабина, скручивая свиток. – Но мне нужно к отцу. Приятно было узнать, Викс, что теперь ты часть нашего семейства.

С этими словами она вышла за дверь, а в следующее мгновение в кабинет уже вплывала Кальпурния.

– Отдай мне свитки, Викс. Можно подумать, я не знаю, что мой муж велел тебе их от меня спрятать.

Я, отсалютовав, вручил ей целую кипу свитков, а сам отправился на поиски управляющего. Настроение мое заметно улучшилось.

– Где я буду спать?

– Вместе с одним из стражников. Кстати, ты знаешь, что у тебя под глазом фонарь?

– Знаю.

Глава 4

Сабина

Сабина обожала проводить время на террасе. В теплые вечера управляющий выносил туда лежа, и тогда они ужинали на свежем воздухе. Как приятно было нежиться в лучах заходящего солнца! Тени становились все длиннее, с моря веял нежный ветерок, а само море раскинулось внизу, сверкая лазурной гладью. Иногда, посмотрев поверх чаш с виноградом, Сабина представляла себе, будто взгляд ее проникает за горизонт, к гигантским скалам, что ограничивали море с запада. Об этих скалах она узнала от Адриана, который родился в Испании. Рассказывая ей про них, он возбужденно размахивал руками; глаза горели воодушевлением. Геркулесовы столпы, о которые, пенясь, разбиваются волны, широкий океан и еще более широкий мир, что раскинулся по ту сторону.

– Как замечательно, что мы собрались здесь всей семьей, – ворковала Кальпурния. Одной рукой она держала малыша Лина, а второй пыталась разделить пополам плод граната. Будучи беременна Лином, она пристрастилась к устрицам. Новый же ребенок, которого она носила под сердцем, похоже, обожал гранаты.

– Марк, пообещай мне, что ты вернешься в Рим не ранее, чем через месяц. Тебе просто необходим отдых.

Устремив взгляд к горизонту, Сабина рассеянно жевала кусок жареного гуся. Интересно, что лежит там, за Геркулесовыми столпами? К северу – Британия, это она знала. А вот к западу? Что там, если все время плыть на запад? Адриан этого не знал. Впрочем, и не хотел знать.

– Глушь, – помнится, ответил он, отмахнувшись от ее вопросов. – Зачем тебе, Вибия Сабина, забивать голову ненужными вещами? Ведь даже нескольких жизней не хватит, чтобы узнать весь наш цивилизованный мир.

– Но я не могу оставаться здесь все лето, – возразил Марк Норбан. – Я работаю над новым трактатом.

Сабина посмотрела на отца. «Как часто, – подумала она, – сенаторы, сбросив привычную тогу, смотрелись жалкими и неловкими, как та черепаха, которую лишили ее защитного панциря». Но только не Марк Норбан. Даже в эти минуты, лежа в простой тунике на обеденном ложе рядом с малышкой Фаустиной, свернувшейся калачиком у него под боком, ее отец выглядел... как император.

– Трактат может подождать, – упиралась Кальпурния. – Предлагаю всей семьей посетить серные источники, это поможет изгнать из твоих легких грязный городской воздух, – добавила она, отправляя в рот пригоршню гранатовых зерен. Марк Норбан не нашел, чем на это возразить.

– Ты ведь знаешь правила, отец, – улыбнулась Сабина. – Месяц за каждое съеденное тобой гранатовое зерно. Как у Плутона и Прозерпины.

– Всего один месяц! – воскликнула Кальпурния, вырывая розовыми от сока пальчиками очередную пригоршню гранатовых зерен.

– Два, три, четыре!

– А я-то думал, что поступаю правильно, давая моей дочери классическое образование! – сокрушенно покачал головой Марк.

– Отец, тебе действительно следует побыть здесь, тем более, что в твое отсутствие Кальпурния чувствует себя неважно, но когда ты рядом, ей тотчас становится лучше.

Марк нахмурил лоб и заботливо взял руку жены, Кальпурния в ответ сжала липкие от гранатового сока пальцы и с заговорщицким видом посмотрела на Сабину. Та поспешила спрятать

улыбку за кубком с разбавленным водой вином. Здоровье у Кальпурнии было железное, однако между ней и Сабинной давно существовал молчаливый уговор: когда дело касалось заботы о главе их семейства, которого обе они обожали, любые средства были хороши, от небольшой невинной лжи до самой что ни на есть вопиющей.

– Уговорили, пусть это будет все лето, – уступил женщинам Марк. – Нас здесь пятеро. Кстати, самое время начать обучать Фаустину. Дам ей немного греческого, немного риторики.

– Марк, дорогой, ей нет еще и пяти лет! Ты что, собрался готовить ее для карьеры в сенате?

– Добавить греческих глаголов к вечерней сказке, и они запомнятся сами, – ответил старый сенатор и потрепал золотистую головку младшей дочери.

– Я люблю сказки, – с набитым ртом вставила свое веское слово Фаустина. – А папины сказки самые лучшие! Особенно мне нравится про царя, которого убили прямо в ванне. И еще одна, про одного принца, который убил собственную мать.

– Ты пересказываешь ребенку греческие трагедии, Марк? – Кальпурния выразительно посмотрела на мужа, и Сабина невольно хихикнула. – При чем на ночь?

– Слегка подправленные, – сказал в свое оправдание сенатор. – Самые кровавее сцены я опускаю.

– Неправда! – рассмеялась Сабина. – По крайней мере ты ничего не опускал, когда рассказывал их мне!

– А он рассказывал тебе про то, как одного царя растерзали женщины-волчицы? – подала голос Фаустина. Глаза ее задорно блестели. – Или про то, как одного царя заживо сварили в котле? Но если царей убивают, почему кому-то хочется быть царем?

– Какое мудрое дитя, – довольно произнес Марк. – Может, этим летом, Фаустина, мы почитаем с тобой что-нибудь полегче?

– Например, про то, как афинские женщины отказались спать со своими мужьями? – предложила Сабина.

– А что, отличная идея, – отозвалась Кальпурния, потирая округлившийся живот.

– Мы вместе подыщем какую-нибудь комедию, – торопливо добавил Марк. – Я буду читать за мужских персонажей, Сабина – за женских.

– Вообще-то, – сказала Сабина, – я надеялась, что возьму с собой няню, и мы с ней вернемся на лето в Рим.

– В Рим? – удивилась Кальпурния, отодвигая вазу с фруктами, к которой, грозя ее опрокинуть, уже протянулась ручонка Лина. – Но что делать в Риме летом? Там жарко, как в печке, а вонь хуже, чем из клоаки.

– Знаю, – пожалала плечами Сабина. – Но если я вернусь в город, то смогу укрыться там от настырных женихов. Сейчас они на лето съезжаются в Байи и будут вечно вертеться у меня под ногами. Отец, остались еще финики?

– Выбери, который тебе приглянулся, остальных пусть разберут другие, – заметил Марк.

– Я предпочитаю всю чашу, – Сабина вытащила пригоршню фиников.

– Я имел в виду твоих женихов, и ты знаешь это не хуже меня.

– Так на кого же падет твой выбор? – спросила Кальпурния, беря в руки небольшой серебряный нож, чтобы разрезать очередной гранат.

– Даже не знаю, – не моргнув, призналась Сабина.

– Протяни еще чуть-чуть – и будет поздно. Ведь тебе уже восемнадцать. В твоём возрасте многие имеют детей.

– Пытаетесь от меня избавиться?

– Чушь, – недовольно поморщился Марк Норбан. – Я никогда не был сторонником ранних браков. Восемнадцать лет – это еще юность.

– Не переживайте. Скоро я свой выбор сделаю, – пообещала Сабина. – Дайте только пару месяцев на раздумья. А вообще в последнее время настойчивость проявляет трибун Адриан.

– Мне казалось, Адриан тебе симпатичен. Когда он приходит к нам в дом, ты с ним часами ведешь разговоры.

– Это он часами ведет со мной разговоры.

Марк улыбнулся и покачал головой.

– Наверно, ему нравится слушать свой голос.

– Пусть слушает, не имею ничего против, – отозвалась Сабина. – Если разговорить его про путешествия, от него можно услышать немало интересного. Адриан объездил всю Испанию и всю Галлию. Отец, а ты не мог бы дать согласие стать наместником какой-нибудь провинции – если от сената поступит такое предложение? Тогда бы я уехала вместе с тобой. Как тебе Испания или Галлия? А может, даже Египет?

– Я плохо знаю Адриана, – с сомнением в голосе произнесла Кальпурния. – Согласна, он очень обаятельный...

– Разумеется, с тобой он обаятельный, – сказала Сабина. – В его глазах ты образцовая римлянка, ходячее воплощение всех добродетелей.

– И как мило с его стороны сказать это вслух. Скажу честно, мне нравятся мужчины, умеющие делать комплименты.

– Это ты мне в укор? – поинтересовался у жены Марк.

– Адриан не просто обаятелен, он благороден, умен, серьезен. Вот увидите, его ждет блестящая карьера. Но, – Кальпурния многозначительно приподняла розовый от сока палец – точно так же, как это делал ее муж, когда обращался к сенату, – кроме Адриана будет еще и свекровь.

– Его мать давно умерла, – возразила Сабина.

– А вот императрица еще в добром здравии, – довольно холодно произнесла Кальпурния. – Более того, это она приложила руку к его воспитанию, а вовсе не его мать. Поверь мне, вряд ли ты будешь рада получить в лице императрицы Плотины свекровь.

– Так вот почему ты вышла за меня замуж! – улыбнулся Марк. – Не потому что я осыпал тебя комплиментами, а потому, что на тот момент моя мать уже была в могиле?

– У вас обоих только шутки на уме. – Кальпурния схватила ручонку Лина и помахала ею, призывая к тишине. – Последнее, что нужно любой жене, это чтобы свекровь совала свой нос во все ее домашние дела, поучая, как вести дом, как воспитывать детей, какие платья надевать... – Кальпурнию даже передернуло. – А у Плотины, скажу я тебе, нос длинный.

– Итак, свекровь, которая вечно лезет в чужие дела, – согласилась Сабина. – Какие еще возражения насчет Адриана?

– Я бы не сказала, что репутация у него безупречная. Известно, что на Авентине у него шикарный дом, в котором он поселил одну певицу, и... только это не при детях. – Кальпурния выразительно выгнула брови. – Не говоря уже о том, что он на восемь лет тебя старше.

– Кто бы говорил! – расхохоталась Сабина. – Сколько лет было отцу, когда ты вышла за него замуж? Шестьдесят три?

– Но это совсем другое дело! Твой отец был взрослый, ответственный человек, готовый взять на себя обязанности семьянина, чего не скажешь о том, кому двадцать шесть. Кроме того, я до безумия любила его. Ты же Адриана не любишь. Ты вообще никого не любишь.

– Я слишком стар для таких разговоров, – запротестовал Марк, и их спор, как и надеялась Сабина, сменила веселая, пересыпанная шутками, застольная семейная беседа. А на следующий день она уже паковала свои книги и платья в паланкин, чтобы вернуться назад в Рим.

– О боги, – прошептала она отцу, когда к носилкам, вооруженный копьем, подошел коренастый немолодой стражник, чтобы охранять ее по дороге в Рим. – Может, мне лучше взять с собой Вика? Этим летом я хотела бы побродить в окрестностях Рима, а что касается Цельса,

я боюсь, как бы он не надорвал себе спину, если вдруг попробует поднять что-то потяжелее кубка с вином... Да-да, так будет гораздо лучше, спасибо...

Сабина еще не решила, что ей делать с Виксом, но то, что с ним будет гораздо веселее, в этом она не сомневалась.

– Какое блаженство, – произнесла Сабина, входя вечером в дом на Капитолийском холме и отряхивая пыль с дорожного платья. – Никаких гостей, никаких родственников. Наконец-то я могу побыть одна.

Как ни любила она отца, Кальпурнию и своих сводных сестру и брата, последнее время ей хотелось одного: тишины и одиночества. Чтобы никто не мешал, никто не давил, чтобы пространство и время принадлежали только ей, чтобы можно было спокойно все взвесить и принять решение. А решение, похоже, ей придется принять не одно.

– Поддай фрукты на террасу, – сказала она управляющему. – После этого можешь быть свободен. Хочешь, иди на скачки или гладиаторские бои, хочешь, – в таверну. В общем, делай, что пожелаешь.

Тит

Тит Аврелий Фульв Бойоний Аррий Антонин набрал полную грудь воздуха и посмотрел отцу в глаза.

– Что скажешь?

Отец как всегда сочувственно промолчал.

– Ты знаешь, раньше я этого не делал, – продолжал Тит. – То есть раньше я не ухаживал за девушками. Я лишь раз нанес ей визит, но ее не было дома. И вот теперь она вернулась, и у меня кончились отговорки, и я не знаю, как заставить себя повторить попытку. Ты не мог бы дать мне пару дельных советов?

Похоже, у отца было что ему сказать, тем не менее он молчал. В том-то вся и загвоздка: если ваш отец умер, вам ничего другого не остается, как обращаться за советом к мраморному бюсту, установленному на постаменте в атриум. Тит расправил худые плечи.

– Ладно, пожелай мне удачи.

С этими словами он осмотрел тогу на предмет чернильных пятен, поправил на плече складки, попытался пригладить на затылке упрямый вихор. Вот досада, как бы коротко он ни просил цирюльника постричь ему волосы, эта прядь все равно торчала хохолком независимо от их длины. Последний раз, когда он решил нанести визит дочери сенатора Марка Норбана, он пытался пригладить свой хохолок гусиным жиром, отчего дед сказал ему, что в таком виде он похож на дешевого актеришку из Вифинии.

– Тебе нет необходимости прихорашиваться, мой мальчик! Твое имя говорит само за себя. Мы с ее отцом как два брата. Я уже говорил с ним на эту тему, так что тебе осталось лишь немного очаровать эту девушку.

Тит вздохнул. Его школьные приятели жаловались на самодуров-отцов, на холодных и равнодушных дядьев, на суровых дедов. В отличие от них дед Тита был просто чудо, а не дед. Как и отец, который тоже когда-то был чудо, а не отец, если бы не умер. Что, кстати, ничуть не облегчало ему жизнь. Было бесполезно говорить деду, что та, что приходится родственницей самому императору, та, за кем ухаживает половина Рима, вряд ли снизойдет до шестнадцатилетнего юнца, которому даже нечем похвастаться. Разве что букетом фиалок и длинным, мудреным именем, произнося которое можно сломать язык. Да она рассмеется ему в лицо прямо с порога!

– Тебе сегодня повезло, – сказал ему широкоплечий молодой стражник. – Она в библиотеке. Я тебя проведу.

– Спасибо за совет про фиалки, – сказал Тит, стараясь не отставать от длинноногого стражника. Ну почему у него самого такая мелкая, семяющая походка?

– Ей нравятся простые цветы, а не всякие там дорогие садовые, – ответил стражник. – Я сказал этому ублюдку, трибуну Адриану, будто она без ума от лилий, причем предпочитает исключительно дорогие и огромные. Теперь он каждую неделю осыпает ее этими венками. Она не знает, куда их девать, и скармливает лошадям. – Стражник усмехнулся. – Говорит, ее воротит от их запаха.

– Трибуну Адриану?

Дед почему-то считал, что Титу не составит большого труда обойти своих соперников, в том числе, и этого Адриана с его проникновенным голосом, гордой осанкой и блестящей карьерой. «Мне не на что рассчитывать», – подумал Тит.

– Удачи тебе. – Стражник похлопал его по плечу.

– Спасибо, – отозвался Тит и, пока мужество окончательно не изменило ему, шагнул в библиотеку.

Первое, что бросилось ему в глаза, что Вибия Сабина была отнюдь не из породы тех девушек, за которыми ухаживает пол-Рима. Нет, они уже встречались раньше, их даже когда-то представили друг другу. Но тогда она была в нарядном платье и тихо стояла рядом с отцом: сенаторская дочка, как любая другая. Сейчас же она лежала на животе на полу библиотеки и грызла яблоко. Каштановые волосы пышной гривой рассыпались по плечам. Вокруг нее на полу были расстелены карты, и, похоже, она что-то чертила на них стилем. Увидев Тита, она подняла на него глаза, и он впервые заметил, какие они у нее небесно-голубые.

– О боги! – негромко воскликнула она. – Еще один.

– Ты о чем?

– Насколько я понимаю, ты очередной жених. Извини, я не хотела быть с тобой грубой. Но я сегодня действительно не в том настроении, чтобы принимать предложения от женихов.

– А я сегодня не в том настроении, чтобы такое предложение делать, – честно признался Тит, чем удивил самого себя. – Почему бы тебе сразу не отказать мне, чтобы я мог уйти?

В уголке ее рта появилась красивая ямочка.

– Наверно, сначала я должна знать, кому я отказываю.

– Тит Аврелий Фульв Бойоний Аррий Антонин, – представился Тит и отвесил учтивый поклон.

– Вибия Сабина. – Она протянула ему руку, и Тит помог ей подняться с пола. – Извини, что здесь такой беспорядок. Я обдумываю путешествие по империи и все никак не могу решить, какой маршрут выбрать – с запада на восток или с востока на запад.

– «Они меняют небо, но не душу, те, кто пересекают море», – машинально продекламировал Тит.

– Что ты сказал?

– Извини, дурная привычка. Это просто цитата из Горация.

– Ну, так откуда ты бы начал свое путешествие? – допытывалась Сабина. – На западе, с Британии, или на востоке, с Сирии?

– Боюсь, что ничем не могу тебе помочь. Мне не хочется ни в одну из этих стран.

– В таком случае мне придется тебе отказать. Мне нужен муж, который будет разъезжать по империи. – С этими словами Сабина отложила в сторону наполовину съеденное яблоко и предложила Титу сесть. – Тебя, наверно, ко мне подослал твой отец?

– Дед, – ответил Тит и примостился на краю кушетки, Сабина свернулась клубочком в кресле напротив. Тит заметил, что на одной ее лодыжке была серебряная цепочка, а ноги босые. – Мой отец умер.

– Знаешь, кажется, я припоминаю. Да-да, я о нем слышала.

– О нем все слышали, – ответил Тит. – Он был великий человек.

– Нелегко быть достойным его памяти? – улыбнулась Сабина. – Моему брату точно придется нелегко, когда он подрастет. Нам, девушкам, проще. От нас не ждут, что мы пойдём по отцовским стопам. Достаточно того, чтобы мы обожали своих отцов. – Сабина хлопнула в ладоши. – А теперь я хотела бы услышать твое предложение.

– Мне показалось, ты намерена мне отказать.

– Это верно, ты уж меня извини. Но в последнее время у меня появился небольшой опыт в том, что касается брачных предложений, что так уж и быть, я тебе помогу. Чтобы в следующий раз тебе не пришлось так нервничать.

Как только Тит сообразил, куда клонится этот странный разговор, напряжение постепенно оставило его.

– Итак, с чего мне начать?

– Как правило, предложение самой девушке не делают, – сказала Сабина. – Я исключительный случай, потому что мой отец разрешает мне самой разбираться с моими женихами. В будущем же тебе придется иметь дело с отцом девушки. Так что давай притворимся, будто я старик, который подозрительно смотрит на тебя из-за письменного стола. – Сабина выпрямилась и театрально насупила брови. – Итак, перечисли мне все свои достоинства.

– А что, это так обязательно? – Тит задумчиво уперся худыми локтями в колени. – Будь это моя дочь и будь у меня желание выставить жениха за дверь, я бы попросил его перечислить его недостатки.

– Присуждаю очки за оригинальность. – Сабина убрала за ухо непокорную прядь. – Итак, с чего ты начнешь свой перечень?

– С того, что мне всего шестнадцать лет, – признался Тит. – Я только что закончил учиться, так что, как ты понимаешь, никаких заслуг у меня нет. Как, впрочем, и денег, не считая тех, что мне выделяет дед. Поэтому отдельный дом я тебе предложить не могу.

– Продолжай.

– Еще я страшный зануда, – продолжил Тит. – Мне не хватает остроумия. Да и просто ума. Про внешность я умолчу. А поскольку собственных слов и мыслей у меня нет, то я обычно цитирую других. Например, Горация или Катона. Причем Катона я могу цитировать часами.

– Пока что получается отлично, – кивнула Сабина. – Продолжай.

– Думаю, меня ждет самая обычная карьера – трибун, квестор, претор и так далее. Но поскольку я страшный зануда, то крайне маловероятно, что я покрою свое имя славой.

– Это тебя беспокоит? – улыбки на лице Сабины как не бывало. Она стала сама серьезность.

– Не то чтобы очень, – честно признался Тит. – Империя существует благодаря таким, как я. Мне поручают дело, и я делаю его на совесть. Но высоко я не вознесусь – просто буду служить Риму, и это все. Могу точно сказать: той, кто выйдет за меня замуж, императрицей никогда не стать. – Тит развел руками. – Вот, пожалуй, и все. Даже не знаю, что еще можно сказать, про такого, как я.

Сабина задумчиво наклонила голову.

– Все, я сдаюсь, – сказала она, помолчав. – Тебе не нужно никаких уроков. Ты умеешь делать предложения. Главное, найди себе подходящую девушку, и она сама упадет в твои объятия.

Тит улыбнулся и потупил глаза, машинально пригладив непослушный вихор.

– Ты уверена, что не хочешь за меня замуж? – спросил он, наконец решившись посмотреть на нее. – Пусть я не горю желанием посетить Сирию, но мне почему-то кажется, что мы с тобой нашли бы общий язык.

– Я польщена. – Сабина поднялась с кресла. – Но должна тебя разочаровать: стоит тебе узнать меня ближе, и ты поймешь, что я не слишком хорошая жена. Я терпеть не могу пиры.

Зато люблю приключения. А еще я привыкла поступать по-своему. Коль уж ты перечислил мне свои недостатки, то должен знать и мои.

– Мне нравятся твои недостатки. – Держа в руке букет фиалок, Тит поднялся с места. – Наверно, нам никогда не нравятся люди с недостатками, которые похожи на наши собственные. Зато мы мечтаем о тех, кто нам не подходит.

– Наверно, ты прав, – согласилась Сабина, задумчиво на него глядя. – Причем о тех, кто нам совсем не подходит.

– То есть у тебя уже кто-то есть? – грустно спросил Тит.

– Спасибо за цветы, – ушла от ответа Сабина и зарылась носом в букет. – Обожаю фиалки.

– Мне так и сказал твой стражник.

– Виск? – усмехнулась Сабина. – Как мило с его стороны. Пожалуй, я найду способ его отблагодарить.

Виск

– Виск?

Голос настиг меня, когда я, спотыкаясь, брел по саду. Я тотчас застыл на месте. Уже опустилась ночь, луны на небе не было, и я толком не понял, кто меня позвал. Рука мгновенно скользнула к рукоятке меча, который я по привычке носил на поясе, даже когда просто отправлялся в таверну выпить.

– Кто здесь?

– Это я. – Над темным пространством лужайки возникла чья-то рука.

– Госпожа Сабина? – спросил я и сделал шаг ей навстречу.

– Только не вздумай заколоть меня своим мечом.

Еще одно движение, и я наконец разглядел, что она лежит, растянувшись на траве, и машет мне рукой.

Мои пальцы разжались, и я отпустил рукоятку.

– Что ты здесь делаешь?

– Это первая ночь без дождя за всю неделю.

Это верно. Последнюю неделю стояла страшная жара, и лил нескончаемый дождь. После того как я вернулся в Рим, влажный воздух укутал город, подобно сырому шерстяному плащу. Практически каждую ночь с небес, громко стуча по крышам, на Рим обрушивался горячий ливень. Увы, он не приносил никакой прохлады. Неудивительно, что патриции предпочитали отсиживаться на виллах. Скажу честно, я с некоторой тоской вспоминал Байи, прохладный морской ветерок и даже заносчивых местных шлюх, возмнивших о себе невесть что.

Я сделал еще один шаг.

– Но что ты здесь делаешь, госпожа?

Все последнюю неделю Сабина просидела в отцовском кабинете, обложенная книгами и картами, а ее няня тем временем суетилась, принося ей то веер, то освежающий напиток. Что касается немногих оставшихся женихов, даже они отбыли в места попрохладнее, где их наверняка ждали девушки посговорчивее.

Вскоре мои глаза привыкли к темноте, и я увидел, что сенаторская дочка лежит на спине прямо на траве, скрестив ноги и подложив под голову руки.

– Я люблюсь на звезды. – Она приподняла голову. – Это что у тебя там, вино?

– В общем-то, да, – нехотя признался я. Я купил в таверне кувшин в надежде, что веснушчатая Гайя согласится со мной выпить и, может, даже вновь пустит меня к себе под одеяло. – У меня сегодня выходной. Я пьяным на дежурство не выхожу...

– Я не управляющий, Виск. И не собираюсь тебя отчитывать. Особенно, если ты угостишь и меня.

– Оно неразбавленное.

– Неужели? Отец не разрешает мне пригубить даже разбавленного вина. О неразбавленном я даже не говорю.

– И правильно делает. Оно крепкое.

Сабина села в траве.

– В таком случае дай мне попробовать.

Я тоже опустился на траву и протянул ей кувшин. Вокруг нас затаились тени – в кустах душистого жасмина, в ночных цветах, названия которых я не знал и которые казались серебристыми, в густой траве и среди высоких колонн, их обрамлявших. И ни одного факела. Похоже, в доме все уже давно спали.

– Пить не из чего, – предупредил я.

Сабина сделала глоток прямо из кувшина и передернулась.

– Бр-р. Теперь понятно, почему приличные люди разводят эту гадость.

– В таком случае, давай мне кувшин. Варвары вроде меня обожают неразбавленное вино.

Сделав еще один глоток, Сабина вернула мне кувшин. Я запрокинул голову и влил себе в горло изрядную дозу. Вокруг царила ночь – ни луны, ни облаков, только звезды, тысячи звезд. Интересно, задумался я, в римских легионах столько же солдат, сколько звезд на небе?

– Верцингеторикс, – вывел меня из задумчивости голос Сабины. – Если я задам тебе один вопрос, ты на него ответишь?

Я выпрямился. Скажу честно, она застала меня врасплох.

– Конечно, госпожа.

– Отлично. Скажи мне, что случилось в тот день, когда я поцеловала тебя шесть лет назад.

– Это так важно? – Я сорвал стебелек травы у моих ног, затем другой. – Мы ведь были детьми. Сколько тебе было тогда, двенадцать?

– Викс, наша встреча была случайной. Я поцеловала тебя и отправилась домой. И пока я ждала дома, мой брат умер, моя мать умерла, умер император Рима. Когда отец вернулся домой, на нем не было лица. Он лишь сказал мне, что теперь у нас новый император.

– А почему ты считаешь, что мне об этом что-то известно?

– Потому что весь Рим знал: Юный Варвар – любимчик императора, его игрушка. Но как только не стало Домициана, исчез и Юный Варвар.

Я попытался встать с прохладной травы, но ее маленькая рука поймала мое запястье и вновь потянула вниз.

– Если тебе это так интересно, спроси у отца.

– Он говорит, что императора убил какой-то мстительный раб. По его словам, мой брат умер как герой, а мать погибла, потому что возник хаос.

– Твой отец – порядочный человек. Он не станет лгать.

– Верно, но у него есть привычка время от времени опускать правду. Это лучший способ солгать, не солгав.

В траве мне был виден лишь ее темный силуэт – смутные очертания лица, заплетенных в косы волос, обнаженных рук.

– Ну, пожалуйста, Викс.

Я сделал глоток из кувшина, затем еще один.

– Я запер твою мать в чулане, – медленно произнес я, после чего поведал ей все про тот день, когда умер император: он пал от рук моих родителей, причем все произошло на моих глазах. Нет, конечно, в моем рассказе имелись дыры, некоторые я латал, вспоминая, что рассказывала мне мать, некоторые же обходил стороной, ибо в них таились такие жуткие вещи, которые я предпочел бы забыть. Пока я говорил, Сабина не проронила ни слова, молча слушая меня в темноте. Но ее первый вопрос потряс меня.

– Твоим родителям удалось бежать?

Я не знал, что ей ответить. Мне вспомнился дом на вершине укутанной туманом горы, где моя мать растила своих детей, а отец терзал клочок земли, который называл садом. Оба мертвы для Рима и счастливы вдалеке. Я молчал, но улыбка Сабины настигла меня даже в темноте.

– Вот и хорошо.

С этими словами она взяла у меня из рук кувшин и сделала еще один глоток.

– О боги, что за гадость. А мой брат? Он действительно умер как герой?

– Да.

Ее старший брат мне нравился – высокий, темноволосый преторианец, который всегда стремился с честью выполнять свой долг. Не могу сказать, что это у него всегда получалось, но по крайней мере он старался.

– Он и был герой.

– Мне его не хватает, – призналась Сабина. Она сидела, подтянув колени к подбородку и обняв их руками. – Хорошо, когда у девушки есть брат.

– У тебя есть Лин.

– Да, но он мой младший брат, и сколько бы ему ни было, я как старшая сестра буду о нем заботиться. А вот старший брат – девушке без него никак, ведь кто еще защитит ее?

– Он пригрозил, что отрубит мне голову, если я еще раз посмею поцеловать тебя, – признался я. – Сказал, чтобы я не лапал тебя своими грязными руками.

– Вот видишь.

– А за мать прости. – Я тоже отхлебнул из кувшина. – За чулан и все остальное.

– Не переживай, – ответила Сабина. – Мать она была никакая. Сказать по правде, в ней вообще не было ничего человеческого.

– Наверно, ты права.

Ее мать и впрямь была сука еще та, и я был рад, что Сабина на нее не похожа, будь ее мамаша хоть трижды красавица. Я просто не смог бы поцеловать девушку, похожую на ту гадюку.

– Но я не знаю, кто убил ее в том чулане, – добавил я. – Только не я.

– У нее было немало врагов. Не исключаю, что в том хаосе кто-то воспользовался подвернувшейся возможностью. – Сабина вновь взяла у меня из рук кувшин. – Боюсь, что твое отвратительное вино начинает мне нравиться.

– Бывает.

Сделав глоток, Сабина вернула мне кувшин и откинулась на траву.

– Спасибо тебе, Викс, что рассказал мне.

– Я рад, – ответил я и оперся на локоть и тоже поднял взгляд на усыпанное звездами небо. – Любуешься звездами?

– Да. После них весь наш мир кажется таким крошечным.

– Астролог как-то раз прочел мои звезды, кстати, в тот самый день, когда был убит Домициан. Он сказал, что в один прекрасный день я буду командовать легионом и меня будут звать Верцингеторикс Рыжий.

– И ты ему поверил?

– Не знаю. Он был такой смешной – маленького роста, с брюшком, очень веселый. Совсем не похож на астролога. Но его слова имели привычку сбываться.

Сабина по-прежнему смотрела на небо.

– Не думаю, что я смогла бы прочитать звезды. И вообще зачем богам нужно раскрывать для нас наши судьбы? По-моему, они предпочли бы держать нас в неведении.

– А я в свои звезды верю. Я заставлю их говорить то, что мне нужно.

Сабина задумчиво посмотрела на меня.

– Не сомневаюсь.

Я приподнял голову.

– Кстати, сегодня звезды очень даже хорошие.

– Виск.

– Что?

– Так ты поцелуешь меня? Или мы будем до бесконечности говорить о звездах?

Я задумался, как мне лучше ответить на этот вопрос – да или нет. Ни тот ни другой ответ меня не устраивал. Я просто наклонился и поцеловал ее, вдыхая запах сухой травы и лета. Мои губы ощутили вкус вина на ее губах. Моя ладонь, словно чаша, накрыла ее грудь, ее прохладные пальцы принялись рисовать неспешные круги на моем затылке, но самое главное, рядом не было никакой возмущенной тетки, которая огрела бы меня по голове, никого, кто помешал бы мне стащить платье с плеча Сабины.

Я припал губами к ее шее и начал расплетать ей косу. Мне хотелось, чтобы волосы ее рассыпались по траве, но в следующий момент мне в грудь уперлась ее рука и оттолкнула меня.

– На сегодня хватит.

– Я правильно понял? – с этими словами я откинулся на спину. Не скажу, что я был разочарован. Скорее ждал, что так оно и будет. Прошлый раз она дала себя поцеловать, сегодня – поцеловать и подержать за грудь. Значит ли это, что следующий раз?.. – Эй, ты куда? Мы еще можем поговорить о звездах. Да и это ужасное вино еще не закончилось.

– Замолчи, Виск. Или ты хочешь разбудить весь дом?

Сабина поднялась с травы, стряхнула с платья налипшие травинки и протянула мне руку.

Я пристально посмотрел на нее.

– Что ты задумала? – Я попробовал высвободить руку, но она не желала ее выпускать.

– Пойдем со мной.

– Куда мы? – спросил я, когда она потащила меня через атрий, а затем по какому-то темному коридору.

– К тебе. Если будет кровь, никто не станет задавать лишних вопросов. Где твоя дверь?

– Кровь? – растерянно переспросил я, как какой-нибудь попугай. Скажу честно, ее слова обычно доходили до меня с опозданием. Мы на цыпочках прошли мимо темных кухонь к моей каморке.

– Насколько мне известно, в таких случаях бывает кровь, – шепотом пояснила Сабина. – А у меня это будет первый раз. Если кровь найдут на твоей простыне, никто не станет задавать никаких вопросов, потому что у тебя после твоих драк то нос разбит, то ссадины и царапины. Но если на моей! Эти досужие рабыни вечно суют нос не в свои дела.

Голова моя пошла кругом, и не от выпитого вина.

– То есть ты нарочно все это подстроила?

– А ты как считаешь? Я уже давно все продумала. Это твоя дверь? – Она указала на узкую дверь, ведущую в мою каморку.

– Да.

Уходя, я оставил ставни открытыми, и теперь на стене плясали отблески факела, догорающего на задних воротах. Я впустил Сабину внутрь и привлек к себе. Она положила мне на плечи руки, и я попятился к кровати, пока не уперся в нее коленями, и сел. В свете факела мне было видно, как лицо Сабины озарилось улыбкой – неторопливой довольной улыбкой, от которой в уголках ее голубых глаз собрались тоненькие лучики. Скажу честно, мне было страшно. В голову лезли малоприятные мысли: про то, что так недолго потерять непыльную работенку, которую я получил в ее доме, про сенатора Норбана, про то, какое наказание меня ждет, если я хотя бы пальцем прикоснусь к его дочери. Но после этой ее улыбки их словно ветром сдуло. Я притянул Сабину себе на колени и принялся вновь осыпать поцелуями. Ее губы раскрылись навстречу моим, словно нежные лепестки.

– Но почему именно я? – прошептал я. То, что она предлагала мне, было гораздо больше, нежели я мог рассчитывать, гораздо больше, чем я заслужил, ведь приличные девушки так не поступают. – Почему?

– Викс, давай поговорим об этом позже, – прошептала она, касаясь губами моего уха. – Признаюсь честно, мне страшновато, так что, пожалуйста, не тяни.

И я не стал тянуть. Да и какие вопросы, когда тебе всего девятнадцать, тебя обнимает за шею хорошенькая девушка, которая готова ради тебя сбросить свои юбки. Так что я, махнув рукой на эти вопросы, опрокинул ее на узкую кровать.

Будь ласков – такой однажды был дан мне совет. И знаете, кто мне его дал? Моя мать, когда пару лет назад застучала меня в довольно пикантной позе вместе с юной соседкой. Помнится, мой отец тогда жутко рассвирепел и сказал, что надерет мне задницу, если вдруг выяснится, что я обрюхатил девчонку. А вот мать, вместо того, чтобы устроить мне головомойку, дала несколько ценных советов, и один из них был: «Будь ласков, особенно если у девушки это первый раз».

Не могу сказать, чтобы совет этот мне пригодился, потому что та, что открыла для меня радости плоти, была веселой, дебелий девахой, на три года меня старше, которая уже несколько лет таскала парней в свой любимый стог. А те, что были у меня после нее, оказались из той же породы. И все-таки в эту ночь, в свете мерцающего за окном факела, я вспомнил старый материнский совет и постарался ему следовать. Не знаю, насколько хорошо у меня это получилось, потому что в какой-то миг Сабина негромко ойкнула и прикусила губу.

Я тотчас же замер.

– Тебе больно?

– Немножко, – призналась она. Было странно слышать ее голос с собственной подушки. – Но ты не останавливайся.

С этими словами она обхватила меня за шею, привлекая к себе. Я же вновь припал к ее губам в поцелуе, помня наставления матери о том, что должен быть ласков и нежен, что не следует торопиться. Впрочем, еще миг – и я забыл все, в том числе ее имя и, может, даже свое собственное.

Затем мы с ней какое-то время лежали молча в темноте. Скажу честно, я чувствовал себя немного неловко, в отличие от Сабины.

– О боги, – вздохнула она, сплетая пальцы с моими. – Кажется, теперь мне понятно, что это такое.

– Извини, если я сделал тебе больно. Я не хотел...

– Нет, просто слегка больновато. Но крови, похоже, нет, – по ее голосу я понял, что она этому рада. – А так все более-менее ясно. Так что в следующий раз все будет гораздо лучше.

– В следующий раз? – Я даже оторвал голову от подушки.

– Почему бы нет? – Она положила голову мне на плечо. – Если ты, конечно, не против.

– Я-то не против, – усмехнулся я в темноте. – Хотя другие девушки обычно так не говорят. Но ты не такая, как все, госпожа.

– Можешь называть меня Сабиной.

– Сабина, – произнес я. Внезапно мне стало не по себе, и это при том, что она лежала рядом, прижавшись ко мне в темноте. – Ты не ответила на мой вопрос.

– Какой вопрос?

– Почему именно я? Кто я такой? Девушки вроде тебя не отдаются первому встречному стражнику.

Сабина негромко усмехнулась. Я уже слышал от нее этот смешок, и он мне ужасно нравился.

– Ты будешь удивлен.

– Вряд ли. Обычно патрицианки хранят свою девственность для мужа, по крайней мере должны хранить. Так в чем твоя причина?

– Ни в чем. Вернее, в тебе. – Она потянулась ко мне, чтобы снова поцеловать. – Просто с тобой приятно, Викс.

Ее волосы упали мне на лицо. Мои руки скользнули вокруг ее талии, и я забыл свой вопрос.

Болван. Вибия Сабина ничего не делала без причины.

Глава 5

Сабина

Как жаль, вздохнула Сабина, что Виск не умеет лгать.

Нет, конечно, врун он был еще тот, только какой от этого толк, если лицо его тотчас заливалось краской, становясь того же цвета, что и волосы, после чего он засовывал большие пальцы за поясной ремень и начинал заикаться. Она была готова стонать, когда он в последний раз разговаривал с ее отцом.

– Какой прекрасный день, – рассеянно произнес Марк, когда Виск, поправляя на бегу перевязь с мечом, подскочил к носилкам. – Совсем не жарко.

– Верно, доминус.

Удостоившись от отца прощального поцелуя, Сабина крутилась поблизости и потому прекрасно видела, как из-за ворота к ушам Виска начала приливать красная краска.

– Я слышал, здесь у вас было дождливо? Как жаль, однако, что моя дочь такая упрямая и не захотела остаться с нами на вилле. Согласись, что на взморье гораздо приятнее.

– Мы не сидели без дела, – сказала Сабина. Виск укоризненно посмотрел на нее поверх головы сенатора, в ответ на что она едва не расхохоталась.

– Ну что ж, похвально. А теперь, молодой человек, я хотел бы опереться на чью-то сильную руку, – отозвался Марк Норбан.

Вместе они помогли ее отцу сесть в носилки. Сабине оставалось лишь надеяться, что мысли отца вновь заняты сенатскими делами и он вряд ли заметил предательски-пунцовые щеки Виска.

– Ты с ума сошла, – прошипел Виск, когда сенаторский паланкин удалился на приличное расстояние. – Теперь нам все это так просто с рук не сойдет! Ведь все твои вернулись в Рим!

– Ничего страшного, – пожала плечами Сабина и невинно помахала ресницами. – Я приду к тебе сегодня ночью.

– Но ведь дом теперь полон слуг! И эта старая перечница, твоя нянька, и твоя мачеха – они подмечают все. И сам сенатор, который все знает! – Виск машинально взъерошил рыжие волосы. – Кто-то наверняка увидит. Ты представляешь себе, что потом будет?

– Ничего не будет, – спокойно возразила Сабина. – Разумеется, отец страшно расстроится, но этим все и кончится. Он не станет меня пороть и не выгонит на улицу.

– А меня? Меня уж точно отправят на галеры за то, что я лишил девственности патрицианку.

– Никуда тебя не отправят. Потому что нас не поймают.

Да, из Виска лжец никакой – в отличие от нее. Кстати, ничего удивительного. Ведь она росла, наблюдая за тем, как отец – если требовалось протащить нужный ему закон или эдикт – обрабатывал других сенаторов, причем делал это так ловко, тонко и умело, что те даже не замечали, что он играет ими, как пальцы струнами лиры. Разве не видела она, какие усилия предшествовали этой игре, с каким тщанием готовил отец спектакли, которые затем разыгрывал в сенате? По сравнению со всем этим тайная любовная интрижка – это детские шалости.

– Согласна, шалости не совсем детские, – сказала она тем же вечером, когда Виск впустил ее к себе. Она тотчас бросилась на залитую лунным светом кровать и легла, подложив под голову руки и в упор на него глядя. – Но если быть осмотрительными, то ничего страшного. Например, я могу в течение нескольких недель изображать бессонницу, чтобы слуги привыкли к тому, что жара не дает мне уснуть и я ночью брожу по дому или уединяюсь с книгой в отцовском кабинете.

– Может, ты бродишь по дому в поисках кого-то еще? – огрызнулся Викс, с вызовом сложив на груди руки. – Например, того тощего мальчишку? Тит, кажется, его так зовут. Хотя ума не приложу, зачем тебе...

– Не глупи! Я действительно читаю по ночам в отцовском кабинете. Главное, несколько раз быть пойманной за этим невинным занятием, – как ни в чем не бывало пояснила Сабина, – после чего можно делать все, что угодно. Я также взяла за привычку навещать по ночам в кухню, как будто я, проведя полночи за чтением, страшно проголодалась. А как ты сам знаешь, от кухонь до твоей каморки рукой подать.

Викс поймал себе на том, что расплывается в ухмылке, однако продолжал изображать обиженного.

– И что из этого?

– То, что в доме не найдется ни одного раба, который бы удивился, увидев, как я ночью выхожу из своей спальни и крадучись иду по той части дома, где обитает прислуга, в сторону кухонь.

– Все равно опасно, – упирался Викс. – Попадись тебе навстречу тот, кто...

– Я принесла жертву Фортуне, чтобы она ниспослала нам удачу, – успокоила его Сабина. – И на всякий случай продала свое любимое жемчужное ожерелье, на тот случай, если придется подкупить любопытного раба.

– То есть ты все продумала заранее? – Викс расплылся в улыбке от уха до уха, отстегнул меч и зашвырнул его в угол.

– Теперь тебе понятно, зачем мне понадобилось уезжать в Байи? – Сабина присела на кровати и принялась вынимать из волос шпильки. – Ты даже не представляешь, каких трудов мне это стоило! Начать с того, что я целых несколько дней тонко намекала отцу, что неплохо бы пристроить тебя к нам в дом в качестве телохранителя...

– Я так и думал, что это твоя идея.

– Моя, чья же еще! Но нужно было сделать так, чтобы отец подумал, будто она принадлежит ему. Ну и поскольку он человек проницательный, мне потребовалось время, чтобы вложить ее ему в голову. – С этими словами Сабина распустила по плечам волосы. – Затем мне пришлось выяснить, каким образом женщины предохраняются...

– Что-о-о? – Викс едва не подавился, услышав ее слова.

– Как женщины предохраняются от беременности, Викс, потому что от этого рождаются дети. По крайней мере мне так сказали. Ты даже не представляешь, сколько времени у меня ушло, чтобы все как следует разузнать. Кальпурния хочет иметь дюжину детей, поэтому она такими вещами не пользуется. Нет у нее и бесстыдных подруг, которые бы просветили ее на этот счет. Моя мать наверняка знала, как это делается. Так или иначе я была вынуждена обратиться за советом к опытным шлюхам. Они порекомендовали мне египетский пессарий. По их словам, он надежно защищает в любых случаях.

Викс нырнул в постель и навалился на Сабину всем телом. Та, в свою очередь, сделала вид, будто пытается его сбросить, однако он легко сломил ее притворное сопротивление. Затем припал к губам к ямочке между ключицами, – это было его излюбленное место, – после чего губы переместились выше, к ушной мочке.

– Признайся, что ты интриганка.

– Не спорю, – согласилась Сабина, отвечая на его поцелуй, после чего взялась рассказывать Виксу свои секреты. Она действительно была горда собой за то, что сумела разыграть столь изощренный спектакль, и была бы только рада удостоиться аплодисментов. Ее поход в бордель за советом, как предохраниться от нежелательной беременности, был сродни подвигу какого-нибудь Геракла, однако сами шлюхи, по ее словам, оказались очень даже приветливыми, как только поняли, что совета она просит у них как самая простая женщина, а не какая-то там извращенка. Да-да, представь себе, они были очень даже милы и в придачу к баночке чудодей-

ственного египетского снадобья надавали кучу самых разных советов по поводу того, как надо соблазнять мужчину, и даже при помощи флейты показали ей, как это выглядит, – за что им большое спасибо, что бы она без них делала. Когда же она завела разговор про то, как готовила почву для своего будущего спектакля, Викс стало слегка не по себе.

– Ты хоть понимаешь, в какие неприятности ты могла вляпаться? – спросил он, слегка отодвигаясь вбок. – И давно ты вынашивала свои замыслы?

«С того самого дня, как ты поцеловал меня после скачек», – мысленно ответила Сабина. Хотя. Сказать по правде, окончательное решение было ею принято в тот день, когда ей сделал предложение Тит.

Тит. Милый, застенчивый юноша с удивительно твердым взглядом. Помнится, он тогда сказал ей, что мы всегда ищем тех, чьи недостатки нам не подходят. Эта мысль глубоко запала ей в душу. А еще он жаловался на то, что у него нет собственных мыслей и он вынужден вечно цитировать чужие.

Впрочем, эту мысль Сабина оставила себе, а сама ответила на первый вопрос Тита.

– Один мудрый человек когда-то сказал мне следующее. – С этими словами она взяла в свою руку Викса. – Мол, что бы человек ни делал, его всегда будут преследовать неприятности. От них не убежишь, поэтому можно делать все, что вздумается.

– И кто этот мудрец? – Викс пристально посмотрел на нее сверху вниз.

– Это точно был не Платон.

– Похоже на мои собственные мысли.

– Так это ты и есть, Верцингеторикс! Много лет назад, при нашей первой встрече. – Сабина обняла его за шею. – Как видишь, я не забыла.

Викс расхохотался и с такой силой прижал ее к себе, что у Сабины перехватило дыхание.

– По крайней мере ты способна распознать мудрость, – ослабил он хватку.

– Задуй лампу, – велела Сабина, отдышавшись. – И дай мне кое-что испробовать. Правда, заранее предупреждаю, до этого я видела только флейту.

Викс

Сабина. Вибия Сабина.

Красивое имя. И все равно оно давалось мне с трудом, независимо от того, сколько раз она проскальзывала в мою дверь, сколько раз я сжимал в объятиях ее теплое, обнаженное тело.

Сабина. Даже в темноте ночи оно отказывалось слетать с моего языка.

А ведь, клянусь Хароном, ночи у нас с ней были, и какие!

В жизни нет ничего лучше молодости и любви. Нет, в мире наверняка имелись девушки посимпатичнее Сабины, например, я предпочитал пышногрудых, которые почти не задают вопросов. Но до нее никакая другая девушка не затаскивала меня в постель сама, чтобы получить от меня то, что хочется ей. Раньше условия диктовал я. Сабина же, казалось, никак не могла насытиться мной. Мной. Верцингеториксом. Сыном рабыни и гладиатора, а вскоре уже не мог насытиться ею и я. А еще были долгие влажные дни, когда я заступал на караул. Я стоял у ворот, переминаясь с ноги на ногу, я ерзал на стуле, давясь за обедом горячей похлебкой, беспокойно ворочался в постели, пока не всходила луна. И тогда дверь в мою каморку приоткрывалась, и внутрь проскальзывала ее тень. Она еще не успевала закрыть за собой на засов дверь, как во мне уже вскипала кровь, и я одним прыжком настигал ее и прижимал к стене. Насытившись друг другом, мы ложились с ней в кровать и говорили часами. И это тоже было для меня чем-то новым. Обычно я с девушками не разговаривал. Особенно под одеялом. Из-под одеяла обычно доносилось лишь девчачье хихиканье, после чего я торопился поскорее смыться, чтобы меня не застукал отец или брат моей очередной подружки. Да и о чем вообще с ними можно было говорить?

– Ты, конечно, милый, Викс, – сказала мне моя самая первая девушка в Бригантии. – Но ты туповат. С тобой скучно.

И знаете что? Я не стал с ней спорить. А вот Сабина могла говорить со мной часами.

– Брундизий, – мечтательно шептала она, подперев кулачком подбородок. – Ты ведь там вырос, верно? Расскажи мне о нем.

– Тебе когда-нибудь хочется спать? – спросил я зевая.

– Когда я узнаю что-то новое – нет. Твое детство не сравнить с моим. Расскажи мне что-то такое, что случилось с тобой, когда ты был ребенком. Что-нибудь смешное.

Я задумался.

– Когда мне было семь лет и я жил в Брундизии, меня на улице поймал за шиворот один лысый человек в тоге и предложил мне устриц. Я знал, что ему нужно от меня на самом деле, но и бесплатное угощение я пропустить никак не мог.

– И что произошло?

– Я пошел к нему домой, наелся до отвала устриц, после чего он начал тыкать мне в бедро своим членом. И тогда я взял два его пальца – вот так – и рывком развел их в стороны. И пока он от боли орал как резанный, и скакал по комнате, я выскочил в окно.

– И это ты называешь смешной историей?

– А разве нет? Видела бы ты, как он с воем катался по полу. Так ему и надо. Заодно я стибрил у него дорогую вазу.

– Ну ты даешь! – восхитилась Сабина. – Расскажи еще что-нибудь.

– Я крал все, что не было прибито гвоздями, причем крал у всех – остатки пива в кружках, сласти из кухни моего хозяина, монеты у нищих. Когда же мне исполнилось восемь, а мою мать продали в Рим, я убежал от хозяина, чтобы найти ее. Я в одиночку проделал путь от Брундизия до Рима. Просил, чтобы меня подвезли торговцы, крал у уличных разносчиков еду.

– Брундизий, – задумчиво повторила Сабина. – Я бы не отказалась там побывать. А потом можно было бы отплыть в Грецию. Адриан всегда говорит о Греции.

– Адриан? – Я перевернулся на бок и притянул ее к себе. – Какая разница, что говорит этот подлиза.

– С чего ты взял, что он подлиза? – улыбнулась Сабина.

– По крайней мере твои пятки он лижет очень даже старательно, – недовольно буркнул я. – И зачем тебе только часами ходить с ним на прогулки?

– Затем, что если я начну отваживать женихов, люди скажут, что это неспроста, и захотят узнать, почему. Чтобы ложь была убедительной, Викс, – изрекла Сабина, – нужно, чтобы люди искали ответы на свои вопросы в другом месте.

– И все равно, не пойму, зачем тебе часами ходить с ним под ручку? Или сидеть, склонившись над книгой, голова к голове? – не унимался я.

– Ревнуешь? – поддразнила она.

– Нет!

Ну разве совсем чуть-чуть.

Сабине, похоже, все ее женихи были на одно лицо – кроме двоих: тощего застенчивого мальчишки-патриция по имени Тит, разговаривая с которым она кокетливо морщила носик. Вторым был трибун Адриан. Костлявый сопляк с фиалками меня не волновал – ему было всего шестнадцать, и его смелости едва хватало на то, чтобы во время своих визитов трясущимися руками сунуть Сабине букетик фиалок и, заикаясь пролепетать робкий комплимент. В отличие от Тита, Адриан наносил визиты дважды в неделю, и тогда они с ней часами гуляли по саду и, голова к голове, вели бесконечные беседы. То есть Адриан наклонял к ней свою мощную голову, подбородок же Сабинины был гордо задран вверх под тем же углом, как то бывало, когда она ночью смотрела на меня с подушки.

– Не вижу причин для ревности, – сказала Сабина и потерлась носом о мой нос. – Ты думаешь, Адриан вливает мне в уши мед своих комплиментов? В последний раз мы с ним говорили об архитектуре, а до этого обсуждали греческих философов. А еще раньше – Элевсинские Мистерии.

– Именно. – То есть те самые вещи, в которых я не разбирался.

– Но в основном его разговоры вертятся вокруг Греции, – продолжала Сабина, как будто не заметила издевки в моем голосе. – Он постоянно рассказывает про Афины. По его мнению, центр цивилизованного мира – это Афины, а вовсе не Рим. Он может разглагольствовать про них часами. Неудивительно, что за его спиной его называют Греком.

– Я называю его тупым недоноском и могу сказать ему это прямо в лицо.

Сабина рассмеялась в темноте.

– А мне бы хотелось побывать в Афинах. И в Брундизии. И в сотне других мест.

– Тебе мало Рима?

– А почему ты сам вернулся в Рим, Викс? – Сабина оторвала голову от подушки. В темноте ночи ее голубые глаза казались мне черными омутами. – Ведь твоим родителям он был ненавистен.

– А мне – нет.

– Рим сделал тебя рабом. Рим заставил тебя выйти на арену и с мечом в руках сражаться за свою жизнь. Рим едва не убил тебя.

– Это не Рим виноват, а его чокнутый император. Но его больше нет, и не вижу причин, почему мне нельзя суда вернуться. Отец, конечно, был против, но я...

– А-а-а.

– Что, а-а-а? – нахмурился я.

– Твой отец ненавидел Рим, и поэтому ты его любишь.

Я пожал плечами:

– Дом на вершине горы в Бригантии стал слишком тесен для нас с ним. Отец, он ведь такой рослый и сильный.

– Я помню, хотя близко видела его всего раз – он был весь в крови, глаза полны ненависти. Мне он напомнил огромного раненого пса, свирепого, закованного в цепи, которому хотелось одного – умереть. Впрочем, ты был точно такой. Вы вообще с ним похожи.

– Сам знаю.

Мой младший брат пошел в мать – темноволосый и темноглазый. Зато я был ходячей копией отца, и скажу честно, мне надоело это слышать. У нас с ним были одинаковые рыжие волосы и серые глаза, я был всего на палец ниже его ростом и, как и он, широк в плечах. А еще я был левшой, как и он, и умел так же ловко обращаться с оружием. Ну, так что из этого?

– Но ведь я не он.

– Конечно, не он, – согласилась Сабина. – В один прекрасный день ты его перерастешь.

– Ты хочешь сказать, что я стану выше его ростом? Лично я...

– Я не про рост. То есть не в прямом смысле слова. Вся Британия будет для тебя слишком мала, не говоря уже про отдельную гору. Даже Рим, и тот будет для тебя мал.

– Спасибо. Я подумаю, – пообещал я и, зевая, прижал ее к себе, и вскоре меня сморил сон.

– Спи, Викс, – шепнула мне на ухо Сабина, или же мне это почудилось. – Спи, и пусть тебе приснятся твои звезды, те, что поведут тебя к славе. Что бы ты ни говорил, готова поспорить, что ты еще больший мечтатель, чем я.

Раз в неделю семья сенатора Марка Норбана обедала во дворце вместе с императором и императрицей. Но я никогда не сопровождал их туда. Во дворце наверняка еще могли оставаться рабы и стражники, которые помнили меня в те дни, когда я был игрушкой Домициана. Но по мере того как приближались Сатурналии, стало ясно, что встречи с Траяном мне никак не избежать: император со всей своей свитой должен был пожаловать на пир в дом Норбанов.

– Не понимаю, из-за чего вся эта суета, – искренне недоумевал старый сенатор, отрывая глаза от своих свитков, пока его супруга занималась приготовлениями. – Он всего лишь старый солдат, и ему нужно, чтобы перед ним все танцевали. Достаточно положить ему на тарелку хороший кусок мяса и налить кружку пива – и увидите, что он будет доволен.

– Зато императрица Плотина подметит любую мелочь, – простонала Кальпурния. – Я не желаю, чтобы она в моем доме брезгливо морщила нос.

Кальпурния была на сносях и ходила по дому вперевалку, умудряясь при этом делать заказы, проверять счета, составлять меню и отчитывать нерадивых рабов. Даже Сабине, и той не удалось избежать участия в приготовлениях: завязав волосы в узел, с ног до головы в муке, она вела на кухне сражение с тестом.

– Покажи мне, как это делается, – сказала она, обращаясь к кухарке, чьи умелые руки ловко мяли и колотили тесто. – Как интересно!

Я отвернулся, чтобы она не видела моей улыбки, потому что точно такие слова, произнесенные точно таким же тоном услышал от нее на прошлой неделе и я, когда кое-что показал ей под одеялом (что именно – не скажу).

– О боги, как же холодно, – сказала она, ныряя ко мне под бок под одеяло. – Согрей меня.

– Как прикажет моя хозяйка. – Я привлек ее к себе. – Кстати, а почему так поздно?

– Помогала Кальпурнии составлять список блюд для пира.

– Как же я буду рад, когда этот проклятый пир закончится.

– Тебе не хочется увидеть императора?

– Я их уже посмотрелся. Думаю, с меня хватит.

– Лжешь.

Она умела поймать меня на вранье. Я действительно сторал от любопытства.

Солдат до мозга костей, но сенат буквально трясся над ним, а ведь сенат над солдатами не трясется. Любимец народа. Быстрый ум. Зоркий глаз. Кем же еще он был?

Сабина ткнула пальчиком мне в грудь.

– А ты не мог бы согреть меня чем-то другим?

– А я чем, по-твоему, занят? – Я пробежал пальцами по ее спине все ниже и ниже. Наш разговор, как обычно, завершился тем, что мы с ней несколько раз занялись любовью. Чему удивляться, в девятнадцать лет можно свернуть горы. То же самое мы повторили и следующей ночью.

– Сабина, в последнее время у тебя какой-то усталый вид, – воскликнула на следующее утро Кальпурния. – Круги под глазами. Скажи, я не слишком нагружаю тебя приготовлениями к этому злосчастному пиру?

– Я просто недосыпаю, – спокойно солгала Сабина, но мне показалось, будто в глазах ее мачехи промелькнуло недоверие. Впрочем, вряд ли она могла заметить в поведении падчерицы что-нибудь подозрительное. Никаких пылких взглядов в мою сторону, никаких попыток прикоснуться к моей руке, когда она проходила мимо. Если она и проявляла ко мне интерес, то не больше, чем к другим рабам и вольноотпущенникам. Это было точно такое же дружеское участие, как тогда в атрии, когда я в первый раз переступил порог ее дома, или на скачках. В этом отношении почти ничего не изменилось – за исключением наших с ней ночей.

Более того, к этому времени в меня по уши влюбились две рабыни, а это, скажу я вам, лишняя головная боль. Потому что стоит девочке в тебя влюбиться, как она начинает допытываться, любишь ты ее или нет. Обычно такие вещи кончались слезами – для нее, и пощечинной для меня. Что касается Сабины – никаких вопросов с ее стороны, никаких упреков, и это меня устраивало. И хотя я никак не мог насытиться ее телом, это вовсе не значит, что я был по уши в нее влюблен. Сказать по правде, я сам толком не знал, что я чувствую по отношению к ней. Но это явно была не любовь.

В общем, ее притворство было мне только на руку.

Еще как на руку!

Глава 6

Плотина

Порой Плотина впадала в отчаяние, самое настоящее отчаяние. Вот уже пять лет, как ее супруг носит императорский венец, но когда же он, наконец, научится держать себя по-императорски?

– Рада вас видеть, – проворковала Плотина сенатору Норбану и его супруге, входя в атрий, но зычный, солдатский голос Траяна заглушил ее воркование.

– Ты хромой книгочей, разрази тебя Юпитер, счастливых тебе Сатурналий! – с этими словами Траян заключил старого сенатора в медвежьи объятия.

Плотина закатила глаза к небесам. Тем временем ее венценосный супруг продолжал сыпать смачными солдатскими шутками.

– Клянусь Хароном, Кальпурния, да ты вот-вот ожеребишься! – воскликнул Траян, ставя на ноги Марка Норбана и целуя его жену в щеку. – Если это мальчик, назови его в честь меня и когда-нибудь тебя за это отблагодарю. Нет, лучше назови его Павлин, в честь его старшего брата, потому что более честного человека я не встречал за всю мою жизнь...

Плотина сделала знак рукой, приглашая свиту переступить порог дома. А свита, надо сказать, в этот вечер сопровождала Траяна немалая: сенаторы и их супруги с высокими причудливыми прическами, их хихикающие дочери, слегка развязные сыновья, хорошенькие мальчишки-рабы, сверкающие золотыми доспехами преторианцы в красных плащах, и вечно сопровождавшие Траяна легаты и армейские офицеры, которым, как казалось Плотине, жутко недоставало хороших манер.

– Как можно повсюду таскать за собой эту солдатню? – постоянно жаловалась Плотина.

– А почему нет? – удивлялся ее венценосный супруг. – С ними не заскучаешь.

И конечно же многие из сопровождавших его были хороши собой. Нет, конечно, личная жизнь ее мужа – это личная жизнь ее мужа, она не намерена совать в нее нос. Но почему бы ему не класть к себе в постель симпатичных мальчиков-рабов, как то делают большинство мужчин? Юнона свидетельница, она уже устала постоянно видеть с ним рядом этих мужланов в латах, слушать на пирах их грязные солдатские шуточки.

– Императрица Плотина! – воскликнула Кальпурния. – Ты сегодня затмила саму Юнону. Какие прекрасные изумруды!

– Я равнодушна к камням, – ответила Плотина, нагибаясь, чтобы прикоснуться щекой к щеке senatorской супруги, облаченной по случаю праздника в голубой шелк. – Я стала носить их лишь после того, как мой супруг облачился в пурпурную тогу. Никогда не понимала, как добропорядочная матрона может увешивать себя яркими побрякушками.

– А мне нравятся украшения, особенно, когда я на последних месяцах. – Сверкая сапфирами в ушах и на шее, Кальпурния потеряла свой круглый живот. – Мои платья на меня не налезают в отличие от ожерелий.

Она снова беременна – этот Марк, хоть и стар, времени зря не теряет. Казалось бы, такой серьезный, такой рассудительный, можно сказать, опора всего сената, но ни для кого не секрет, что жена вьет из него веревки, и это в его-то возрасте! Нет, конечно, Кальпурния мила, хотя и довольно легкомысленна. Не говоря уже о ее привычке выставлять напоказ свой бюст.

– Дорогая Кальпурния, надеюсь, ты простишь моему супругу, что он явился к тебе на пир одетый, как крестьянин? Я просто не смогла надеть на него подобающую случаю пиршественную тунику.

– Я и так полдня вынужден ходить в этой проклятой тоге, – шутливо пожаловался Траян. – И я подумал, что Марк не обидится на меня, если старый солдат хотя бы раз махнет рукой на обычаи и придет в том, в чем ему удобно.

– Мужчины, – многозначительно изрекла Плотина и посмотрела на Кальпурнию. Атрий тем временем заполнился гостями. Вокруг царила обычная в таких случаях толкотня, стоял неумолчный гул голосов. То там, то здесь в толпе раздавался серебристый женский смех или низкий и раскатистый мужской. Им вторил, журча струями, фонтан в центре атрия и звуки скрытой в нише лютни.

Траян хохотал громче всех, сыпал шутками, хлопал увесистой солдатской пятерней гостей по спине, как будто хотел сделать из их спин лепешку.

– Он ведет себя, как ребенок, – вздохнула Плотина, обращаясь к Кальпурнии. – Мужчины, они почти все такие, только в разной степени. Скажи, не могли бы мы с тобой улучшить минутку вдвоем? У меня к тебе важный разговор.

– Конечно, императрица. Не желаешь вина?

– Ячменной воды. Я даже не прикасаюсь к вину, – ответила Плотина, а про себя добавила: «Пора бы это знать».

И женщины направились вдоль колоннады в дальний конец атрия. По пути Кальпурния несколько раз замедлила шаг: отдать распоряжение рабу, шепнуть что-то на ухо управляющему, поприветствовать какого-то гостя, попросить кого-то из домочадцев «спасти Марка от зануды Сервиана». Плотина шагала вслед за ней, царственными кивками отвечая на поклоны. При ее приближении гости спешили склониться в подобострастном поклоне, отчего казалось, будто в атриии колыхнется море голов.

– Речь пойдет о твоей падчерице.

– Я так и знала, что ты заметишь, что Сабину нигде не видно, – сказала Кальпурния. – Наверно, все еще прихорашивается. Девушки, они все такие.

«А вот и неправда», – подумала Плотина. Лично у нее не было привычки вертеться перед зеркалом, ни сейчас, ни в юности. Но развивать эту тему она не стала. Разговор предстоял серьезный, и хорошо бы за этот вечер все окончательно уладить.

– Я хотела бы поговорить о замужестве Вибии Сабини. Мне кажется, она засиделась в отцовском доме.

– Боюсь, она еще не приняла окончательного решения. Марк же не желает навязывать ей свою волю. В разумных рамках, разумеется.

– Сенатор Макс Норбан слишком многое ей позволяет. Не пристало неопытной девушке самой принимать решения. Тем более когда речь идет о браке.

– У Сабини хорошая голова на плечах, – улыбнулась Кальпурния. – Она гораздо разумнее, чем я была в ее годы.

В висках Плотины – там, где волосы были зачесаны вверх и шпильками собраны в тугие узлы – гулко застучала кровь: приближалась головная боль. Когда у Плотины болела голова, казалось, будто острые шпильки вот-вот пробурявят ей череп.

– Я буду откровенна с тобой, Кальпурния. Дорогой Публий от нее без ума.

– Неужели? – уклончиво ответила Кальпурния. – Я не знала.

– Представь себе. – Плотина заставила себя сделать глоток ячменной воды. – И я бы не хотела, чтобы его чувства не были оценены по достоинству. Потому что лучшего мужа для твоей падчерицы невозможно себе представить.

Впрочем, это можно было сказать о любой римской девушке.

– Безусловно, императрица, он в высшей степени достойный молодой человек, – согласилась Кальпурния.

«Он само совершенство, – едва не бросила ей Плотина, – а твоя падчерица должна стоять на коленях, умоляя богов ниспослать ей такого мужа». Вслух же она сказала иное:

– Ты могла бы замолвить за него слово. Думаю, это подтолкнуло бы ее к принятию решения.

– Ну, Сабина девушка решительная. – Кальпурния остановилась, чтобы отдать распоряжения двум молоденьким рабыням. Те отвесили поклон и бросились разносить чистые чаши и подносы с фруктами.

– В таком случае, путь с ней поговорит твой муж, – Плотина доверительно взяла Кальпурнию под руку. – Думаю, это будет несложно. Ведь ни для кого в Риме не секрет, что при желании ты можешь вить из него веревки.

– Боюсь, я плохо понимаю, о чем ты, – спокойно отозвалась Кальпурния.

– Все очень просто. От тебя требуется лишь одно – повлиять на мужа. Убедить Марка, что его дочери требуется крепкая отцовская рука.

– Честное слово, императрица, я даже не представляю, как можно заставить Марка что-либо сделать. Скажу честно, я бы не хотела даже пробовать.

Нет, конечно, закатывать глаза – это дурные манеры, но Плотина едва сдержалась. Неужели эта курица не знает, как следует играть в такие игры? Пусть мужчины громко хохочут на пирах, произносят напыщенные речи, пребывают в заблуждении, что законы пишут они и только они. Женщины тем временем скромно стоят в сторонке, позволяя мужьям купаться в лучах славы и всячески выказывая им уважение, как то подобает женам. Но был у женщин долг иного рода: сделать так, чтобы от всей этой мужской показухи была какая-то польза, чтобы принимаемые мужчинами решения были во благо их женам. Неужели нужно объяснять такие вещи?

Наверно, кое-кому нужно.

– Мне, право, жаль, императрица, что Сабина так долго тянет с принятием решения, – произнесла Кальпурния как можно учтивее. – Но ее отец не склонен подталкивать ее, не стану этого делать и я. Прими мои глубочайшие извинения, но, кажется, меня зовет кухарка, которой требуется мой совет. Надеюсь, она не спалила до углей улиток.

С этими словами Кальпурния направилась сквозь толпу гостей. Плотина же осталась стоять рядом с увитой плющом статуей Пана, сжимая в руке кубок с ячменной водой. Нет, зря она завела этот разговор с женой Марка Норбана. Судя по всему, эта женщина – недалекая умом насадка. Плотина помассировала висок. Головная боль подкрадывалась все ближе. Что-то подсказывало Плотине, что ее ждет мучительный приступ, какой неизменно случался с ней, когда кто-то смел ей дерзить. Знай эти люди, как ей больно, они никогда бы не посмели ей перечить.

– Сабина! – радостно воскликнул Траян, когда в атрий шагнула завернутая в серебристую ткань фигура. – Моя маленькая Сабина, ты опаздываешь!

– Надеюсь, ты простишь меня, Цезарь. – Девушка отвесила поклон, а затем встала на цыпочки, чтобы дотянуться до его щеки.

– Конечно, прошу, но я по тебе соскучился. – Траян обнял ее, затем отстранил от себя, чтобы окинуть взглядом с головы до ног. – Да ты настоящая красавица, Вибия Сабина. Теперь мне понятно, почему половина моих офицеров мечтают на тебе жениться!

– Пусть даже не мечтают, – едва слышно процедила сквозь зубы Плотина. – Она для моего Публия, или это непонятно? Для моего Публия.

Рядом с плечом Плотины раздался его голос, такой бархатистый, такой проникновенный, такой властный, он был ей как бальзам на душу.

– Я никак не могу решить для себя, кто сегодня прекрасней – моя императрица или моя будущая жена.

– Лстец, – ответила Сабина, подставляя для поцелуя щеку. Ох уж эта борода! Он так от нее и не избавился. Впрочем, он все равно хорош: в пиршественной тунике, спокойный, такой величественный, с серебряным кубком в руках, с перстнем-печаткой на пальце. Адриан кивнул какому-то знакомому, проходившему мимо, однако остался стоять рядом с Плотиной.

– Я должен поблагодарить тебя. Ты была права насчет Вибии Сабины. Теперь и я сам вижу, что она станет для меня идеальной женой. – В темной бороде мелькнула улыбка. – И как только я мог усомниться в верности твоих суждений!

– Порой я сомневаюсь в них сама. – В этом она не призналась бы никому – только дорогому Публию. Матери Рима не к лицу сомнения. – Насколько я понимаю, она все еще тянет с ответом – честное слово, я уже слегка устала ждать.

– Не переживай. Оно даже к лучшему. У меня есть время ее лучше узнать. – С этими словами Адриан посмотрел через весь зал на Сабину, стоящую между двух молодых трибунов. На лице ее читалась скука. – И с каждым днем она нравится мне все больше и больше.

– А вот мне нет.

Эта гордячка не услышит от нее ни одного доброго слова, пока не станет женой дорогого Публия. Вот тогда она станет ей дочерью. А пока она лишняя головная боль.

– Ты только посмотри на ее платье.

Вообще-то придраться к наряду Сабины было трудно: узкое серебристо-серое платье с высоким горлом. И все же в нем она смотрелась...

– Она в нем блистательна, ты хочешь сказать, – подсказал Адриан, покачивая вино в серебряном кубке. – По сравнению с ней остальные девушки на этом пиру могут претендовать лишь на звание хорошеньких. А через несколько лет это будут копии своих матерей – толстые и густо окрашенные гусыни. Но только не моя Сабина.

– Как хорошо, что тебе она нравится, – одобрительно отозвалась Плотина.

– Я помню, как когда-то имел встречу с ее матерью, – продолжал Адриан. – Чудовище, а не женщина, но чего в ней нельзя было отрицать – так это ее вкус. Она умела войти в любую комнату и сразить всех наповал. Виблия Сабина не похожа на мать, но вот ее вкус она унаследовала. Но что еще лучше, у нее есть ум. И если дать ей несколько лет, – Адриан приподнял кубок, как будто произносил тост за будущую супругу, – то она станет настоящей жемчужиной!

– Хм. – Плотина закрыла глаза. Боль в висках была невыносимой, но в таком шуме голова заболит у кого угодно. Гости тем временем гуськом заходили в триклиний, где их ждал пиршественный стол.

– Дай мне взять тебя под руку, – обратилась императрица к Адриану, и тот поспешил выполнить ее просьбу. – Я должна выполнить свой долг, даже если не смогу положить в рот и крошки. О боги, как же болит голова!

Тит

Тит наблюдал, как гости, работая локтями, прокладывают себе путь к пиршественным ложам. Все как один стремились занять место поближе к императору, который возлежал на почетном, увитом плющом ложе в окружении гор подушек. Никто почему-то не выказал желания составить компанию императрице. Зато целая компания молодых людей наперегонки бросилась к ложу Вибии Сабины. И хотя место справа от нее застолбил за собой трибун Адриан, Тит, наступив на ногу одному молодому эдилу, сумел-таки улечься на ложе справа от нее.

– Здравствуй! – поприветствовал ее он. – Ты сегодня такая красивая.

Девушка, которую он видел во время своих редких визитов в дом Норбанов, обычно лежала на полу библиотеки – в простой тунике, с наспех заплетенной косой. Сегодня же перед ним была блистательная красавица, этакая сияющая нимфа, расположившаяся на шелковых подушках. В узком серебристом платье, из-под которого выглядывали стройные ножки. Волосы гладко зачесаны назад и собраны в высокую прическу. Никаких украшений в отличие от других девушек в этом зале, которые как будто соревновались между собой в количестве побрякушек. Из ушной мочки Сабины на египетский манер свисала одна-единственная изящная серебряная серьга, длинная, почти до плеча, которая переливалась гранатами.

– Как я рад, что ты была совсем не такой, когда я пришел к тебе с предложением, – чистосердечно признался Тит. – Иначе я бы не смог выдать из себя ни слова.

Сабина рассмеялась, а вот трибун Адриан на ложе слева от нее недовольно насупил брови. Тем временем в зал, неся серебряные блюда с яствами, прошествовала первая вереница рабов. По триклинию, щекоча пирующим ноздри, тотчас разнеслись ароматы жареной свинины и копченых устриц.

– Кто ты, юноша? – спросил Адриан.

– Тит Аврелий Бойоний...

– Слышал о тебе. И о твоём отце. Но разве ты еще не посещаешь школу? – С этими словами трибун Адриан демонстративно повернулся в Сабине. – Я надеялся продолжить нашу дискуссию об архитектуре, в частности о взглядах Аполлодора. Признаюсь честно, Вибия Сабина, я не поклонник его куполов...

Тит так и не сумел больше вставить ни слова. Адриан полностью завладел вниманием своей собеседницы. Титу оставалось лишь завидовать. Ему уже двадцать шесть, мне же всего шестнадцать. Он обаятелен и уверен в себе, я робок и застенчив. Тит был не прочь поменяться с ним местами: как Адриан, томно возлежать на ложе рядом с Сабиной, вести с ней беседы, в которых тонко смешаны серьезные темы и юмор, предлагать ей угощения так, как будто тем самым соблазняет ее, точно знать, когда можно легонько и ненавязчиво дотронуться до ее запястья, как будто проверяя на прочность некую интимную связь.

Иными словами, стать трибуном Адрианом, а не Титом, которому еще полагается ходить в школу.

С досадой пожав плечами, Тит принялся налегать на угощения. До того момента, когда он перестанет быть на пирах младшим, ему оставалось лишь молча кивать, пока другие произносят речи. Он поглощал копченые устрицы и сдобренные соусом улитки, а сам прислушивался к разговорам, что плавно перетекали от ложа к ложу. «Это все благодаря Траяну», – подумал Тит. Удивительная вещь: император даже не пытался завладеть вниманием пирующих. Наоборот, ему нравилось, когда его сотрапезники высказывают свое мнение, и внимательно слушал их речи. Один раз он даже посмотрел на Тита и, видя, что тот молчит, попытался его подбодрить:

– Эй, приятель, ты сегодня какой-то молчаливый. Я был знаком с твоим отцом. Лет сто назад мы с ним вместе оба служили трибунами. Скажи, юный Тит, а ты не хотел бы попробовать свои силы в армии?

Тит не мог представить ничего ужаснее. Грязь? Марши? Сражения? Нет, спасибо. Пусть лучше меня растерзают волки. Увы, он никак не мог сказать этого императору. Тит посмотрел на Траяна: загорелый, полный бьющей ключом энергии, в простой солдатской тунике, с короткой армейской стрижкой, заливается смехом по поводу какой-то шутки, отчего в уголках его глаз собираются веселые морщинки-лучики. Его император.

В свои сорок пять Траян выглядел лет на десять младше. В нем вообще было нечто от юноши. Казалось, он по первому сигналу вскочит с ложа и храбро ринется в бой, как будто только и ждал этого момента.

– Цезарь, – бодро ответил Тит. Траян же расхохотался и задал какой-то вопрос сенатору Норбану. Тит уже давно сделал для себя вывод, что изобразить участие в любом разговоре с сильными мира сего несложно: нужно лишь то и дело называть собеседника по имени (к месту и не месту) и напускать на себя выражение почтительного уважения. Но, слава богам, на протяжении всего пира никто больше к нему не обращался. Тит поглощал свои устрицы, отпивал из кубка вино, довольный тем, что на него никто не обращает внимания. Так было до того момента, когда рабы унесли блюда с остатками орехов и фруктов. Вот тогда-то и вспыхнула драка.

Тит встал с ложа и вышел в атрий полюбоваться луной, когда до него донеслись крики, а затем какой-то шум и грохот. Заинтригованный, Тит тотчас поспешил в сад, освещенный

факелами на высоких колоннах. А в следующий момент, выхватывая на бегу меч, мимо него пронесся один из стражников сенатора Норбана. Тит схватил его за руку.

– Это гости, – сказал он, глядя, как на тропинке сцепились в драке две темные фигуры, – а не воры.

Это из-за Сабинины подрались два молодых армейских трибуна. Было похоже, что оба мечтали получить в знак ее расположения серебряную серьгу, в результате чего опрокинули вазу с орхидеями, и Траян был вынужден, словно щенков, взять обоих буянов за шкуру и отволочь их в сад.

– Решите это спор, как подобает солдатам! – крикнул он им. – Разбирайтесь друг с другом, а не с хозяйскими вазами. Дорогая Сабина, позволь принести тебе мои глубочайшие извинения по поводу этих неотесанных мужланов.

Но Кальпурния, вместо того, чтобы рассердиться по поводу разбитой вазы, только заливалась смехом. Часть гостей уже покинула трикликий – подышать свежим воздухом, а заодно посмотреть схватку двух задиристых петушков, которые уже обнажили мечи и дали клятву драться до первой крови.

– Смотрите, пусть это будет лишь царапина, – пригрозил им Траян, а сам уселся на мраморные ступеньки и задумчиво подпер кулаком подбородок. – Вы оба еще понадобится мне, когда я на следующий год вернусь в Дакию. Так что даже не думайте доводить дело до смертоубийства.

«В Дакию? – удивился Тит. – О, Юпитер, надеюсь, дед не вздумает отправить меня на войну!» Он легко представил себе, как дед говорит ему: «Служба в армии идет на пользу молодому человеку, она закаляет и дух и тело».

И главное, ничего не скажешь против. Даже если лично вы не горите желанием закалять свои тело и дух.

Теперь в сад вышло большинство гостей. Тит заметил сенатора Норбана, а рядом с ним – Сабину. Старый сенатор лукаво улыбался, а Сабина лишь закатывала глаза. Предмет спора – серьга – поблескивала в свете факелов. С оглушающими криками трибуны налетели друг на друга. Но даже Тит, далекий от подобных вещей, понял: для настоящего поединка они слишком пьяны. В результате все свелось к неуклюжему потрясанию мечами и криворуким ударам. Впрочем, в конце концов одному из соперников – не столько благодаря умению, сколько везению – удалось выбить из рук второго меч. Тот, звякнув, упал на землю.

– Я победил! – гордо заявил везунчик и трясушейся рукой воздел к ночному небу свой меч. – Высокородная Сабина, я требую свою награду – твою серьгу как знак твоей – ик! – любви.

– Награду? За пьяную драку? – искренне удивилась она. – Я раздаю награды лишь за настоящие победы. У меня здесь тысяча стражников, и каждый из них в считанные секунды может искромсать тебя на мелкие клочки.

– Неправда! – оскорбился трибун. – Да я в миг – ик! – разделаюсь с любым стражником.

– Давай проверим? – сказала Сабина и окинула взглядом толпу. Титу показалось, будто он заметил в ее глазах довольный огонек. – Эй, Вискс, ты не против показать патрицию, что такое настоящая схватка?

Раздвигая плечом пьяную толпу, ей навстречу вышел молодой стражник, которого Тит уже видел раньше, тот самый, который посоветовал ему приходить к ней с фиалками, а не с букетами лилий. Стражник сбросил плащ, потянулся, разминая руки, и взялся за рукоятку меча. Толпа разразилась пьяными криками и свистом.

– Я готов.

Трибун издал боевой вопль и театрально воздел меч. Его приятели разразились рукоплесканиями. Тит нагнулся, чтобы поднять с земли плащ стражника, но не успел он даже выпрямиться, как трибун уже был обезоружен.

Тит растерянно заморгал, не веря собственным глазам.

– Так нечестно! – возмутился трибун.

Стражник – кажется, Сабина назвала его Викс – расплылся в холодной, как сталь, ухмылке и поманил его пальцем.

– Давай еще разок.

– Дракам не место на пиру, – раздался возмущенный голос императрицы Плотины, но на нее никто не обратил внимания. На этот раз Тит следил за поединком – если, конечно, это был поединок.

Выпад, еще один, и меч трибуна снова со звоном упал на землю.

– Кто следующий? – спросил стражник по имени Викс, обводя взглядом толпу, и развел руки. – Я как раз разогрелся.

Он был высок, силен и уверен в себе, свет фонарей рельефно очерчивал его мускулистые руки. Он стоял, тяжело дыша, готовый снова ринуться в бой.

– Воспеваю оружие и воина, – процитировал Тит себе под нос строчку Вергилия и посмотрел на свое тощее тело. Его собственные подвиги уж точно останутся невоспетыми.

Тем временем навстречу Виксу вышли еще три трибуна. Первый сумел сделать пару выпадов мечом – или как там называется этот прием? Тит плохо помнил, хотя какое-то время посещал уроки фехтования. Но и он через пару секунд уже было обезоружен. Второй был пьян и едва держался на ногах, разумеется. Он оказался с пустыми руками, потому что даже не заметил, как Викс одним ловким движением выбил у него меч. Третий оказался куда более достойным противником, нежели первые два. Гости хлопали в ладоши и подбадривали противников, пока те то налетали друг на друга, то отскакивали в стороны на узкой садовой тропинке. Титу показалось, что он заметил пару моментов, когда Викс мог завершить поединок, однако рыжеволосый стражник даже не думал отпускать своего соперника. Двигаясь с грацией дикого животного, он искусно работал мечом, отчего казалось, будто тот – естественное продолжение его руки. При этом он улыбался от уха до уха. Наконец, как следует измотав противника, он ловким ударом выбил из его рук меч.

Среди трибунов и их друзей прокатился недовольный ропот. Где это видано, чтобы трибуна посрамил какой-то там стражник! А вот Тит разразился искренними рукоплесканиями, к которым присоединились и другие гости, которым было все равно, кто их развлекает. Викс отвесил церемонный поклон, и Тит заметил, как он подмигнул Сабине.

Тит же грустно задумался, сколько лет своей жизни он был готов отдать за то, чтобы вот так легко и непринужденно красоваться, словно петух, перед девушкой. Десять – пожалуй, многовато, а вот пять...

– Я ведь говорила тебе, Цезарь, – голос Сабины вывел его из задумчивости. – Согласись, что он хорош.

– Еще как, – согласился Траян. Он пристально, хотя и дружелюбно, рассматривал Викса.

– Бьюсь об заклад, тебя когда-то готовили в гладиаторы.

– Откуда ты это знаешь, Цезарь?

– Этого не заметит только слепой. Ты работаешь мечом, как будто косишь траву – вжик, вжик, вжик! Будь у тебя армейская подготовка, ты бы прятал руку за щитом, а мечом наносил бы короткие удары. Вот так, – пояснил Траян. – Потому что, сражаясь в строю, мечом не намаешься. Там в ход идет острие. От него в гуще боя больше толку.

– Согласен, Цезарь, в строю так оно сподручнее, – сказал Викс, упираясь острием меча в землю, – но если строй нарушен?

– Мой строй не рухнет никогда! – надменно заявил император, впрочем, скорее по привычке, нежели оскорбившись.

Императрица Плотина закатила глаза к небесам. А вот Тит невольно улыбнулся. Улыбнулся и Викс и, все еще сжимая в руке меч, развел руками.

– Это потому, Цезарь, что я еще не пытался его нарушить.

– Не хочешь попробовать? Твоя техника против моей? – лукаво выгнув бровь, Траян в упор посмотрел на Викаса.

«Он не посмеет, – испуганно подумал Тит. – Он не посмеет принять вызов. Ведь это же император Рима!»

Однако Викас кивнул в знак согласия. Император же, словно мальчишка, со смехом вскочил с мраморной ступеньки.

– Эй, дайте мне меч!

По толпе гостей пробежал шепоток.

– Цезарь, тебе не пристало, – начала было Плотина, но Траян оборвал жену. – Клянусь Хароном, Плотина, я уже забыл, когда последний раз держал в руках меч. Эй, кстати, а щита ни у кого не найдется? Нет? Ну да ладно, обойдемся без щита. Мне хватит и меча.

Титу первые удары показались какими-то ленивыми – противники присматривались друг к другу. С лица Викаса исчезла улыбка, ее сменило напряженное внимание. Траян проявлял бóльшую осторожность, нежели его противник: он стоял, широко расставив ноги и втянув голову в плечи, явно не желая подставлять себя под удар – именно так Тита в свое время учили поступать его наставники. Именно так привыкли действовать легионеры. Именно так они выигрывали все свои битвы против диких варварских полчищ. Поэтому только слепой не заметил бы, что Викас движется совершенно иначе, занимая больше пространства, как будто нарочно искушая противника, подставлял себя под его меч. Короткий меч Траяна совершал молниеносные выпады, подобно языку змеи, целясь Викасу то в шею, то в колено, то в локоть. Но тот ловко парировал все удары, и, в свою очередь, наносил свои, вынуждая Траяна отступать все дальше. Воодушевленный успехом, он, размахивая мечом, ринулся на противника, однако тотчас отлетел назад, наткнувшись на твердое, словно камень, плечо императора. Затем противники вновь разошлись, и поединок возобновился.

«О боги, – с ужасом подумал Тит, – он и впрямь вздумал сражаться с императором по настоящему! Как солдат с солдатом!»

Впрочем, похоже, что император сам горел азартом.

– Хватит прыгать взад и вперед, – произнес Траян, когда они с Викасом описали круг. – Рассчитываешь, что заставляя меня бегать за тобой, ты чего-то добьешься?

– А разве нет, Цезарь? – бросил ему Викас, делая очередной выпад.

Траян ловко парировал его удар.

– Может, будь у тебя арена, ты мог бы скакать по ней зайцем, но на поле боя такая тактика не пройдет. – С этими словами он замахнулся, целясь Викасу в колено, но тот успел отскочить. – Там особенно мечом не помашешь. Там тесно, как в попке мальчика.

Викас не стал отвечать на его остроту, продолжая сыпать ударами. При этом – отметил про себя Тит – Викас избегал ударов в лицо. Даже такому задире, как он, хватало ума проявлять осторожность, сражаясь с самим императором. Ведь страшно подумать, что будет, если бы Траяна по неосторожности зрения. Зато противники щедро осыпали ударами плечи и ребра друг друга – это все, что мог сделать Траян, чтобы постоять за себя. В следующий миг Викас сделал стремительный выпад, целясь ему в плечо. Траян по привычке мгновенно поднял щит, преграждая лезвию путь. Увы, никакого щита у него не было. Вместо него лезвие вошло в руку, и у Тита от ужаса перехватило дыхание. Из раны брызнула кровь. Толпа гостей испуганно ахнула. Траян посмотрел на руку: ручеек крови стекал вниз и капал на землю между пальцами. Викас с посеревшим лицом отпрянул назад, а рядом с Траяном плотным кольцом тотчас выросли преторианцы. А в следующий миг...

Траян откинул голову назад и захохотал.

– Ты победил, приятель!

– Неправда, Цезарь, – ответил Викас. – Будь у тебя щит...

– Но его не было, а я про это забыл. Так что победа твоя. Поздравляю, – с этими словами Траян махнул рукой, давая гвардейцам понять, что те не нужны, а сам похлопал Вика по плечу. – Знаешь, может, в твоём махании мечом и впрямь что-то есть. Как твоё имя?

– Верцингеторикс, Цезарь.

Тем временем вокруг императора столпились желающие оказать ему первую помощь, но он прогнал их от себя.

– Подумаешь, царапина. Я наносу себе гораздо более глубокие, когда бреюсь. – Он вновь, причем с симпатией, посмотрел на молодого стражника, как будто они были друзья по гимнасию. – На следующий год, Верцингеторикс, я поведу свои легионы на север. Есть там один дакийский царь, которого следовало бы проучить. Мне нужны хорошие воины – и сейчас, и всегда. И мне кажется, ты был бы в их числе. Хочешь помочь выиграть войну?

– Это мы посмотрим, Цезарь, – ответил Вика, и Тит решил, что услышал нотки неуверенности в его голосе. «Эх, лежи на моем плече эта рука, – подумал Тит, смотри на меня эти глаза, наверно, даже я пошел бы служить в легионы. А ведь еще час назад я бы предпочел быть растерзанным волками, чем стать солдатом».

– Это я посмотрю, Верцингеторикс, – передразнил Вика Траян. – Я сделаю из тебя римского легионера. И запомни, острое всегда побеждает, – с этими словами он снова хлопнул Вика по плечу и обвел взглядом толпу. – Эй, есть желающие преподать урок юному воину? Легат? Юный Тит? Или ты, трибун Адриан?

– Только не он. – Голос Вика был исполнен презрения. – Скажи, когда в последний раз ты видел его грязным?

Траян рассмеялся. Рассмеялись и гости, неискренне и подобострастно.

– Да, тут наш герой прав, Адриан, – сказал Траян, возвращая меч в ножны. – Побудь ради разнообразия мужчиной. Возьми в руки меч.

– Спасибо, Цезарь, – ответил Адриан, даже не улыбнувшись. – Своим пером я способен нанести врагу куда больший урон.

– Мой меч, твоё перо, – предложил Вика, вновь вытаскивая меч. – Давай поглядим, чья возьмет.

И снова смешки. Адриан открыл было рот, но вместо него – к превеликому собственному удивлению – заговорил Тит.

– Скажи, а ты не мог научить меня хотя бы нескольким приемам, – обратился он к Викасу. – Потому что, признаюсь честно, воин из меня неважный.

– Вот это молодец! – довольно воскликнул Траян и, обняв одной рукой плечо сенатора Норбана, а второй – плечо Сабины, зашагал обратно в триклиний. Адриан попытался идти с ним рядом, но его оттеснили. Видя это, Тит невольно усмехнулся.

Сад постепенно опустел. Гости, жалуясь на ночную прохладу, – волнение, которое до этого согревало их, улеглось, – тоже потянулись в дом, где их ждали кубки с подогретым вином. Вика подобрал с земли плащ, перекинул его через руку и сунул в ножны меч. К нему подошел Тит.

– На самом деле, тебе не нужно меня ничему учить, – сказал он, кивком указывая на меч. – Я безнадежен. Я просто пытался отвлечь Адриана. Он был готов вырвать тебе сердце и зажарить его, за то, что ты выставил его на всеобщее посмешище.

– Знаешь, мне как-то все равно, кем я его выставил.

– И как только тебе хватило дерзости ранить императора, – раздался рядом с ними грудной женский голос. Тит обернулся и тотчас поспешил отвесить учтивый поклон: перед ним стояла императрица Плотина. Он впервые видел ее так близко – высокая и статная, она казалась обсыпанной изумрудами колонной. Стоя вровень с Титом, она действительно была высокого роста. Впрочем, взгляд ее глубоко посаженных глаз был устремлен мимо, на Вика, чему Тит был несказанно рад. В эти мгновения он предпочел бы сделаться невидимым. – Впрочем,

как тебе вообще хватило дерзости затевать этот поединок. Может, мой супруг и счел его забавой. Но вот я – нет.

С этими словами она гордо развернулась, словно статуя, которую на колесах выкатывают из храма, и с царственным видом удалилась.

– Императрицы... – произнес Виск, с отвращением в голосе. – Вот уж кто все как одна мстительные стервы. Император, если что, может вас простить, императрица – никогда.

– И со сколькими императрицами ты знаком? – пошутил Тит.

– Ты удивишься, – ответил стражник, который только что ранил в руку императора Рима, и, насвистывая, зашагал прочь.

Виск

– Я видела, как ты дрался на мечах с императором, – сказала мне Гайя, когда я заглянул в кухню. – Вот только как ты мог... ведь это же император. Какой, однако, красавец мужчина!..

Я мысленно с ней согласился. Потому что Траян и впрямь был прекрасен. Этот низкий, раскатистый голос, эта сила, что чувствовалась в каждом ударе! Кстати, я заметил, что мышцы на его левой руке гораздо сильнее, чем на правой, – сказывались долгие годы солдатской жизни, когда он носил в левой тяжелый щит. Рука с императорским перстнем-печаткой лежала на моем плече, как будто я был его другом. И где вы видели, чтобы император отмахнулся от раны, как от какой-нибудь шутки?

Клянусь Хароном, как приятно было вновь почувствовать в ладони рукоять меча! Ощущать, как работают мышцы, то расслабляясь, но напрягаясь снова, как они постепенно разогреваются, как движения приобретают плавность. А свист меча, рассекающего воздух, легкий звон соприкасающихся лезвий – раз, второй, третий. Как мне этого всего не хватало, как я соскучился по хорошему поединку! А как быть с достойным противником? Кто он? Ведь не эти сопляки-патриции, ни даже сам император. Не спорю, мечом он владеет ловко, но даже император Рима не прошел той суровой школы, какую прошел я, когда мне было всего восемь и меня обучал величайший из всех гладиаторов.

В общем, в моей груди шевельнулась тоска по старым временам. А может, они никуда не уходила, просто Сабина на какое-то время приглушила ее. Да и как не поддаться соблазнам плоти, когда тебе всего девятнадцать! Но тоска – она никуда не прошла. Я посмотрел на двух других стражников. Примостившись в дальнем конце кухни, они весело переругивались, играя в кости. Неужели и я стану таким же лет этак через тридцать – толстым охальником, лапающим молоденьких рабынь, которому только и остается, как докучать всем своим рассказом о том, как однажды я скрестил мечи с самим императором.

– Налей мне вина, – сказал я Гайе.

– А как насчет чего-то другого? – лукаво спросила она. – Последнее время я редко видела тебя среди нас, рабов. Да и у моей двери ты тоже перестал бывать.

Не удостоив ее ответом, я взял блюдо с медовыми пирожными и графин вина и, громко топая, удалился к себе в комнату. Из атрия по-прежнему доносились голоса гостей, их слегка протяжные патрицианские интонации, но у меня не было ни малейшего желания наблюдать за праздником.

Мои уши явственно различали бархатистый баритон трибуна Адриана. Этот самодовольный тип явно демонстрировал свою ученость, то ли перед Сабиной, то ли перед кем-то из гостей. Кстати, я слышал, как Адриан пытался разузнать у других стражников, – он даже сунул им за это по монетке, – не отдает ли Сабина предпочтение другому воздыхателю. Или, может, он не нравится ее отцу? Иначе почему она так долго тянет с ответом?

– Ее отец считает тебя напыщенным занудой, – сказал я, хотя меня он не спрашивал. – Мой тебе совет, трибун, откажись от Вибии Сабини. Она никогда не выберет тебя.

Я рассчитывал, что он вспыхнет и сожмет кулаки, но он лишь смерил меня надменным взглядом.

– Что бы ты знал о ней, стражник.

У меня едва не сорвалось с языка, что кое-что о Сабине я знаю очень даже хорошо. Как она изгибается, когда я целую ей шею, как закрывает глаза, как стонет от удовольствия, когда я целовал ей кое-какое место. Но я промолчал, ограничившись нахальной улыбкой. Держа в руке золотой кубок, он еще раз посмотрел на меня, как на полное ничтожество, и пошел прочь.

– Он был готов свернуть тебе шею, – сказал тогда мне этот тощий доходяга Тит. – Ты выставил его посмешищем.

Ну и что. Так этому напыщенному павлину и надо.

Я лежал на спине в своей кровати, жевал пирожные, сыпля медовыми крошками на одеяло, и наблюдал за тем, как в узкой прорези окна восходит луна. Вскоре один за другим мимо моего окна проплыли паланкины, развозя гостей по домам. Другие стражники тем временем отправились в сад гасить светильники. А еще мне было слышно, как, прибираясь в кухне, жалуются на мозоли усталая кухарка, а госпожа Кальпурния шутливо возмущается в атрии.

– Ты не поверишь, что сказала мне императрица! – воскликнула она. В ответ донесся негромкий смех сенатора Норбана, и они вместе зашагали по лестнице на второй этаж. Постепенно в доме все стихло. «Сегодня она не придет», – подумал я. Но я ошибся. Примерно через час, держа в руке пару серебристых сандалий, в мою дверь проскользнула тень.

– Я натерла ноги, – пояснила Сабина. – Как я ненавижу эти сандалии!

– Тогда почему ты их носишь?

– Но ведь они красивые!

Я присел на кровати.

– Ты это нарочно подстроила?

– Что?

– Сама знаешь, что. Поединок.

– Может, и подстроила.

– Но зачем?

– Я подумала, что императору ты понрависься.

Мне тотчас вспомнилась императрица и ее холодные намеки.

– Зато я не понравился его жене.

– Плотине? – усмехнулась Сабина. – Думаю, что нет. Ей вообще никто не нравится. Особенно, если человеку весело.

– И как только императора угораздило жениться на ней? – вырвалось у меня. – Это все равно, что делить постель со статуей.

– При чем здесь это? – удивилась Сабина. – Она ведет дом и порой дает Траяну дельные советы. Он управляет империей и спит с симпатичными молодыми солдатами. Они прекрасно ладят, – Сабина покачала серебристыми сандалиями. – Пойми, Викс, такие браки, как у Кальпурнии с моим отцом, можно пересчитать по пальцам. Зато таких, как у Траяна с Плотиной, – большинство.

– Траян любит солдат? – Я выгнул брови. – Именно поэтому ты и решила, что я ему понравлюсь? Но ведь я не...

– Ты болван! Я подумала, что ты понрависься ему совсем по другой причине. Ведь если не считать солдат в постели, ты такой же, как он.

– Значит, я болван? – Я выпростал руку и, поймав Сабину за талию, резко привлек к себе. Она еще не передела узкого серебристого платья, в котором была на пиру, а рядом с ее шеей по-прежнему переливалась гранатами длинная египетская серьга.

– Да, ты болван, который провел прекрасный поединок против императора, и тебе за это положен приз. – С этими словами она потянула серьгу и положила ее мне в ладонь. – Трибуны устроили драку из-за нее. Правда, зачем, не пойму. Но ты их победил, и она твоя.

– А ты?

– А что я? Я и так твоя, – усмехнулась она. – Я люблю тебя, Викс. Ты даже не знаешь, как сильно я тебя люблю.

Скажу честно, от этих ее слов мне сделалось не по себе. Я даже задумался о том, как бы мне выпутаться из всей этой истории. Потому что раньше таких слов я от нее не слышал. Нет, она вела со мной разговоры, но только не про любовь. Я задумался. Мне тотчас вспомнились мои собственные родители, то, как они постоянно разговаривали друг с другом – как будто между ними существовала некая неразрывная связь, которая сохранится даже после смерти. Кстати, отец Сабины и Кальпурния тоже постоянно разговаривали между собой. Значит ли это, что и мы?.. Что наши с ней разговоры в постели значат нечто большее, чем просто смешки и шутки? Или они нечто такое, что затягивает человека в такую бездонную пучину, из которой ему потом уже не выбраться?

Я не знал, что на это ответить. Потому что не знал, что думал, что чувствовал, чего желал. Я вообще мало что знал, и вновь задумался о том, как мне выпутаться из всего этого. Но в следующий миг Сабина усмехнулась и вскарабкалась на меня, чтобы поцеловать. Я запустил пальцы в ее гладко зачесанные назад волосы и вытащил шпильки. Волосы каштановой волной рассыпались по ее плечам, а я вновь забыл обо всем на свете.

Глава 7

Сабина

– В этом году урожай невелик. Скоро и таких не будет.

Взяв из рук торговки фруктами плод граната, Сабина положила взамен в морщинистую ладонь монетку.

– Спасибо, Ксанта, что припасла для меня хотя бы один.

– А как же иначе, милая, – улыбнулась старая женщина и отвесила поклон. Поднеся гранат к носу, Сабина двинулась дальше. Немного вялый, но аромата не утратил.

– Ты знаешь торговку по имени, – заметил Адриан, идя с ней рядом. Не замедляя шага, он протянул ей небольшой серебряный нож, чтобы она могла вскрыть кожуру.

– Ксанту? Ну конечно. Я всегда покупаю у нее фрукты. Знать, как кого зовут, по-моему, это очень даже неплохо.

– Даже простолюдинов?

– Особенно простолюдинов, – Сабина отковыряла первое зернышко и отправила его в рот. – Мой отец знает всех своих клиентов по имени, и они готовы ради него на все. А посмотри на Траяна! Он знает по имени всех своих преторианцев и даже их семьи. Да что там, он помнит даже, какие клички центурионы дают своим лошадям.

– Пожалуй, – задумчиво согласился Адриан. – И это ему помогает.

Утро было холодным и неприветливым. Казалось, небо нахмурилось серыми тучами. Над Римским форумом ветер трепал матерчатые навесы: торговцы, сыпля себе под нос проклятиями, то вели сражение с хлопающей, словно крылья, тканью, то догоняли, пытаясь поймать, сорванный ветром навес. Завернутая в розовую шерстяную паллу, Сабина неторопливо шла между прилавков. Адриан шагал с ней рядом – высокий и спокойный, в белоснежной тоге, старательно обходя подернутые рябью лужи. Позади них хмуρο тащился стражник из дома Норбанов.

Разумеется, не Вика. Когда Адриан пришел к ней и предложил прогуляться по городу, Сабина нарочно выбрала одного из стражников постарше. Ей не хотелось, чтобы чуткие уши Вика ловили каждое слово в их разговоре, не хотелось ощущать на себе его колючий взгляд, всякий раз, когда Адриан брал ее под руку.

– погоди, я куплю вот это. – Сабина остановилась рядом с кожаным мячом на прилавке какой-то торговки. Взяв мяч в руки, она подбросила его вверх и поймала. – Я его беру. Он мягкий. С ним будет играть малыш Кальпурнии, когда родится.

– Отличный выбор, госпожа, – похвалила ее лавочница. – Может, также возьмешь вот это кольцо. Пригодится, когда у малыша начнут резаться зубы.

– Спасибо. Помнится, Лин нам всем не давал спать.

С этими словами Сабина отправила в рот очередную пригоршню гранатных зерен, после чего поинтересовалась у торговки ее собственными детишками. Ей пришлось выслушать длинную историю о том, как любимая дочь торговки пошла на месяц раньше, чем все ожидали, в обмен на которую она предложила свой рецепт борьбы с воспаленными деснами:

– Моему младшему брату помогало лишь гвоздичное масло.

После чего в руки торговки переключалось еще несколько монеток.

– У тебя это здорово получается, – заметил Адриан, когда они двинулись дальше, оставив торговку отпускать им поклоны.

– Это не сложно. Главное, проявлять к людям интерес.

– Лично мне люди не интересны, – признался Адриан. – Исключение оставляю лишь для умных.

– Знаю. Я тоже тебя не интересовала, пока ты не обнаружил, что у меня есть мозги, – с этими словами Сабина вручила покупку стражнику. – Но ведь можно изобразить интерес. И люди будут за это благодарны.

– Увы, я лишен твоих талантов, Вибия Сабина, – улыбнулась Адриан. – Мне всегда нелегко дается найти общий язык с кем бы то ни было.

– Для начала выучи имена, – посоветовала Сабина. – Улыбайся при встрече. Поговори с ними. Надеюсь, ты помнишь поправку, которую внес в Закон Корнелиев мой отец? Про продажных чиновников? А известно ли тебе, что надомнил его один наш вольноотпущенник, который разбирался во взятках как никто на свете. Рабы, вольноотпущенники, плебеи, честное слово, ты их недооцениваешь. А зря. У них можно многому поучиться.

– Пожалуй, – согласился Адриан. Его короткая борода была чуть светлее его темных волос, но если присмотреться, в ней можно было заметить золотистые волоски. – Или же я женюсь на тебе, и тогда ты станешь вместо меня очаровывать плебеев, рабов и вольноотпущенников.

– И как высоко ты оцениваешь это мое достоинство?

– Выше, чем твое приданое. Сестерции есть у кого угодно. Обаяние встречается гораздо реже.

Сабина отправила в рот очередное зернышко и запрокинула голову, чтобы полюбоваться полосатым африканским мрамором храма богини Согласия. Мимо нее, зябко кутаясь в паллу, торопливо прошла какая-то женщина с корзиной в руках, а за ней – двое детей.

– Вчера императрица Плотина пригласила меня во дворец. Помочь ей за ткацким станком.

– Она от тебя в восторге.

– А, по-моему, я ее разочаровала. Ткачиха из меня оказалась никудышная, челнок ходил вкривь и вкось, нити ложились неровно, а мое платье она сочла непристойным, потому что оно было без рукавов. Зато тебя она превозносила до небес. Любой наш с ней разговор рано и поздно сводился к тебе. Скажи, а правда, что, когда ты был ребенком, ты поделил ее сад на провинции и поочередно правил каждой из них. По ее словам, в одиннадцать лет ты уже имел правильно составлять документы. А еще она поведала мне о том, как в возрасте четырнадцати лет ты убил на охоте волчицу, а потом укрывался ее шкурой, пока та не облезла.

Адриан смущенно кашлянул.

– Ты знаешь, – поспешил добавить он, – что императрица скоро удостоится титула Августы? Это такая высокая честь. Траян пытался наградить ее им раньше, но она отказывалась. По ее словам, она ни за что не примет от сената звания Матери Рима, пока не заслужит эту честь своими делами.

– А, по-моему, она его заслужила давно. – Сабина подбросила в воздух гранатное зерно и поймала его ртом. – Она образцовая императрица. Выйди я замуж за Траяна, я никогда бы не стала, такой, как она.

– Ты? – удивился Адриан. – А что, такое могло случиться?

– Не совсем. Но когда умер Домициан, моему отцу предлагали занять его место.

– Что? – Адриан испуганно огляделся по сторонам. – Откуда ты это взяла?

– Почти все свое детство я провела, подслушивая под дверьми, – пояснила Сабина, запустив пальцы за новой порцией похожих на драгоценные камешки зерен. – Никто мне ничего не говорил, вот я и подслушивала. Что еще мне оставалось? Ты не поверишь, какие вещи я узнала... Ну а стань мой отец императором, он бы усыновил Траяна как своего наследника, а чтобы скрепить их союз, выдал бы меня за Траяна замуж. Таким образом, Траян мог бы стать моим мужем. А так он просто мой дальний родственник. Но мой отец отказался от импера-

торской тоги, так что теперь Матерью Рима Траян назовет Плотину, а знаки внимания мне оказываешь ты.

– О боги, – пробормотал себе в бороду Адриан. – Надеюсь, ты не рассказываешь эту историю первому встречному.

– Нет конечно. Поверь, держать рот на замке я умею. К тому же, я даже рада, что не стала императрицей. Раньше я об этом мечтала – как и все девушки. Я и сейчас думаю, что в некотором смысле это очень даже интересно. Но, с другой стороны, стать императрицей – это значит, быть ею всю свою жизнь. А мне бы не хотелось до конца моих дней сидеть во дворце, пусть даже с диадемой на голове. Впрочем, по-моему, супруг из Траяна был бы неплохой. Я его просто обожаю.

– Этих простодушных солдат легко любить, – буркнул Адриан.

– Я бы не назвала его простодушным! – с жаром воскликнула Сабина. – Траян умеет одной рукой держать в узде сенат, а другой – легионы. Согласна, на первый взгляд он кажется простодушным солдатом, но разве простодушный солдат смог бы мастерски уравнивать интересы?

– А, по-моему, ему в первую очередь следовало бы навести порядок в управлении, и лишь затем думать о расширении границ, – менторским тоном произнес Адриан, каким он обычно рассказывал Сабине про греческих философов, независимо от того, была она знакома с их трудами или нет. – Ему следует уделять больше внимания строительству – возводить храмы, акведуки, новый Форум. Я говорил ему об этом не менее сотни раз, но он пропускает мимо ушей мои советы. Они ему безразличны. Впрочем, как и я сам. Да ты сама это видела, на пиру в вашем доме. Когда твой стражник выставил меня посмешищем.

На мгновение лицо Адриана превратилось в каменную маску.

– Я бы не сказала, что Траян тебя не любит, – сказала Сабина, лишь бы отвести разговор подальше от Вика. – Просто он человек горячий, порывистый. А ты сдержанный, хладнокровный. А горячее и холодное не смешиваются.

«Как, например, Вика и Адриан, – мысленно добавила Сабина. – А вот я, хотя хладнокровия мне не занимать, отлично лажу с Виксом. Но об этом лучше не думать, по крайней мере не сейчас».

– В любом случае, – продолжила она вслух, – даже если Траян и не слишком благоволит тебе, зато Плотина тебя обожает. А к ней он прислушивается. Вот увидишь, твои строительные планы от тебя не уйдут.

– Украшать город, чтобы затем его покинуть! – воскликнул Адриан. Эти слова вырвались так, как будто внутри него прорвало плотину. – Провести полжизни в сенатских дебатах, произносить речи, надзирать за чиновниками, проверять счета, и это при том, что в мире так много интересного! Сколько удивительных вещей можно посмотреть: разливы Нила, дельфийскую пифию, укутанные туманом горы Бригантии, о которых ты мне рассказывала! – Теперь Адриан говорил с жаром, размахивая руками, как то обычно бывало, стоило ему оседлать своего любимого конька. – А храм Артемиды в Эфесе! А непроходимые леса Дакии!

– И ты надеешься все это увидеть? – спросила Сабина. – У Плотины большие планы в том, что касается твоего будущего.

– Верно, – согласился Адриан, придиричиво рассматривая ноготь большого пальца. Какое-то время они молча шагали рядом. – Императрица действительно лелеет относительно меня большие планы, – осторожно добавил он, придерживая от ветра белоснежные складки тоги. – И я стараюсь не вступать с ней в споры. В конце концов это ведь она вырастила меня, и я ей многим обязан.

– Многим, – согласилась Сабина. – Но не всем.

Они вновь умолкли. Мимо них, слегка пошатываясь под тяжестью корзины, которую она тащила на плече, прошла чернокожая рабыня-нумбийка. Выйдя на нетвердых ногах из вин-

ной лавки, к ней подскочил какой-то моряк, но она оттолкнула его плечом. Рядом, разложив под дождливым небом свои таблицы, стоял астролог, с умоляющим видом призывая прохожих узнать, какое будущее пророчат им звезды. Сабина замедлила шаг.

– Может, нам стоит прочесть твои звезды? Чтобы тебе не мучиться вопросами по поводу твоего будущего. Если, конечно, ты веришь предсказаниям астрологов.

– Верю.

– И после этого ты называешь себя рассудительным.

– Когда я впервые надел тогу взрослого мужа, бывший астролог Домициана, Несс его имя, составил мой гороскоп, – задумчиво произнес Адриан. – Его предсказание было таким странным, что я даже не знал, как к нему отнестись. После этого я при первой же возможности, на всякий случай прошу астрологов прочесть мои звезды, и все они как один говорят одно и то же.

– Неужели? – удивилась Сабина. – Так вот что ты имел в виду в студии дяди Париса, когда сказал мне, что тебе уже известно твое предначертание. И что же это такое?

– Что ни один смертный не увидит такой широкий мир, какой увижу я. Так что, думаю, Плотина будет сильно разочарована. Предсказанная мне судьба плохо вписывается в ее планы, – ответил Адриан и посмотрел на Сабину. На этот раз в его взгляде не было ни высокомерия, ни снисхождения, лишь серьезная задумчивость, в глубине которой пылал огонь. – Ты могла бы вместе со мной объездить мир.

Сабина несколько мгновений смотрела ему в глаза, затем перевела взгляд на гранат. Зря она не посчитала съеденные зерна. От сока ее пальцы были розовыми, как у богини зари.

– Скажи, сколько, по-твоему, зерен в гранате?

– Примерно шестьсот, – не раздумывая, ответил Адриан. Такие вещи он знал наизусть.

– Я съела примерно две трети, – сказала Сабина. – И если взять за основу миф – одно зернышко за каждый месяц ее замужества за Плутоном – это дает нам тридцать пять лет вместе. Как ты думаешь, нам их хватит на то, чтобы объездить и посмотреть целый мир?

Викс

Я не нашел Сабину ни в ее комнате, ни в библиотеке, ни в агрии. В конце концов, я обнаружил ее в самом дальнем уголке сада. Она сидела на скамейке перед выключенном на зиму фонтаном, накинув на плечи голубую паллу, и держала на коленях наполовину скрученный свиток. К этому моменту я уже порядком рассвирепел, поэтому подойдя ближе рявкнул:

– Значит, Адриан?

– Приветствую тебя, Викс, – ответила Сабина и, пометив в свитке пальцем место, где читала, подняла на меня глаза. – Ты мог бы прийти и раньше. Здесь ужасно холодно. Но я решила найти для тебя местечко, где ты можешь рявкать, сколько тебе угодно.

Я не позволил ей увильнуть от ответа.

– Так ты выходишь замуж на Адриана?

Эту новость я узнал от одной рабыни, когда я вернулся из Капитолийской библиотеки, куда меня отправил с поручением хозяин.

– Адриан, это холодная, самодовольная рыба.

– Неправда, он не холодная рыба, – задумчиво ответила Сабина. – Разве что придется привыкнуть к бороде.

– Но почему? – взорвался я.

– Я привык целоваться с тобой. Но у тебя нет бороды, так что в первое время будет довольно странно...

Я выхватил у нее из рук свиток и бросил его в фонтан. Но поскольку тот замерз, то свиток лишь упал на лед и развернулся. А жаль, я бы предпочел, чтобы он намок.

– Извини, Викс, – виноватым голосом сказала Сабина. – Я дразню тебя, хотя, наверно, зря. Да, я выхожу замуж за сенатора Адриана. Скажи, почему я не должна этого делать?

– Почему не должна? – переспросил я, не зная, что сказать.

– Но ведь должна же я за кого-то выйти замуж.

Она стояла передо мной под холодным зимним солнцем – такая крошечная, с распушенными волосами. Почти такая, какой я ее видел впервые.

– Что ты предлагаешь мне взамен? Навсегда остаться в стенах этого дома? Читать, играть с Лином и Фаустиной? Или стать весталкой? Увы. Поздно, и для первого, и для второго, и третьего. Настало время, и я должна выйти замуж. Думаю, Адриан не хуже других. А может, даже лучше.

Я поймал себя на том, что как загнанный зверь мечусь туда-сюда у фонтана, не в силах устоять на одном месте.

– Но почему?

– Потому, что он хочет посмотреть мир. Он сказал, что после свадьбы мы с ним уедем посмотреть Афины, Фивы... Возможно, Египет. Куда угодно. – Она обвела глазами сад, как будто уже видела пирамиды, греческие храмы, изящные корабли, что отвезут ее к ним. – Это куда лучше, чем выйти за какого-нибудь зануду-претора, которому не нужно ничего, кроме детей и званных обедов. Рим мы оставим политикам, а сами уедем с ним посмотреть мир.

– А если эта стерва императрица настоит на своем? – бросил я ей. – Вот увидишь, она постарается прибрать тебя к ногтю. Будет десять раз на дню проверять, чем ты занята, хороша ли ты для ее дорогого Публия. Если тебе хочется посмотреть мир, мой тебе совет – выйди замуж за кого угодно, а не за этого маменькиного сынка, который перед тем, как куда-то уехать, будет испрашивать у нее разрешения.

– С Плотиной я как-нибудь разберусь, – возразила Сабина. – Что касается ума, ей далеко до жены Домициана.

– А как же я? – вырвалось у меня. – Кто для тебя я? Игрушка, и все?

– Нет, не только игрушка. – Сабина плотнее закуталась в голубую паллу. – А ты на что рассчитывал, Викс? Чего ожидал? Ты что, рассчитывал на мне жениться? Или ты забыл, что такие браки запрещены законом? И даже будь они не запрещены, скажи я, что хочу за тебя замуж, как ты тотчас бы начал воровато оглядываться по сторонам, как бывает всякий раз, когда тебя загнали в угол, а под утро, захватив под мышку плащ, вообще дал бы стрекача. Разве не по этой причине ты покинул Британию? Что какая-то девушка хотела за тебя замуж?

Я пропустил ее вопрос мимо ушей в надежде найти почву потверже.

– Ты пользовалась мной.

– Для собственного удовольствия, точно так же, как ты – мной, – невозмутимо ответила она. Ее голос был само спокойствие. – Ты жалеешь об этом?

– А сейчас ты получишь удовольствие в последний раз, – с этими словами я резко дернул ее к себе. Одна рука тотчас зарылась в ее волосах, другая – грубо легла ей на грудь. – Ты думаешь, что Адриан даст тебе что-то подобное? Может, тебя это удивит, но если он когда-либо и проявит к тебе интерес, то только сзади.

Я бросил ей это в лицо, как плевок, этот мой вывод, который я сделал в тот самый первый день, когда увидел Адриана.

– Можно подумать, я не вижу, как этот ублюдок тарашится на рабов, когда приходит к тебе в гости. Причем смотрит он не на девушек. Я сам удостоился от него пары взглядов, когда был без туники. Твой Адриан предпочитает юношей.

– Я знаю, – фыркнула Сабина.

Мои руки тотчас отпустили ее. Я чувствовал тебя круглым дураком.

– Разумеется, я знала это, Викс. Кальпурния в самом начале сказала мне, что Адриан содержит любовника. Двадцатилетнего танцора, если быть точной. И он гораздо красивее

меня. – Сабина вновь опустилась на мраморную скамью. – Иначе почему они с отцом поначалу отнеслись к его ухаживаниям с подозрением? Им хотелось, чтобы я нашла себе мужа, который бы любил меня, который дал бы мне детей. Но дети мне не нужны, как не нужна и любовь мужа. Днем Адриан будет брать меня в путешествия, а ночью оставлять меня в покое. Мы будем с ним друзьями, и это меня устраивает.

Мне показалось, будто в меня швырнули булыжником. Я размышлял над этим вопросом с той самой ночи, когда сенаторская дочка затащила меня к себе в постель.

– Так вот почему тебе понадобился я? Адриан тебе нужен как муж, а я как жеребец?

– Адриан как муж, – поправила меня Сабина, – ты – как тот, кого я люблю.

– Думаешь, я тебе поверю? Даже не рассчитывай, – засунув руки за пояс, как будто опасаясь придушить ее, я вновь заметался из стороны в сторону.

– Я знала, что толку от Адриана в постели не будет, – спокойно ответила Сабина. – И я подумала, что ты обучишь меня постельным утехам. Сразу догадалась, что у тебя в этом отношении богатый опыт. А еще у меня было предчувствие, что тебя полюблю, что даже к лучшему.

– Странная, однако, любовь, – огрызнулся я, все так же меряя шагами сад.

– Это почему же? – Сабина сделала невинные глаза. – Мне, Викс, как и любой девушке, хочется любви. Чего я не хочу – так это, чтобы эта любовь принуждала меня к чему-то. Адриан как муж явно не станет этого делать. Да и ты тоже, как любовник. Тем более что ты собрался пойти в легионы.

Почему-то эти ее слова разъярили меня еще больше.

– Я не собираюсь ни в какие легионы! – гаркнул я.

– Неправда. Это написано на твоем лице. Из таких, как ты, и состоит армия. – Сабина поднялась со скамьи и обняла меня за шею. – Возможно, ты завоеешь для Рима несколько новых провинций. Весь город будет выкрикивать твое имя, осыпать тебя лепестками роз.

Я схватил ее за запястье, не давая подойти ближе:

– Прекрати!

– У меня даже в мыслях нет соревноваться с тобой, Викс. Ни малейшего желания.

– Прекрати!

– И я не пойму, чем ты так расстроен, – удивилась Сабина. – По идее, расстраиваться должна я. Я только что сказала, что люблю тебя, ты же ни слова ласкового не сказал мне в ответ.

– После того как ты использовала меня? – огрызнулся я.

– Кто кого использовал, Викс? Я каждую ночь приходила к тебе, ложилась в твою постель, любила тебя, ничего не прося взамен. Мне казалось, тебя это более чем устраивало.

Я вновь сделал вид, что не услышал ее.

– Если ты думаешь, что позволю тебе хотя бы одной ногой шагнуть в мою комнату...

– Хорошо, если ты не хочешь, я не приду, – вздохнула Сабина. – Правда, хотелось бы надеяться, что ты передумаешь. До моей свадьбы остается месяц. И я бы хотела провести его с удовольствием.

Я отшатнулся и ткнул в нее пальцем:

– Сабина, – я впервые назвал ее по имени, и мне не пришлось делать над собой никаких усилий, – да я теперь никаким рожном¹ тебя не коснусь.

– Интересно, – отозвалась она. – Откуда пошло это выражение. Почему именно рожном? Каким рожном? Почему не жезлом или копьем? Надо будет посмотреть в книгах.

С этими словами она достала из замерзшего фонтана свиток и зашагала прочь. Я посмотрел ей вслед. Я стоял, сжимая и разжимая кулаки, как неожиданно мне вспомнилось что-то такое, что Адриан сказал императрице.

¹ Рожон – кол либо длинная заостренная палка, которой подгоняли волов, отставших от стада.

Пусть Сабина ни в чем не была похожа на свою гадюку-мать, зато она умеет точно так же, как и та, гордо покинуть комнату. Или в данном случае сад. Впрочем, с тем же успехом эта маленькая стерва могла покинуть и мою жизнь. Они с Адрианом были достойны друг друга.

Когда же тем вечером она вновь постучала в мою дверь, не говоря ни слова, я – хотя и поклялся, что никогда этого не сделаю, пусть она ползает передо мной на коленях, – открыл засов, и она скользнула в мои объятия, как будто бы ничего не случилось.

– Прости, если я сделала тебе больно, Викс, – раздался в тишине ее шепот. – Ты ведь знаешь, до тебя я никого не любила и потому поступила неправильно. Если хочешь, я уйду.

– Нет, – прохрипел я не своим голосом.

Той ночью я использовал ее как только хотел: туго наматывал на руку ее волосы, впивался ей в губы поцелуем, пока те не распухли, нарочно оставил у нее на шее несколько меток.

– Давай, объясни своему жениху, откуда они у тебя, – прошептал я свирепым шепотом, но она лишь сильнее сжала объятия.

– А теперь можешь идти, – сказал я, насытившись ею. – Ты получила то, зачем пришла.

А в следующий миг в темноте раздалась ее усмешка – та самая, которая мне так нравилась.

– И все же я люблю тебя, Викс, – сказала она, собирая одежду. – Честное слово, люблю.

Плотина

– Вот видишь, все получилось просто замечательно, – довольно произнесла Плотина. – Как я и говорила. У дорогого Публия теперь есть невеста, и он преодолел первую ступеньку на пути к успеху. Мы ведь обе знаем, куда он его приведет?

Массивная статуя ответила ей благосклонным взглядом безжизненных мраморных глаз.

В Риме было немало статуй небесной царицы, но Плотина предпочитала именно эту, стоявшую на Капитолийском холме в храме ее супруга Юпитера. Эта Юнона не была покровительницей женщин и брака, взирающей на молящихся как добропорядочная жена, когда те просили у нее мужей и детей. Эта богиня восседала на массивном троне рядом с Юпитером, строгая и прекрасная в своей диадеме и плаще из козьей шкуры – Юнона, императрица небожителей, точно так же, как Плотина была императрицей смертных.

Плотина пришла в храм сразу после того, как узнала новость. Жрец тотчас же выставил вон других посетителей храма, чтобы она могла побеседовать с богиней с глазу на глаз. Но молиться она не стала, лишь опустилась на холодную мраморную скамью, стоявшую на возвышении, и, устало прислонившись к боку огромного мраморного трона, на котором восседала богиня, подняла на нее глаза и сообщила долгожданное известие. Они прекрасно поняли друг друга, Юнона и Плотина.

– Малышка Сабина будет мне как дочь, – сказала императрица своей небесной сестре. – Как только до меня дошло это известие, я послала ей жемчужное ожерелье, в знак того, что теперь она вошла в нашу семью. Я возьму ее под свое крыло, ради моего дорогого Публия. Она научится смешивать для него вино, узнает его любимые блюда, как нужно держать в узде рабов, чтобы те не позволяли себе вольности, и будет вести дом. Пока что она не слишком прислушивается к моим советам.

Мысли Плотины на какой-то миг вернулись к тому моменту, когда Адриан привел во дворец свою избранницу.

– Моя дорогая девочка! – воскликнула тогда Плотина, целуя Сабину в обе щеки. – Ты даже не представляешь, как я счастлива. Ты станешь для меня дочерью, которой у меня никогда не было. Разумеется, брачную церемонию я беру на себя, а после свадьбы вы поселитесь во дворце, пока не будет готова подходящая вам вилла. Скажу честно, дом дорогого Публия совершенно не готов к тому, чтобы принять молодую жену.

– Думаю, новая вилла нам не понадобится, – ответила Сабина и посмотрела на Адриана, нежно положившего ей на плечо руку. – Потому что мы отправляемся в Грецию. А после нее, кто знает?

– Он говорит, что после свадьбы увезет ее в Грецию, – доверительно сообщила богине Плотина. – Якобы для того, чтобы поработать там год магистратом. Но ведь это же полный абсурд! Он нужен здесь, в Риме, если он хочет, чтобы его карьера, которую я ему прочу, неуклонно шла вверх. Как бы хотела – как только подойдет возраст – видеть его консулом. Но, скажи, как такое может случиться, если он будет прохладиться в Афинах?

Юнона с сочувствием посмотрела на нее.

– У тебя ведь есть сыновья, – сказала Плотина. – И тебе ли не знать, как нелегко порой матерям с молодыми людьми. Дорогой Публий вбил себе в голову, будто ему хочется посмотреть мир. Скажи, какая польза от этого его карьере? Мечтать о том, чтобы уехать из Рима, можно и позже, когда он станет консулом. Всегда найдется свободная провинция, которой требуется наместник, например, Египет. Думаю, Траян не станет возражать. Ведь теперь Публий полноправный член нашей семьи.

Плотина нахмурилась. Единственным темным пятном на ее счастье был ее собственный муж. Похоже, что известие о предстоящем браке не слишком обрадовало Траяна.

– Малышка Сабина достойна большего, – буркнул он.

– Ты говоришь большего? – возмутилась было Плотина, но Траян довольно грубо оборвал ее: – Сколько можно, Плотина! Я устал слушать твое нытье. Согласен, Адриан – способный молодой человек, так что воспрепятствовать этому браку я не стану. Но это отнюдь не значит, что я проникся к нему какой-то особой любовью. И не жди, что я отнесусь к нему как к сыну, лишь потому, что он сумел-таки найти лазейку, чтобы стать членом нашей семьи.

С этими словами Траян – явно в дурном настроении – удалился. Плотина не стала вступать с ним в пререкания. Пусть злится, если ему так нравится.

– Мужья, они все такие, – вздохнула она, обращаясь к Юноне. – Им лишь бы найти повод. Юнона ее поняла.

– По крайней мере мой супруг никогда не подвергал меня таким унижениям, как тебя – твоя. – Плотина оперлась локтем о пьедестал и откинула голову, глядя на массивную статую Юпитера в центре храма. – Смертные женщины и незаконные дети – честное слово, с этим я не стала бы мириться даже на минуту. Но Траян предпочитает сильных, молодых солдат, и меня они не беспокоят.

Нет, она не всегда была такой нетерпимой. Первые дни ее замужества принесли с собой в основном разочарование. Нет, ей было прекрасно известно, что, будучи холостяками, мужчины порой имеют странные предпочтения, что, однако, не мешало им выполнять свой долг по отношению к женам. Порой они вообще отказывались от своих старых привычек. И Плотина набралась терпения и ждала. Впрочем, терпение постепенно начало иссякать, но она все равно ждала. Ждала до того самого момента, когда Траян сказал ей те слова, сказал мягко и сочувственно, за своим обычным утренним блюдом с грушами. Как будто эта мягкость была способна уменьшить ее унижение.

– Если ты считаешь, что я когда-нибудь заведу себе любовника, – холодно ответила ему Плотина, – значит, ты просто не знаешь меня. И мне обидно, что ты предлагаешь мне такие вещи. Слышишь, обидно!

– Клянусь Хароном, Плотина!

– Впрочем, если об этом зашел разговор, так даже лучше.

– Я просто желаю тебе счастья, вот и все, – попытался взбодрить ее Траян. – Посмотри вокруг, почти все так делают, и они счастливы!

Больше он о таких вещах не заговаривал. Более того, чтобы загладить свою вину перед ней, став императором, тотчас же предложил сделать ее Августой. На что Плотина ответила ледяным отказом.

– Если ты считаешь, что я из тех жен, для кого брачный обет ничего не значит, – заявила она ему своим самым холодным тоном, – то я не достойна титула Августы.

Траян не стал продолжать этот разговор, хотя потом каждый год возвращался к нему. В этом году Плотина решила, что, пожалуй, примет его предложение. Почему бы нет? Ведь кто она, как не Мать Рима. Так почему бы не сделать этот титул официальным?

– Дорогой Публий гордится мной, – сказала она Юноне. – Все мои достижения – это его достижения, и наоборот. Жаль, правда, что в некоторых вещах он пошел по стопам Траяна, хотя, кто знает. Я дала ему ясно понять, что он просто обязан выполнить свой долг по отношению к Сабине. Но первой женщиной в его сердце все равно буду я, как и полагается матери.

Юнона согласилась с ней.

– Думаю, Сабина сама это поймет и не станет спорить. Тем более что дети сделают свое дело – по крайней мере три сына. Дорогому Публию нужны наследники. Ведь в один прекрасный день он станет императором Рима.

Юнона одобрила.

Плотина встала и отряхнула юбки.

– Боюсь, моя дорогая, что мне пора. – С этими словами она нежно похлопала каменную сандалию богини, которая находилась на уровне ее глаз. – Мне еще нужно заняться свадьбой, а потом я сделаю все для того, чтобы эта поездка в Грецию не состоялась. Право, что за взбалмошная затея!

Плотина набросила на голову вуаль и, скромно приподняв подол платья, спустилась вниз по ступенькам храма Юпитера. Когда ее мальчик, ее дорогой Публий, облачится в императорскую тогу, можно будет придать лицу статуи его черты. А Юноне – ее собственные. Сабина? Ее лицо подойдет какой-нибудь второстепенной богине, например, Весте.

Плотина знала каждый шаг, какой предстоит сделать ее дорогому Публию. Легат, во время предстоящей войны Траяна в Дакии. Затем наместник какой-нибудь провинции (Галлии?). Затем консул, затем префект Египта и в конце концов... император. Император Публий Элий Адриан. На этот счет сомнений у нее не было. Как и у Юноны.

Тем более что Юнона – это в некотором смысле она сама.

Викс

– Нам будет тебя не хватить, Викс, – Кальпурния отложила в сторону распашонку, которую она вышивала для будущего младенца. – Скажи, может, ты все-таки передумаешь?

– Нет. Я благодарен вам за все. Кстати, передай сенатору мое большое спасибо. – Я потоптался на месте. – И вообще не мое это – быть стражником.

– Сообщи нам, как у тебя дела. – Кальпурния протянула мне кошелек. – А это тебе за твою службу в нашем доме. Может, все-таки подождешь часик? Муж только что ушел с Сабиной в Капитолийскую библиотеку.

– Нет, мне пора. – Я нарочно выбрал такой момент, когда Сабинины с отцом не было дома. – И еще раз огромное всем вам спасибо.

День был сырой и холодный, но я решительно шагнул за ворота дома Норбанов. Вот и все. Прощай, моя работа. Прощай, все мои надежды, связанные с этим городом. Сегодня, когда отшумели Агоналии, он показался мне серым и унылым, лишь в канавах валялись брошенные флажки, или нога задевала на мостовой увядший и смятый веночек. Редкие прохожие брели понуро, с кислыми лицами. Я мог поспорить, что вчерашнее веселье наутро обернулось для

многих похмельем и головной болью. Домохозяйки тоже были не рады, ведь сколько и грязи и мусора предстоит сегодня убрать!

В общем, веселого всем нового года.

Прошлый новый год я встречал в доме моего отца в Бригантти. Шумный, веселый праздник. Хотя мать моя иудейка, однако, прожив большую часть жизни в Риме, она уже давно не соблюдала обряды предков. Что до отца, то любая вера в какие бы то ни было небесные силы покинула его еще в те дни, когда он сражался на арене Колизея. Но праздник есть праздник, и в нашем доме било ключом веселье, с пивом, жареным мясом, играми и забавами. Мы с отцом даже устроили во дворе шуточный поединок на деревянных мечах. Мать и сестры стояли рядом, подбадривая нас, а мой младший брат решил по такому случаю в первый раз пойти своими крепкими ножками. Затем к нам пришли соседи, и мы долго сидели с ними за праздничным столом. Этот новый год был для меня не столь веселым. Я плотнее завернулся в плащ и побрел в сторону Субуры, в надежде выпросить у моего прежнего хозяина комнату. Полкошелька монет, полученных от Кальпурнии, сделали свое дело, и я решил, что есть смысл как можно быстрее избавиться и от второй половины.

В ту ночь я напился. Переспал с какой-то девицей, затем со второй, представляя себе, как страдает Сабина. Так ей и надо, изменнице.

– За сучек-патрицианок! – крикнул я, поднимая кубок, и за мной вместе выпило полтаверны. Оставшиеся деньги я спустил быстро, и как раз рылся на дне сумки, надеясь наскрести на выпивку еще пару монет, как моя рука нащупала какую-то вещицу. Ею оказалась длинная, украшенная гранатами серебряная серьга, которую вручила мне Сабина. Я несколько мгновений смотрел на нее, глядя, как играют и переливаются драгоценные камни, готовый бросить ее на стол в качестве оплаты. Но нет, она стоила гораздо больше, чем выпитое мною вино, я же был не настолько богат, чтобы позволить себе столь широкий жест. Так что если и расставаться с серьгой, то лишь получив взамен ее полную стоимость.

– Нет, сначала я развлекусь как следует, и лишь потом, – с этими словами я убрал назад подарок Сабини.

Когда я, шатаясь, вышел из таверны, уже было далеко за полночь. Кроме того, прожив почти год в доме сенатора Норбана, я, похоже, забыл главное правило Субуры: никогда не ходи один.

– Это тебе от трибуна Адриана, – рявкнул за моей спиной грубый голос, вслед за чем мне в затылок врезался увесистый кулак. Я рухнул на колени.

Я попытался дать сдачи, но нападавших было как минимум пятеро, я же был так пьян, что едва стоял на ногах. Трое держали меня, пока другие двое избивали кулаками. К тому моменту, когда эти негодяи, наконец, выдохлись, у меня был сломан нос и несколько ребер. Лицо превратилось в один сплошной синяк, так что даже родная мать вряд ли бы узнала меня. Тогда они бросили меня, и еще несколько минут били меня ногами. Когда же я попробовал свернуться клубком, защищая грудь и живот, чья-то рука схватила меня за волосы и дернула мою голову назад.

– В следующий раз дважды подумай, прежде чем выставлять человека на посмешище перед самим императором, – произнес он явно заученные наизусть строки. – Особенно, если человек этот – трибун Адриан.

– Скажи своему трибуну, что его невеста потаскуха, – пробормотал я. – Что я почти год имел ее по три раза за ночь.

Увы, мой рот был полон крови, а эти головорезы уже шагали прочь. Я какое-то время лежал на мостовой, сплевывая кровь. Спустя какое-то время ко мне подбежали уличные мальчишки и сняли с меня сандалии и плащ. Да, не слишком вдохновляющее начало.

Тит

Тит заморгал и посмотрел вниз.

– Приветствую тебя, – сказал он. – Что ты здесь делаешь?

– Подними меня, – сказала маленькая девочка тоном, не допускающим возражений, и вновь потянула его за рукав. – Я тоже хочу посмотреть.

Тит наклонился и поднял с пола маленькую, золотоволосую девчушку в вышитом голубеньком платье.

– Что ты здесь делаешь? Мне казалось, ты должна быть дома.

– А вот и нет, я должна быть здесь. Меня зовут Антония, и мою маму пригласили на свадьбу...

– Неправда, маленькая лгунья. Ты Фаустина, младшая сестра Сабины, и я точно слышал, как после свадебного пира мать сказала тебе, что ты еще слишком мала, чтобы шагать вместе со всеми во время брачной процессии.

Пойманная на вранье, Фаустина насупилась.

– Но я хочу посмотреть!

– Ну, идем, – ответил Тит, усаживая пятилетнюю Фаустину себе на правую руку, и вновь поспешил присоединиться к процессии, которая уже выстроилась возле дома Норбанов. Сам сенатор сиял от гордости, шагая рядом с паланкином супруги, которую он нежно держал за руку. К сожалению, накануне у Кальпурнии распухли ноги, и она заявила, что не в состоянии сделать даже шага, не говоря уже о том, чтобы пройти мило до дома их новоиспеченного зятя. Рабы с улыбками на лицах освещали факелами дорогу, и по змеившейся вдоль улицы процессии играли пестрые тени. Любые слова тонули в общем гуле голосов. Трибун Адриан стоял с торжествующим видом и, слегка откинув назад массивную голову, разговаривал с императрицей Плотиной. По другую сторону от него стояла крошечная фигурка в шафрановом одеянии: его невеста. Она улыбалась гостям из-под алой вуали, и в свете факелов казалось, будто та пылает пламенем.

– Мне нравится ее алая вуаль, – с серьезным видом заметила Фаустина, сидя на руках у Тита. – Сабине идет красный цвет.

– Ты права, – согласился с ней Тит.

Под музыку и пожелания счастья, процессия двигалась вдоль улицы. Рабы распевали свадебные куплеты, порой откровенно похабные. Всякий раз, услышав очередную непристойность, императрица Плотина возмущенно хмурила брови. Адриан шагал рядом, бросая в толпу орехи – символ достатка и процветания. Сабину сопровождали три мальчика-раба – двое шли по бокам от нее, третий – впереди, освещая им путь факелом. Завидев свадебную процессию, прохожие останавливались, махали руками, выкрикивали добрые пожелания. Тит тащился в самом хвосте, с Фаустиной на руках. Девчушка вытягивала шею и смотрела во все глаза.

– А вот и дом! – радостно воскликнула она. – Сейчас он перенесет ее через порог. Так мне сказала мама. А еще она сказала, что когда они с папой поженились, она не хотела, чтобы он переносил ее через порог, потому что у него больное плечо, но он сказал, что как-нибудь справится. У него до этого было две жены, но он даже не пытался их взять на руки, и видишь, чем все кончилось! А вот маму он через порог перенес...

Тит понаблюдал, как жрецы, бормоча молитвы, освятили порог нового дома Сабины. После чего Адриан вручил кому-то корзину с орехами и шагнул к невесте. Сабина улыбнулась ему и протянула навстречу руки. Он поднял ее, словно перышко, и даже слегка подбросил вверх. Толпа тотчас разразилась ликующими криками. Адриан перенес молодую жену через порог, а вслед за ним в дом устремились гости.

– Думаю, мы больше ничего не увидим, – сказал Тит малышке Фаустине. – Если мы войдем, нас тотчас же обнаружит твоя мать. Так что советую тебе вернуться домой и лечь в кровать, пока нас с тобой никто не заметил.

Фаустина нехотя кивнула в знак согласия. Тит пересадил ее на другую руку и, подозревая одного из факелоносцев, зашагал назад, к дому Норбанов. Уже стемнело, лишь на западе, там, где только что село солнце, через все небо пролегла пурпурная полоса.

– Ты какой-то грустный, – неожиданно сказала Фаустина, когда они завернули за угол и дом Адриана скрылся из вида.

– Я? Неужели? – Тит попытался изобразить улыбку.

– Да, ты, – серьезно ответила Фаустина. Ей очень шло, когда она хмурилась, эта светло-волосая малышка с курносом носиком. В ней не было ничего от Сабины.

– Наверно, ты права, Фаустина.

– А почему?

– Потому, что я люблю твою старшую сестру.

«Вот я и сказал это вслух», – печально подумал Тит. Ему было трудно в этом признаться даже себе.

– Скажу больше, я люблю ее до безумия, и вот теперь она вышла замуж за другого.

Фаустина вновь насупилась.

– Она могла бы выйти замуж за тебя.

– Я был бы только рад. Но она не захотела. И, наверно, она права. Мы плохо подходим друг к другу. Адриан, он видный, красивый. И он откроет ей целый мир. Скажи, я могу кому-нибудь дать целый мир? Я, никчемный зануда? Все, что мог бы ей дать, – это скучную, однообразную жизнь здесь, в Риме.

– Давай, я выйду за тебя, – предложила Фаустина.

Тит взъершил ей волосы.

– Ты выйдешь замуж за принца, Фаустина, или даже за императора. За того, кто гораздо лучше меня.

Вскоре она уже дремала у него на плече. Тит на цыпочках внес ее в сгущающуюся темноту дома Норбанов.

– Положите ее в постель, – сказал он рабыне с факелом. – И, самое главное, помните, она никуда не выходила из дома.

– Не беспокойся, никто ничего не узнает. – Рабыня нежно погладила головку девочки. – Нехорошо выдавать малышку.

– Она больше не малышка, – криво усмехнулся Тит. – Теперь она единственная дочь в доме.

– Твоя правда. А ведь помню, когда госпожа Сабина еще была такой.

С этими словами рабыня унесла Фаустину в дом. Она лишь на мгновение разбудила девочку, и та из-за ее плеча сонно помахала Титу на прощание ручкой. Тит помахал ей в ответ, развернулся и, с трудом сдерживая слезы, побрел прочь. Перед глазами его стояла одна и та же картина: Сабина на полу библиотеки, лежит, задумчиво подперев кулачком подбородок. Затем поднимает на него глаза и говорит:

– Только не это. Еще один.

– Ты не любишь его, – сказал он ей сквозь тени. – А он не любит тебя.

Но так ли это важно? Большинство браков заключаются отнюдь не по любви. Куда важнее такие вещи, как деньги, связи, возможность сделать карьеру. Или в случае Адриана и Сабины – жажда приключений.

«У тебя все не так, как у всех, Сабина, – подумал Тит, – потому что ты сама не такая».

Впрочем, то же самое относится к Адриану. В отличие от Тита, глядя на Нил, Адриан не подумал бы о крокодилах. Он подумал бы о приключениях. Адриан, не моргнув глазом,

зашагал бы по диким горным пустошам Бригантии или крутыми горными тропами Дельф, чтобы своими глазами увидеть пифию. Во время свадебного пира он заявил об этом своем желании во всеуслышание. Тогда Сабина достала монетку и предложила заключить пари, кто первым достигнет вершины – он или она. Адриан улыбнулся ей, однако пари принял. Сабина же наклонилась к нему и поцеловала в щеку. За этот поцелуй Тит был готов отдать двадцать лет жизни.

А вот он его получил, хотя вовсе ее не любит.

Ну да ладно, лишь такие зануды и неудачники, как он сам, могли пребывать в уверенности, будто жену нужно любить. Тит перевел взгляд на ночное небо. Было уже темно, и сквозь укутавшую город дымку проглядывали звезды. Тит порылся в памяти, в надежде обнаружить цитату, что-нибудь из Вергилия, Катона или Гомера, элегантную цепочку слов, соединенных воедино гением, который мог в мгновение ока выдать нечто прекрасное и возвышенное. Увы, на сей раз память его подвела – в кои веки в его голове не нашлось ни единой цитаты. Зато там было полно Сабинины: вот она с хрустом грызет яблоко, вот водит стилем по карте, вот она возлежит на пиршественном ложе, и рядом с ее шеей переливается украшенная гранатами серебряная серьга. Образы сменяли друг друга один прекрасней другого, и никакие слова, даже сказанные величайшими из поэтов, были бессильны передать его чувства.

– Неужели мне теперь страдать до конца моих дней? – вот и все, что он мог спросить у богов.

Викс

– Ты уже на две недели просрочил плату, – бросил мне хозяин гостиницы, недобро на меня глядя. – Живо гони монету.

– Попозже, – ответил я.

Прошел целый месяц нового года. Синяки на моем лице побледнели, а вот нос и ребра по-прежнему давали о себе знать. Что ж, нанятые Адрианом головорезы честно отработали свои деньги. Проклиная их на чем свет стоит и морщась от боли, я тем не менее вновь начал упражняться с мечом в тесном дворике гостиницы. Я как раз потрясал моим гладием, когда с покупками вернулись две прыщавые рабыни.

– Как хорошо, что нам вчера вечером не нужно было идти на рынок, – сказала одна из них. – Потому что из-за свадебной процессии было не протолкнуться, а она растянулась на целую милю.

– Сенаторская дочка? Ты видела ее платье?

Интересно, что это за свадьба? Неужели Сабинины и Адриана? Я нарочно убедил себя, что не хочу знать точную дату. Но с того момента прошло несколько недель. Так что они наверняка уже муж и жена. И конечно же делят ложе. Интересно, подумалось мне, и как он ей, этот ее муж? В эту ночь я снова напился, хотя и не так сильно, как в первый раз. Я просто сидел, потягивая вино, глядя, как по улице расхаживают раскрашенные шлюхи, как в темных закоулках притаились грабители, как мимо на нетвердых ногах, шатаясь, бредут пьяницы. Затем я поднялся, послал подальше выставленный хозяином счет и направил свои стопы в легионы.

Часть II. Дакия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.